

Пушкинский
альбом

К 100-летию со дня рождения.

Приложение к журналу
<Ива> 1899г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Согласно постановления Квалификационной Комиссии Вологодского Музыкального Техникума и на основании § 40 постановления о Техникумах выдано настоящее свидетельство в том, что гр.

родивш в году _____ месяца _____ дня, поступил в _____ года в Вологодский Музыкальный Техникум, окончил его в _____ года _____ месяца _____ года

по _____ по _____ по специальности _____

Имея общее образование в объеме школы II ступени, _____ и выполнил _____ преподавал _____ и слушал _____ и _____ установленную программу по специальности, а также прослушал _____ и _____ все необходимые зачеты по следующим предметам учебного плана Техникума:

1. Введение в теорию музыки.
2. Сольфеджио и диктант (одноголосное и двухголосное).
3. Введение в гармонический анализ (I-й курс гармонии).
4. Гармонический анализ (II-й курс гармонии).
5. Акустика.
6. Анализ форм.
7. Инструментовка.
8. История музыки.
9. Камерный ансамбль.
10. Общественное.

11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.

1611

Александръ Сергѣевичъ

Пушкинъ

Юбилейный альбомъ

въ память столѣтія

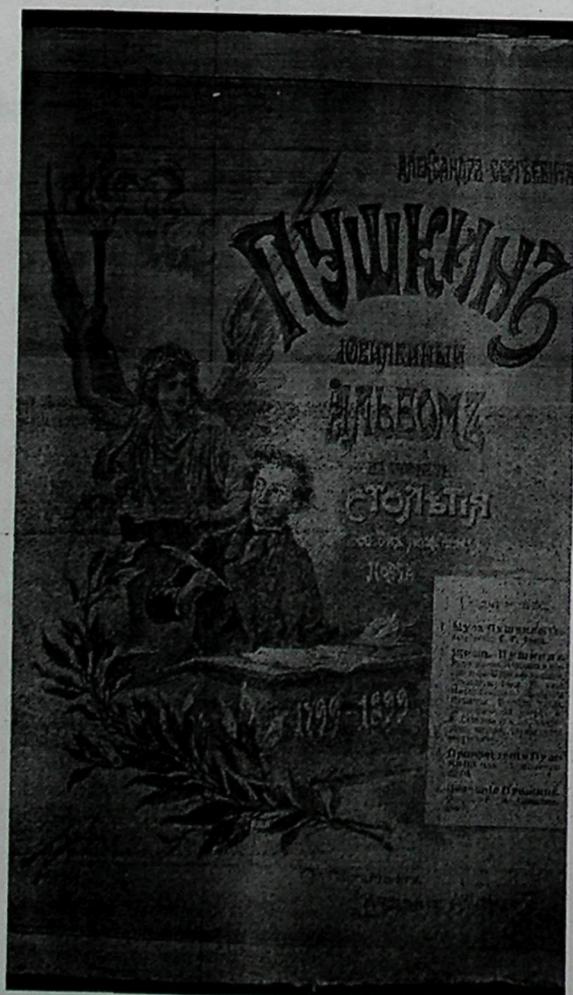
со дня рожденія поэта

1799-1899

Съ - Петербургъ

Изданіе А. Ф. Маркса

1899

Александръ Сергѣевичъ

ПУШКИНЪ.

1799.

26 мая.

1899.

Муза Пушкина.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ незабвенныхъ дней,
 Когда, чтобъ вызвать отзвукъ струнъ сердечныхъ,
 Явился нашей лиры чародѣй,
 Глашатай красоты и правды вѣчныхъ.
 Онъ нашимъ дѣдамъ пѣлъ, но свой завѣтъ—
 Завѣтъ, какъ жизнь, какъ молодость, какъ свѣтъ,
 Чарующихъ и сладкихъ вдохновеній—
 Онъ далъ пѣвцамъ грядущихъ поколѣній;
 И звуки дивной Пушкинской струны,
 Казалось,—вѣчно бодры, вѣчно юны—
 На долгія столѣтія должны
 Запечатлѣть родныя струны.

Но, муза русская! Тобой
 Исполненъ ли завѣтъ его святой?
 Творящей силой чудныхъ вдохновеній
 Была обильна молодость твоя;
 Но кратокъ былъ—увы!—расцвѣтъ весенній;
 Какъ солнце лѣта, засіялъ твой геній
 И догорѣлъ, какъ зимняя заря.
 Съ вершины той, гдѣ алтари сіяли,
 Сошла ты въ доль, объятый сномъ и тьмой,
 И пѣсню мрачной гнѣва и печали
 Раздался скорбный голосъ твой.
 Твоя лампада робко замерцала;
 Цвѣты упали съ блѣднаго чела;

Но лиръ скорбной родина внимала:
 Ту пѣсню красота не озаряла,
 Но все же правда, правда въ ней была.
 И вѣчный миръ душѣ поэта,
 И память свѣтлая тому,
 Кто пѣлъ ее, хоть проблескъ свѣта
 Вливая въ нашу вѣковую тьму...
 Гдѣ-жъ ты теперь, великая, благая?
 Гдѣ ясный взоръ, гдѣ образъ милый твой?
 Ужели та, безумная, слѣпая,
 Съ безкровнымъ тѣломъ, съ блѣдною душой.
 Изъ-за моря причудой нездоровой
 Къ намъ занесенная,—ужель
 Она властна плѣнить насъ пѣсню новой?
 Ей отдала ты свой вѣнецъ лавровый,
 Свою волшебную свирѣль?..
 О, нѣтъ! Возстань, желанная, воскресни!
 Какъ небо юга—въ борозды полей,
 Въ упавшій голосъ нашей пѣсни
 Ты снова жизнь и силу влей.
 Воскресни, дивная! И пѣснь твоя живая
 Да зазвучитъ надъ чуткою толпой,
 Безсмертьемъ Пушкина вѣчная
 И Пушкинымъ вѣчная край родной...
 С. Фругъ.

МУК «ЦБС»
 г. Вологда

Жизнь Пушкина.

I.

Родословная Пушкина и дѣтскіе годы.

Сто лѣтъ истекаетъ съ тѣхъ поръ какъ родился Пушкинъ. Въ знаменательные дни этого вѣкового юбилея кто не пожелаетъ вспомнить жизнь поэта, воскресить въ памяти его вдохновенный образъ и то общество, среди котораго ему пришлось жить, творить и трагически погибнуть?

Предлагаемый здѣсь очеркъ имѣетъ цѣлью придти въ этомъ отношеніи на помощь читателю.

Пушкинъ, съ отцовской стороны, принадлежа къ старинному русскому дворянскому роду, упоминаемому въ лѣтописяхъ еще со временъ Юянна Грознаго, съ материнской сто-

роны имѣлъ прадедомъ негра Ганнибала. Въ біографіи Ганнибала многое осталось до сихъ поръ невыясненнымъ, однако извѣстно, что онъ былъ сыномъ владѣтельнаго князька, быть, семи лѣтъ отъ роду, похищенъ и препровожденъ аманатомъ (заложникомъ) въ Константинополь, откуда отосланъ русскимъ посланникомъ въ подарокъ Петру Великому, любившему всякіе «раритеты» и курьезы. Въ память славнаго карагегяннина, молодой негръ получалъ прозвище Ганнибала и принявъ православіе; крестнымъ отцомъ его былъ самъ царь, давшій ему свое отчество и имя Абрама, по созвучію съ нехристианскимъ именемъ Ибрагима; крестной матерью его была королева польская. Молодой арапченокъ спалъ въ царской комнатѣ и сопровождалъ Петра во всѣхъ его походахъ, а въ 1716 г. поѣхалъ съ нимъ во Францію, гдѣ и остался жить, досту-

слѣдовали его за эти «глупости», отымавшія у него время отъ «серьезныхъ» занятій.

Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ.
Съ семейн. портр. (исключит. право воспроизв. принадл. «Нивѣ») грав. Берике.

II.

Пушкинъ въ лицей.

Благодаря протекціи А. И. Тургенева и дяди Василя Львовича, Александръ Пушкинъ былъ принятъ въ основанный въ то время Царскосельскій лицей. Въ октябрѣ 1811 г. послѣдовало торжественное открытіе этого учебнаго заведенія, куда и поступилъ Пушкинъ. Лицейъ былъ очень хорошо оставленъ лучшими преподавательскими силами. Однако прекрасные преподаватели векоръ оказались ниже своей задачи; одни давали зубрить ученикамъ свои тетрадки, другіе принимали участіе въ пирушкахъ аристократовъ-воспитанниковъ

и дѣлали имъ невольныя послабленія на урокахъ и экзаменахъ; тѣмъ не менѣе, въ лицей царилъ особый духъ, — духъ свободы и поощренія къ самообразованію, и воспитанники этого учебнаго заведенія на всю жизнь сохранили о немъ теплое воспоминаніе.

«Учебная жизнь Пушкина не была блестяща», — говоритъ

Сестра Пушкина: Ольга Сергѣевна Павлицева.
Съ семейн. портр. (исключ. право воспроизв. принадл. «Нивѣ») грав. Берике.

Аппенковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина». — «При обширной, почти изумительной памяти, ему

Домъ на Нѣмецкой улицѣ въ Москвѣ, гдѣ родился Пушкинъ. Съ фот. грав. А. Шлиперъ.

недоставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ приобрѣлъ... Въ лицѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очепь

Пушкинъ-мальчикъ. Съ совр. гравюры Гейтмана грав. Герике.

скоро... — съ одной стороны обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой — расположеніе къ насмѣлкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ за его превосходное знаніе французскаго языка; но въ этомъ эпитетѣ скрывалось нерасположеніе товарищей къ живому и задорному мальчику... Только Дельвингъ зналъ его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности».

Первымъ стихотвореніемъ Пушкина на русскомъ языкѣ, написаннымъ имъ въ лицѣ, было «Посланіе къ сестрѣ», а первымъ напечатаннымъ — «Къ другу стихотворцу», появившееся въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1814 году.

Пушкинъ сдѣлался душою лицейскаго кружка повелителей и поэтовъ, въ числѣ которыхъ были Илличевскій, Дельвингъ и Кюхельбекеръ; они собирались по вечерамъ и сочиняли экспромтомъ стихи и разсказы, отличавшіеся подражаніемъ любовной и вакхической лирики русскихъ учениковъ и продолжателей Горация. Такимъ образомъ Пушкинъ больше всего подражалъ Батюшкову, Жуковскому и Василю Пушкину, которому далъ прозвище «парнасскій дядя». Въ стихотворномъ пьесѣ къ дядѣ, который называлъ его однажды своимъ братомъ по Парнасу, онъ пишетъ:

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ рюмъ вакхическихъ еще шатаюсь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братья:
Вы—дядя мой и на Парнасѣ.

На публичномъ экзаменѣ, въ 1815 г., шестнадцатилѣтній Пушкинъ привелъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ стихотвореніемъ «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ».

Въ послѣдней строкѣ этого стихотворенія юноша Пушкинъ принесъ даръ своего восхищенія поэту Державину, присутствовавшему на экзаменѣ:

О, скальды Россіи вдохновенный,
Воспѣвший ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

Пушкинъ-лицействъ. Съ портрета, принадлежавшаго Е. А. Энгельгардту, грав. Герике.

Державинъ, вставъ съ мѣста, склонилъ передъ Пушкинымъ свою сѣдую голову и хотѣлъ обнять его, но молодой поэтъ былъ очень смущенъ и скрылся такъ, что его долго не могли отыскать.

Къ тому же періоду относится и стихотвореніе «Подъ вечеръ осени ненастной», сдѣланное почти народною пѣсней и перепечатывавшееся въ 20-хъ годахъ на любочныхъ листахъ.

Всѣ эти опыты привели къ тому, что Пушкина стали знать и въ стѣнѣ лицей, а это измѣнило на него взглядъ его родителей, только что переселившихся въ Петербургъ на постоянное жительство. Жуковскій и Батюшковъ заѣзжаютъ къ нему въ лицей, совѣтуютъ ему, ободряютъ его. Профессора смотрятъ на него какъ на будущую знаменитость, товарищи распѣваютъ хо-

ромъ его пьесы, положенныя на музыку. Извѣстность его растетъ и доходитъ до того, что въ 1816 г. лирикъ Нелединскій-Мелецкій, которому императрица Марія Федоровна поручила написать стихи на обрученіе великой княжны Анны Павловны, прямо отправляется въ лицей и *заказываетъ*

Царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался Пушкинъ.

стихотвореніе Пушкину, который и оканчиваетъ его черезъ два часа.

На обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскаго, о Пушкинѣ уже шелъ общій и горячій разговоръ. Всѣ предсказывали ему большую славу. Гр. Разумовскій обратился къ Сергѣю Львовичу Пушкину и сказалъ:

— Я бы желалъ, однакоже, образовать сына вашего къ прозѣ.

Но Державинъ съ жаромъ и запальчивостью возразилъ ему:

— Оставьте его поэтомъ!

Въ стѣнахъ лицея Пушкинъ успѣлъ написать сто двадцать лицейскихъ стихотвореній и задумать и начать первую свою поэмѣ «Русланъ и Людмила». Въ маѣ 1817 г. состоялся выпускные экзамены лицействова, на одномъ изъ которыхъ Пушкинъ читалъ свое стихотвореніе «Безвѣріе»; но научные его отвѣты были плохи, и онъ былъ выпущенъ 19-мъ ученикомъ съ чипомъ X класса. Его другъ Дельвигъ окончилъ курсъ предположимъ.

Во время пребыванія въ лицей, благодаря существовавшей

тамъ свободѣ, Пушкинъ и другіе лиценсты сблизились съ обществомъ офицеровъ гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ; конечно, это было малоподходящее общество для молодыхъ лиценстовъ, предававшихся кутежамъ съ военной молодежью; однако, среди лейбъ-гусаръ Пушкинъ сошелся съ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей эпохи—съ П. Я. Чаадаевымъ, имѣвшимъ большое и благотворное на него вліяніе. Чаадаеву посвящено нѣсколько стихотвореній Пушкина, въ которыхъ онъ съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о дружбѣ своей съ нимъ:

..Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда—мудрецъ, а иногда—мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры...

Эти отношенія къ гусарскому полку возбудили въ Пушкинѣ одно время желаніе поступить на военную службу, но отецъ его не соглашался на это, въ виду недостатка средствъ, а дядя совѣтовалъ предпочесть гражданскую службу. Поэтъ

Князь А. М. Горчаковъ. Рис. В. Шпакъ, грав. Вейерманъ.

П. Я. Чаадаевъ. По портрету, хранящемуся у А. А. Венкстернъ, автотипія «Нивы».

Баронъ А. А. Дельвигъ. Съ современнаго портрета грав. Нейманъ.

вскорѣ отказался отъ своего намѣренія, хотя и обращался къ дядѣ съ вопросомъ:

Скажи, парнасскій мой
отецъ,
Неужто вѣрный музъ любовникъ
Не можетъ иѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладанъ Аполлону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ наравнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?

Однако, вскорѣ онъ самъ сталъ шутить надъ собой и надъ своимъ желаніемъ «красиво мерзнуть на парадѣ». Но его очень влекло на волю, вопль изъ лицей, и онъ писалъ за годъ до выпуска кн. П. А. Вяземскому, извѣстному поэту, критику и журналисту: «еще цѣлый годъ плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго... Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную академию и бесѣду губителей російскаго слова»

III.

Двадцатые годы.

Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лицей по второму разряду, зачисленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и получилъ жалованье въ 700 р.

«Вышедъ изъ лицей», — пишетъ Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ: — «я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и донныя люблю шумъ и толпу».

Вернувшись изъ

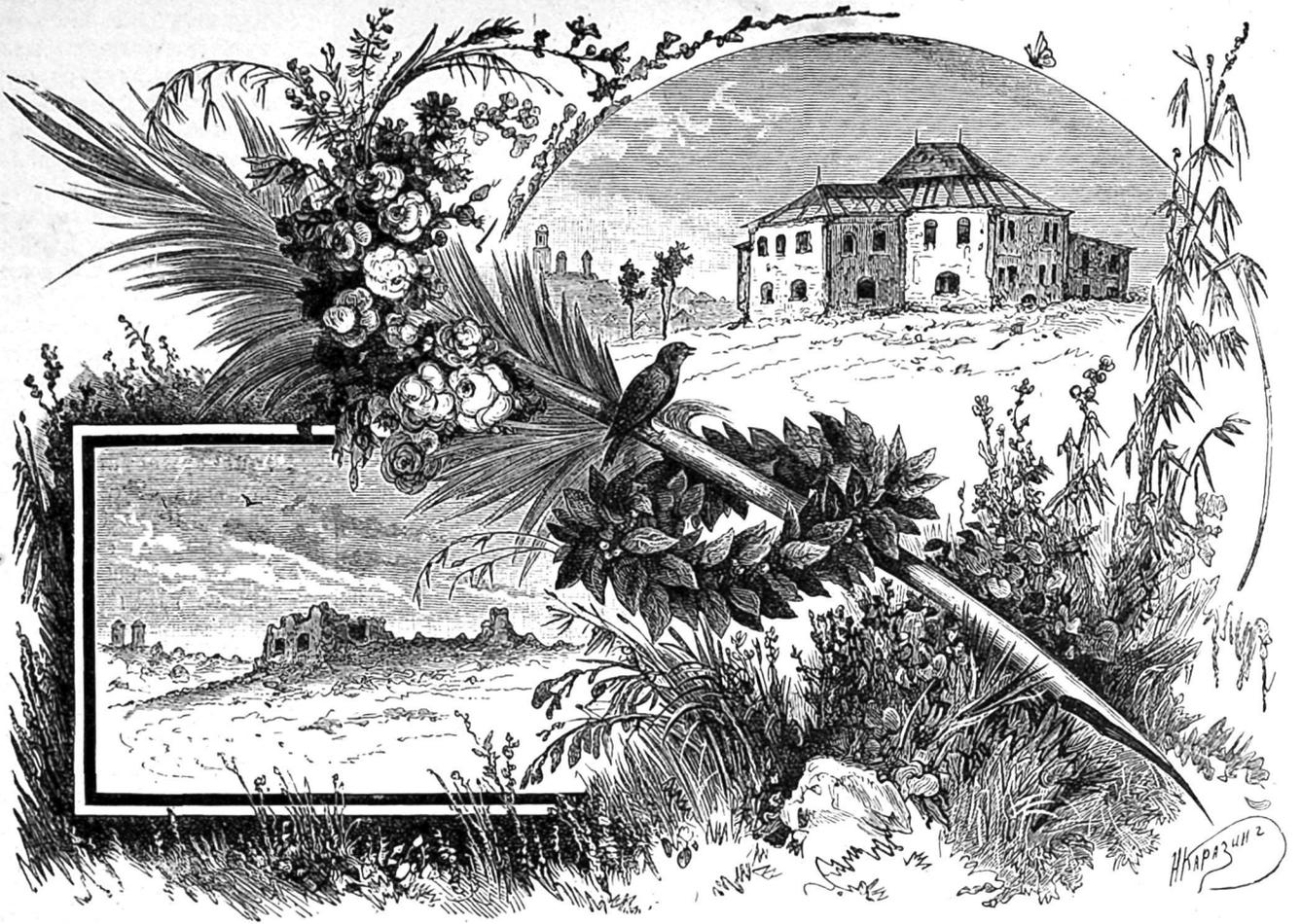
князь П. А. Вяземскій. По соврем. литографіи автотипія «Нивы».

Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гнѣдичъ. Картина академика Г. Г. Чернецова. Грав. Берике.

отпуска въ Петербургъ, Пушкинъ сталъ вести шумную, беспорядочную жизнь, полную разнообразныхъ впечатлѣній. Однако, онъ продолжалъ работать и дописывать «Руслана и Людмилу», которую и читалъ на литературныхъ вечерахъ Жуковскаго. Когда Пушкинъ прочелъ послѣднюю пѣсню своей первой поэмы, Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ слѣдующей надписью: «Ученику-побѣдителю, отъ побѣжденнаго учителя, въ высокочестивый день окончанія «Руслана и Людмилы». Поэма была издана въ 1820 г. съ посвященіемъ «Красавицамъ». Появленіе поэмы было встрѣчено съ восторгомъ публикой и большинствомъ литературныхъ знаменитостей того времени — Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, кн. Вяземскимъ и другими. Но были и недовольные, какъ, напр., И. Дмитріевъ, пришедшій вмѣстѣ съ критиками того времени въ ужасъ отъ введенія сказочнаго элемента въ возвышенную область поэзіи.

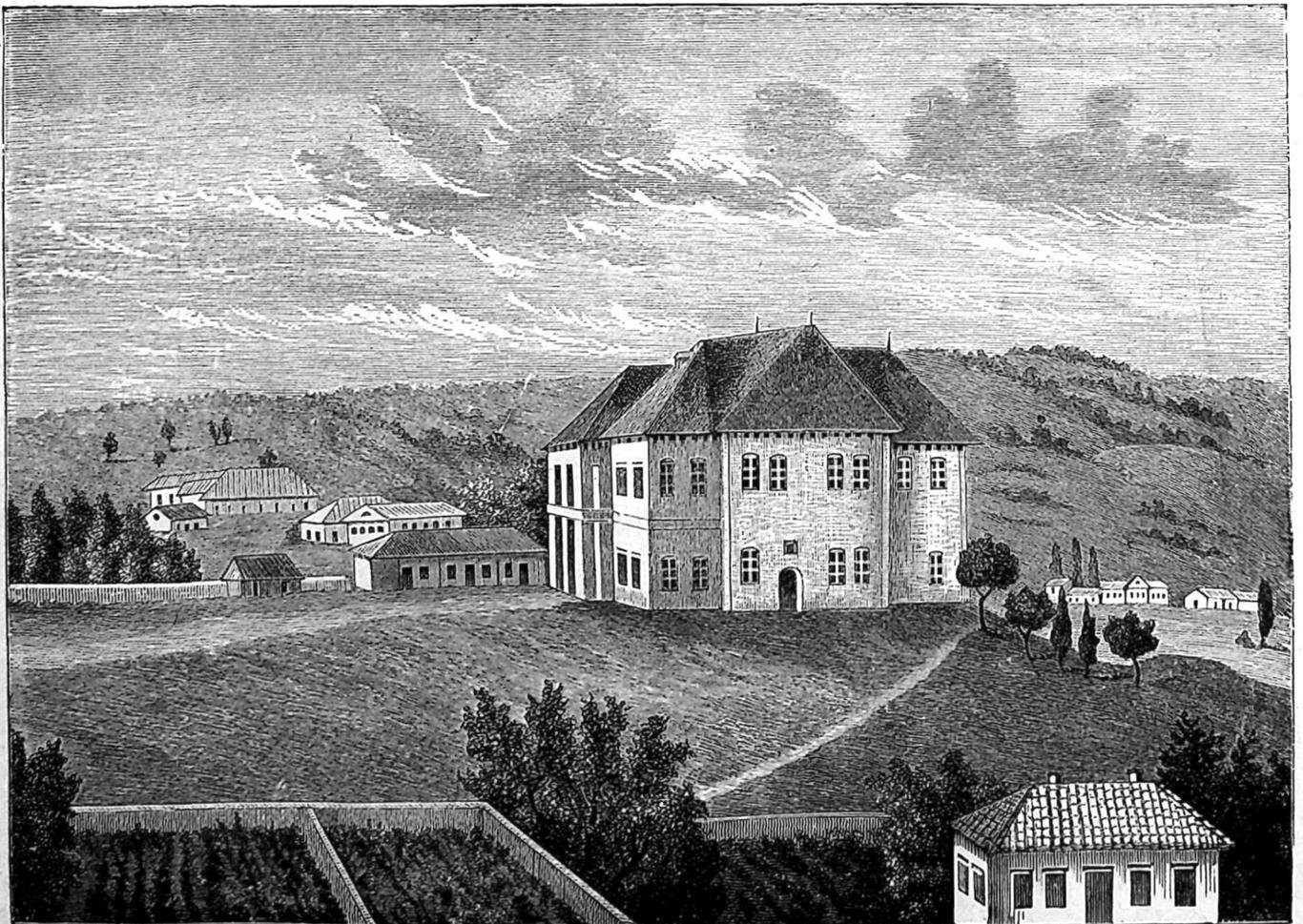
Самъ авторъ продолжаетъ вести разсѣянную жизнь, но въ то же время не перестаетъ работать: усердно посѣщаетъ литературный кружокъ «Арзамасъ», Катенина, который отучилъ его отъ «односторонности литературныхъ мнѣній, а односторонность есть пагуба мысли», субботы Жуковскаго, домъ Карамзина, на котораго однако писалъ эпиграммы. Тамъ не менѣе, полгода спустя онъ «съ жадностью и вниманіемъ» читаетъ «Исторію Государства Россійскаго»; пишетъ стихи, совершенствуя ихъ форму и силу выраженія. Кн. Вяземскій сообщаетъ о нихъ Жуковскому: — «Стихи чертенка - племян-

Домъ Инзова въ 1880 г.

Домъ Инзова въ 1854 г.

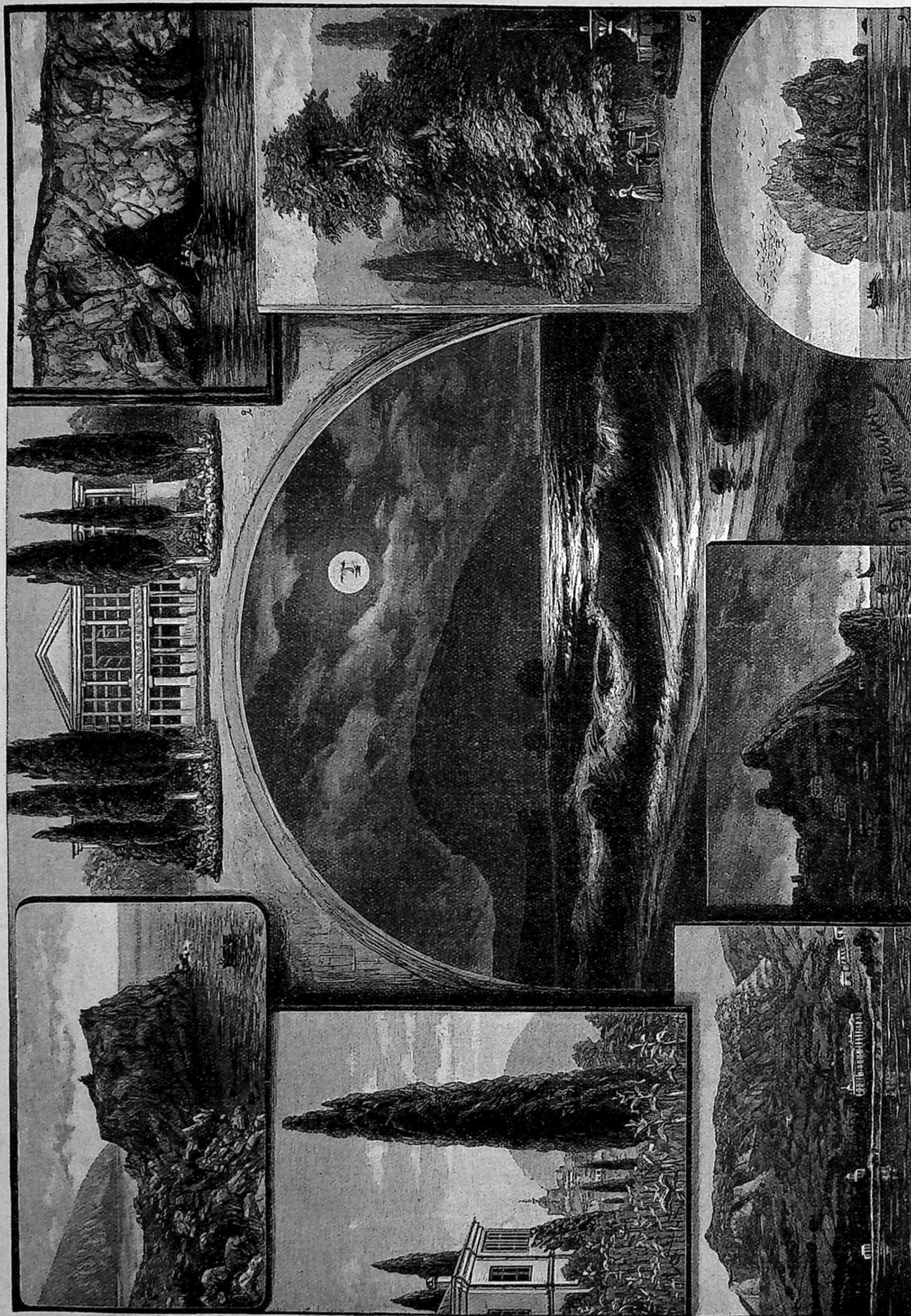
Со стараго наброска рпс. Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Домъ Инзова въ Кишиневѣ, когда въ немъ жилъ Пушкинъ. Съ соврем. рисунка грав. М. Рашевскій.

Мушини

1) Скала Пушкина. 2) Домъ, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ. 3) Гроты Пушкина. 4) Кипарисъ Пушкина противъ южнаго фасада дома. 5) Аю-Дагъ при лучшемъ свѣтѣ. 6) Платанъ Пушкина. 7) Видъ съ моря на паркъ и Яйлу. 8) Кривость Гурзуфа. 9) Адалары (острова-камни).

Виды Гурзуфа. По наброскамъ Э. Магдесана грав. М. Рашевскій.

ника чудесно-хороши. Я все отдаю бы за него — движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ его посадить въ желтый домъ: не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ забьетъ, насъ и отцовъ нашихъ». Но Пушкинъ все еще недоволенъ собой и все еще «объять тоской за чашей ликования».

Разсыпанная жизнь довела поэта до того, что онъ два раза лежалъ въ горячкѣ. Все это вызывало и разстройство денежныхъ дѣлъ.

Приближался роковой для Пушкина 1820-ый годъ.

Среди его знакомыхъ и пріятелей было нѣсколько декабристовъ, къ которымъ, впрочемъ, самъ Пушкинъ не принадлежалъ; но онъ сочувствовалъ вольнолюбивымъ идеямъ и выражалъ это сочувствіе не только въ разговорахъ, но и въ стихахъ, которые быстро распространились среди молодежи.

Гр. Милорадовичъ, тогдашній генералъ-губерна-

Портретъ А. С. Пушкина, изданный Г. П. Пашковымъ. Грав. Герике.

горъ, неожиданно вызвалъ Пушкина къ себѣ и приказалъ при немъ полицеймейстеру ѣхать къ поэту на квартиру и сдѣлать обыскъ. Пушкинъ заявилъ, что истребилъ все опасное.

— Графъ, — сказалъ онъ: — вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, чего ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.

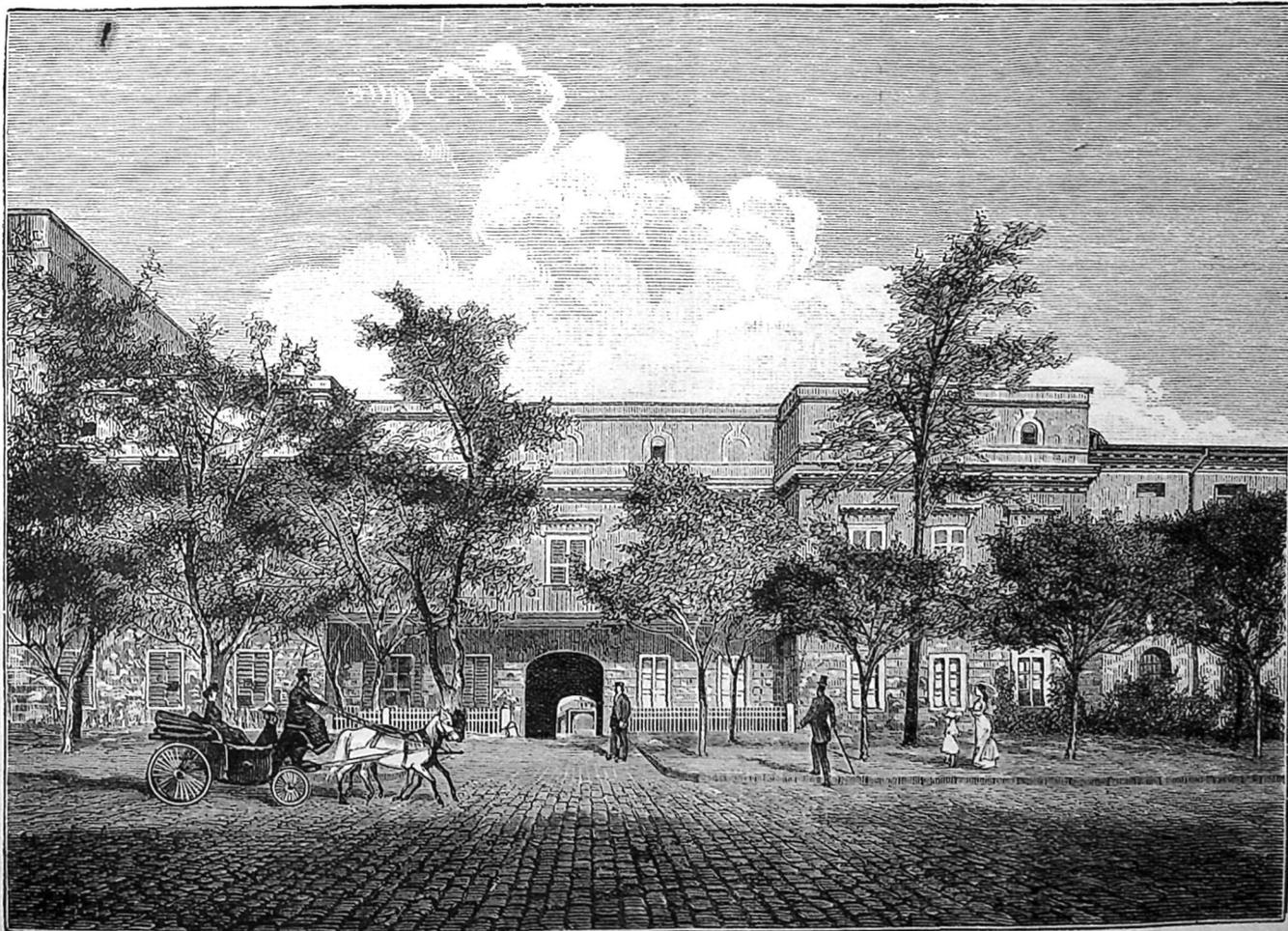
Ему принесли требуемое, и онъ написалъ по памяти всѣ свои «вредныя» стихотворенія.

Это произвело хорошее впечатлѣніе, и Милорадовичъ воскликнулъ:

— Ah! c'est chevaleresque! — и пожалъ ему руку.

Говорятъ, Пушкину грозила ссылка въ Сибирь или въ Соловецкій монастырь. Но государь обратился за совѣтомъ къ Энгельгардту.

— Энгельгардтъ, — сказалъ онъ ему, встрѣтившись съ нимъ въ царскосельскомъ саду: — Пушкина надо сослать въ Сибирь:

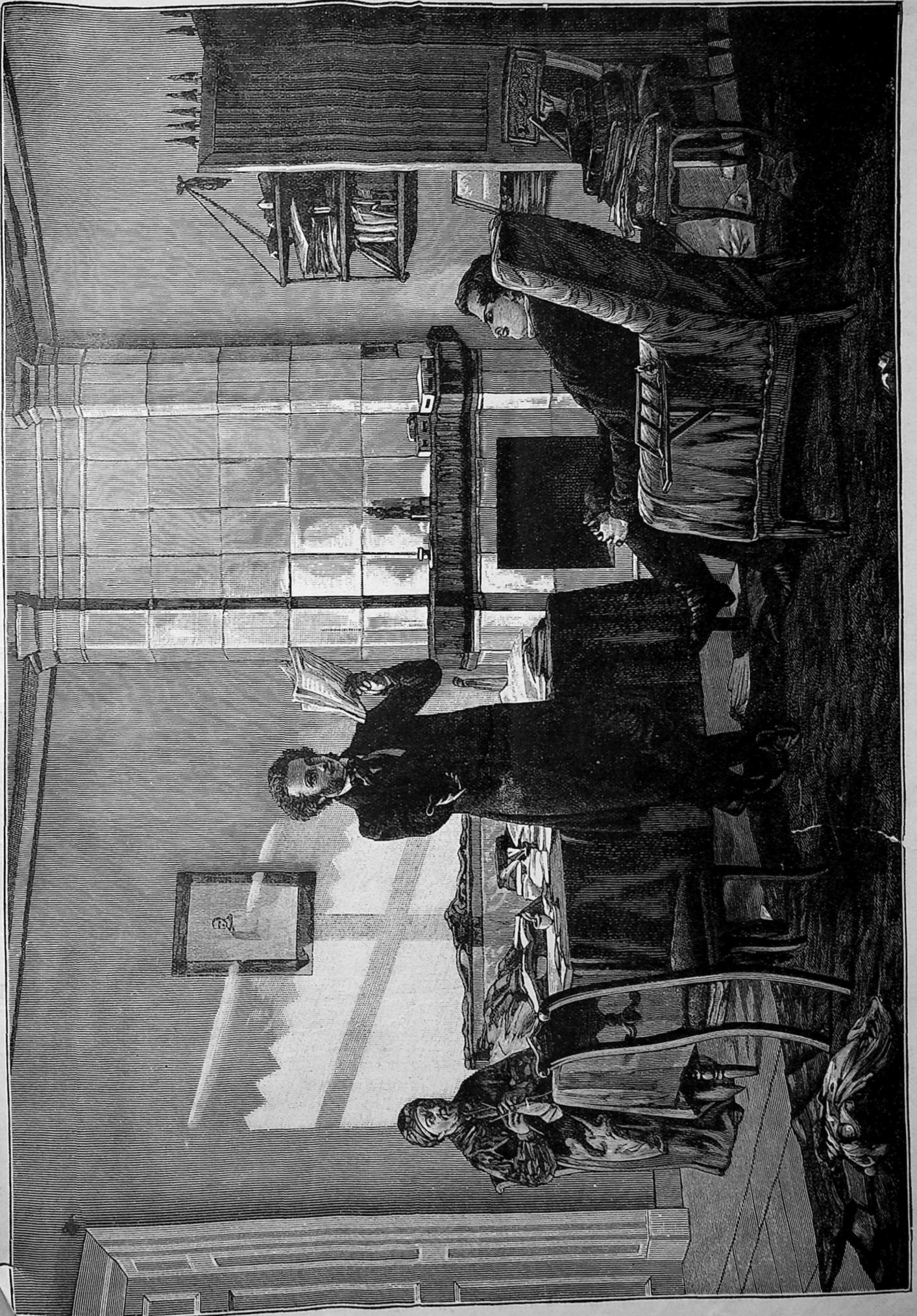
Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 году. Съ фотогр. рис. В. Шпакъ, грав. М. Рашевскій.

Сельцо Михайловское. Съ литографіи 1837 года.

Пушкинъ и няня. Съ карт. И. И. Геллера (исключ. право воспроизв. принадл. «Нивъ») грав. К. Зоммеръ.

Арина Родюнова.

Пушкинъ.

Пушкинъ въ Михайловскомъ.

Картина Н. Н. Ге. Рис. Дальневичъ грав. Б. Пудъ.

И. И. Пушкинъ.

онъ наводилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь знаетъ ихъ наизусть. Мнѣ очень прѣвѣтся откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не мѣняетъ дѣла.

— Воля вашего величества,—отвѣтилъ государю Энгельгардтъ:—но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать два слова въ защиту бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ—теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше лучше всего вразумитъ его.

Все друзья Пушкина поднялись за него горой. Чаадаевъ упрямилъ Карамзина ходатайствовать о немъ передъ императрицей; хлопотали Жуковский, президентъ академіи художествъ Оленинъ и другіе.

Карамзинъ упрекалъ поэта и читалъ ему наставленія.

— Можете ли вы, по крайней мѣрѣ, — въ концѣ-концовъ сказалъ онъ ему:—дать мнѣ слово, что въ продолженіе года не напишете ничего противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи.

— Я даю слово,—сказалъ Пушкинъ.

Хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и поэтъ «для пользы службы» былъ переведенъ въ распоряженіе ген. Изова, почетителя колонистовъ южнаго края.

Взволнованный, но не упавшій духомъ, Пушкинъ помчался на перекладной по Вѣлорусскому тракту въ Екатеринославъ. Ему дали 1000 руб. на дорогу. Онъ былъ очень тронутъ великодушіемъ государя. Пушкинъ везъ Изову письмо своего начальника гр. Каподистрія, который писалъ Изову, выражая надежду, что изъ Пушкина, подъ его вліяніемъ, выйдетъ «прекрасный чиновникъ, или по крайней мѣрѣ перворазрядный писатель».

Въ Екатеринославѣ Пушкинъ встрѣтился съ своимъ петербургскимъ знакомымъ ген. Раевскимъ и его двумя дочерьми; такъ какъ онъ опять заболѣлъ горячкой, то Изовъ разрѣшилъ ему послѣ того предпринять въ обществѣ Раевского и семи его путешествіе на Кавказъ и въ Крымъ для поправленія здоровья. «Моремъ прѣѣхали мы въ Керчь» — пишетъ Пушкинъ своему брату Льву: — «а изъ Керчи въ Кефу (Феодосію)... отсюда отправилъсь мы, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ (Гурзуфъ, принадлежавшій тогда герцогу Ришелье). Ночью на кораблѣ написалъ я элегію («Погагло дневное свѣтило»)... Въ Юрзуфѣ прожилъ я три недѣли... Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и прослушивать дѣльные часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кинарись, каждое утро я посѣщала его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы».

Пушкинъ увлекся одною изъ дочерей Раевского и чувство-

ваго...

Наталья Николаевна Гончарова (въ дѣтствѣ). По портрету, хранящемуся у Д. Д. Гончарова, авт. «Нивы».

По акварельному портрету, хранящемуся у А. А. Пушкина, грав. Шюблеръ.

Жена Пушкина, Наталья Николаевна (рожденная Гончарова).

По портрету работы Мазера, хранящемуся у И. Н. Подклюшниковъ, автотипія «Нивы».

валъ себя счастливымъ. Въ Гурзуфѣ онъ началъ писать «Кавказскаго плѣнника». Въ то время какъ молодой изгнанникъ путешествовалъ, Иззовъ былъ переведенъ въ Кишиневъ, куда долженъ былъ отправиться и Пушкинъ, побывавъ предварительно въ имѣніи матери Равскаго. Изъ скатеринославскихъ воспоминаній у Пушкина остался лишь одинъ образъ, послужившій ему темой для поэмы «Братья-разбойники»: два скованные разбойника убѣжали изъ скатеринославской тюрьмы и переплыли въ цѣпяхъ вѣлавы Дивьры.

Въ Кишиневѣ Пушкинъ поселился сначала въ простой наемной мазанкѣ, а потомъ переехалъ въ домъ Иззова, который очень тепло и сердечно относился къ поэту; Пушкинъ велъ въ Кишиневѣ вольную жизнь; посѣщалъ русское и туземное общество, ухаживалъ за дамами, посѣщалъ пирушки и игралъ въ карты; имѣлъ нѣсколько исторій и дуэлей. Послѣ одной изъ такихъ ссоръ Иззовъ послалъ Пушкина въ Измаилъ; по дорогѣ Пушкинъ встрѣтилъ цыганскій таборъ и присталъ къ нему, прокочевавъ съ нимъ довольно продолжительное время.

Ведя такую жизнь, поэтъ не переставалъ усиленно заниматься своимъ любимымъ дѣломъ. Онъ такъ много читалъ и писалъ, что ему казалось, будто онъ впервые позналъ теперь «и тихій трудъ, и жажду размышленій». Въ Кишиневѣ онъ написалъ, на основаніи пѣсни трактирной служанки,

балладу «Черная шаль», быстро сдѣлавшуюся популярной. Онъ создалъ здѣсь болѣе 40 стихотвореній, не считая крупныхъ вещей, какъ напр.: «Бахчисарайскій фонтанъ», и всевозможныхъ другихъ работъ, оставшихся невыполненными.

Въ Кишиневѣ же начать и «Евгеній Онегинъ», написано стихотвореніе «Наполеонъ» и «Пѣсь о вѣщемъ Олегѣ». Несмотря на столь плодотворную дѣятельность и на свободу, которую Пушкинъ пользовался въ Кишиневѣ, онъ рвался душою изъ этого города и съ трудомъ переносилъ изгнаніе. Онъ писалъ въ это время брату: — «здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я паселу умолялъ Иззова, чтобы онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу; ресторация и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ прѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ».

Однако радость Пушкина была кратковременна. Воронцовъ, понятно, не желалъ видѣть въ Пушкинѣ ни поэта, ни свѣтскаго человѣка, а неправнаго чиновника. И Пушкину было въ Одессѣ куда труднѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Онъ пытался приноровиться къ новымъ требованіямъ, но никакъ не могъ превратиться изъ страстнаго поэта въ приличнаго, подтянутого чиновника и позволялъ себѣ разныя выходки. Такъ,

Я помню чудное мгновенье,
Медо мной звалась тебе
(Какъ маленькая вѣдьма,
Какъ ленивѣйшая красавица)

Въ молчавшя чувства безглаголивой,
Въ тѣнѣхъ мучимой судьбы
Звучалъ мнѣ голосъ чужой
Н. елимакъ мнѣ въ перемѣ

Мнѣ же гдѣ, будь морскія мѣтежи
Ручьякъ прѣвнѣе мнѣ

И а забвѣ твоей голосъ мнѣ
Твоей медлѣ въ перемѣ

Въ мучи во мракѣ въ сапогахъ
Маленькая твоя да моя
Будь розовѣла, будь вѣдунья
Будь смѣхъ, будь дивья, будь любовь

Автографъ А. С. Пушкина.

приноровиться къ новымъ требованіямъ, но никакъ не могъ превратиться изъ страстнаго поэта въ приличнаго, подтянутого чиновника и позволялъ себѣ разныя выходки. Такъ,

Собственноручные наброски Пушкина, изображающіе Е. Н. Киселеву (рожденную Ушакову). Изъ альбома, хранящагося у П. С. Киселева. Автотипія «Нивы».

напр., когда Воронцовъ отправилъ его въ командировку—ислѣдовать сараичу въ степяхъ Новороссіи, Пушкинъ, вмѣсто солиднаго рапорта о порученіи, представилъ своему начальнику четверостишіе:

Сараича летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла—все сѣла
И вновь улетѣла.

Въ концѣ-концовъ отношенія такъ обострились, что Воронцовъ просилъ гр. Нессельроде, управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отозвать Пушкина изъ Одессы.

Гр. Нессельроде отвѣтилъ Воронцову письмомъ, что Государь Императоръ волюй согласился съ предположеніемъ графа и находить необходимымъ удалить Пушкина въ имѣніе роди-

наго предводителя дворянства и настоятеля монастыря. Онъ развлекался частыми визитами въ соседнее село Тригорское, гдѣ проживала П. А. Осипова съ дочерьми и племянницей А. П. Керчь. А. П. Керчь гостила въ то время у своей тетки и жаждала познакомиться съ поэтомъ. Керчь была красавица, и это знакомство кончилось тѣмъ, что Пушкинъ страстно влюбился въ молодую женщину. Онъ посвятилъ ей альбомное стихотвореніе: «Я помню чудное мгновеніе». Автографъ этого стихотворенія читатели найдутъ на этихъ страницахъ. Пушкинъ и здѣсь, какъ всюду, много читалъ и работалъ. «Книгъ, ради Бога книгъ!»—постоянно пишетъ онъ брату. Цѣлый день, съ утра до обѣда, сидитъ онъ съ перомъ въ рукѣ и пишетъ, а вечеромъ слушаетъ и записываетъ сказки своей няни, Арины Родионовны. По этимъ сказкамъ онъ изучаетъ

Георгъ-Карль Дантесъ (баронъ де-Геккеренъ).
Съ соврем. портрета автотипій «Нивы».

Шефъ жандармовъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ.
Съ соврем. портрета автотипій «Нивы».

телей, въ нековскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

IV.

Въ селѣ Михайловскомъ.

30-го іюля 1824 года Пушкинъ, получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. жалованья, да еще 3000 р. ассигнаціями отъ П. А. Вяземскаго, за только-что изданный имъ «Бахчисарайскій фонтанъ»—первый крупный гонораръ—выѣхалъ изъ Одессы. Прощанію съ Одессой Пушкинъ посвятилъ прелестное стихотвореніе «Къ морю»:

Прощай, свободная стихія,
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Онъ былъ обязанъ подпиской ѣхать, нигдѣ не останавливаясь, что и исполнилъ въ точности.

Грустно было возвращеніе опального поэта на родину. Родители приняли его сурово, и весьма недружелюбно посмотрѣли на возникшую между сыномъ и младшими дѣтьми дружбу, боясь, чтобы онъ не совратилъ ихъ. Начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ отцу Пушкина взять на себя надзоръ за поведеніемъ его блуднаго сына. Отецъ волюй воспользовался этимъ официальнымъ порученіемъ, и между нимъ и сыномъ произошла не одна тяжелая сцена. Пушкинъ одною изъ этихъ сценъ, гораздо позднѣе, воспользовался въ «Скупомъ рыцарѣ».

Въ концѣ-концовъ отецъ Пушкина отказался отъ своей официальной миссіи и вмѣстѣ съ женой и дѣтьми уѣхалъ въ Петербургъ. Поэтъ остался одинъ, подъ наблюденіемъ мѣст-

русскую народную рѣчь и тѣмъ пополняетъ пробѣлы воспитанія. Картины этой деревенской жизни Пушкина мы видимъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

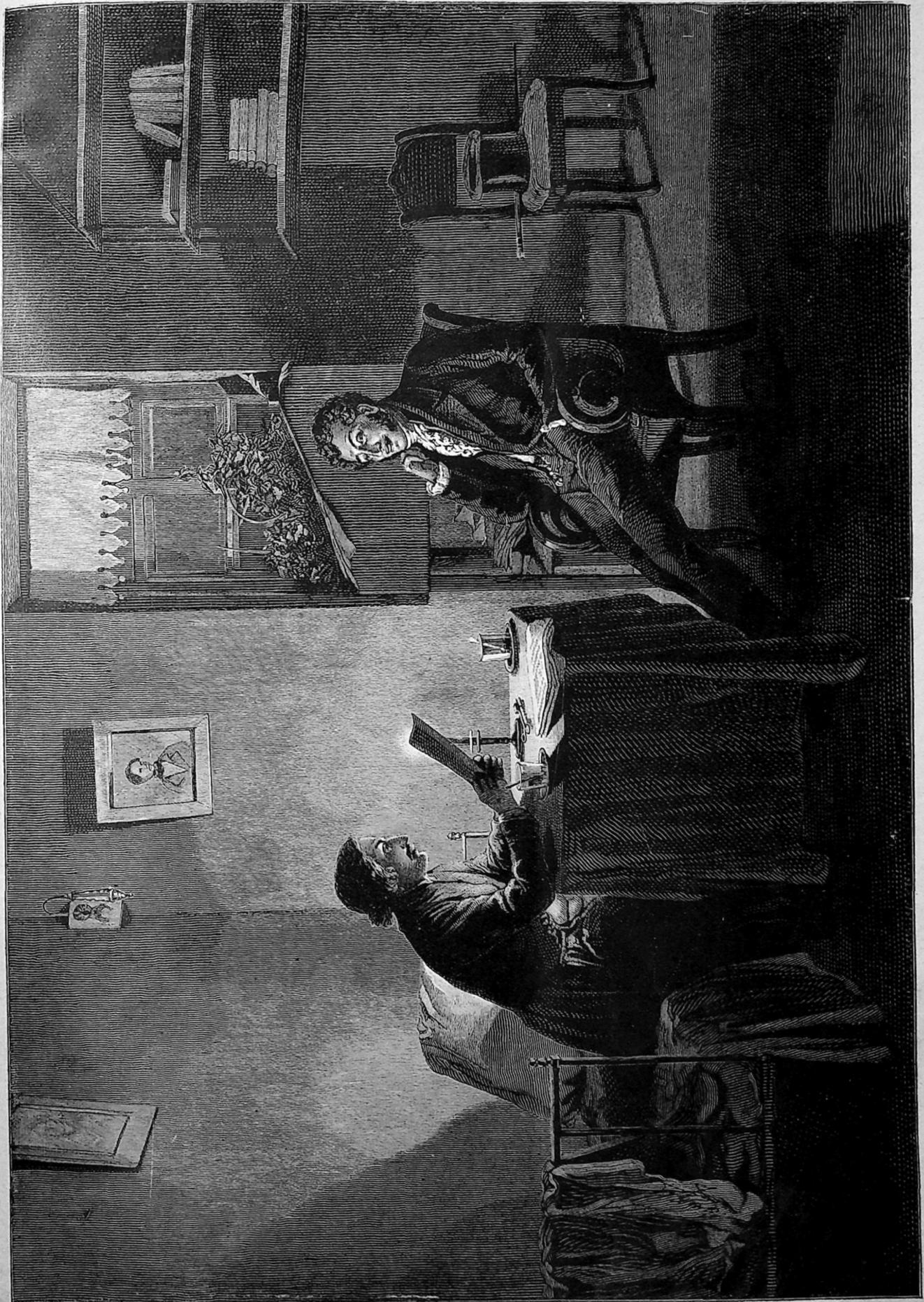
Онѣгинъ жилъ анакоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ.

Прогулки, чтеніе, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой,
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣжаго вина,
Уединенье, тишина—
Вотъ жизнь Онѣгина святая.

Особенно производительно занимался Пушкинъ осенью и очень любилъ это грустное и поэтическое время года. Весной его посѣтилъ Пушкинъ, его старій другъ и товарищъ. Ему онъ читалъ свои творенія въ той комнатѣ, гдѣ онъ имѣлъ привычку работать, а няня сидѣла поодаль и слушала его чтеніе.

Посѣтили его еще два лицейскихъ товарища—Дельвигъ и кн. Горчаковъ, попавшій случайно въ окрестности Михайловскаго. Вотъ какъ описываетъ это посѣщеніе поэтъ въ своемъ стихотвореніи:

Ты, Горчаковъ, счастливѣцъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой:
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,

Пушнинъ у Гоголя. Картина академика М. П. Клодта, грав. Ю. Барановскій.

4377-8-7

Но невзначай, проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Въ июль 1826 г. Пушкинъ послалъ черезъ губернатора письмо государю съ выраженіемъ раскаянія, воспользовавшись тѣмъ, что имя его не значилось въ спискахъ заговорщиковъ 14-го декабря, такъ какъ онъ не принималъ участія въ заговорѣ. Вскорѣ онъ былъ увезенъ присланнымъ фельдъегеремъ въ Москву, а 8-го сентября прямо съ дороги представленъ государю. Государь говорилъ съ нимъ долго и откровенно.

— Здравствуй, Пушкинъ,—сказалъ ему государь Николай Павловичъ.—Доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?

— Очень доволенъ, ваше величество,—отвѣтилъ Пушкинъ.

Государь вступилъ съ нимъ въ бесѣду, въ концѣ которой прямо спросилъ его:

— Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, если бы былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь: все друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!

— Довольно ты надурчился, — сказалъ ему государь: — надѣюсь, теперь будешь разсудителемъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ.

Пушкинъ такъ увлекся въ разговорѣ съ государемъ, что облокотился на столъ, а потомъ почти сѣлъ на него. Государь отвернулся, сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ этой вольности, но потомъ, говоря объ этомъ свиданіи, сказалъ: — «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ».

Однако, государь разрѣшилъ ему жить, гдѣ угодно, а съ мая 1827 г. и въ Петербургѣ.

За время своего пребыванія въ Михайловскомъ, Пушкинъ окончилъ поэму «Цыганы», начатую въ Одессѣ, написалъ «Графа Нулина», навѣяннаго на него чтеніемъ «Лукреціи Шекспира». Эту повѣсть онъ написалъ въ два утра. «Борис Годуновъ» тоже всецѣло принадлежитъ михайловскому періоду. Пушкинъ самъ былъ очень доволенъ этой трагедіей. «Я перечелъ ее вѣдухъ одинъ, билъ въ ладони и кричалъ: ай да Пушкинъ!» Но онъ продержалъ ее у себя шесть лѣтъ, не довѣряя вкусу публики и критиковъ. Онъ напечаталъ ее въ 1831 году и не ошибся въ своихъ сомнѣніяхъ. Критика жестоко обрушилась на него. Одинъ Бѣлинскій, съ его свѣтлымъ умомъ, призналъ ея значеніе. Михайловскому періоду принадлежатъ и «Египетскія ночи», не говоря о массѣ другихъ мелкихъ стихотвореній и статей.

Такимъ образомъ періодъ заточенія въ селѣ Михайловскомъ является чуть ли не самымъ производительнымъ періодомъ въ творческой дѣятельности великаго поэта.

Портретъ А. С. Пушкина, работы Кипренскаго. Грав. Герике.

хайловскаго. Онъ съ наслажденіемъ отдался своему прежнему образу жизни, посѣщая вечера, знакомыхъ, литературные кружки и театры. Вѣсть объ его освобожденіи была радостно принята публикой, конечно, той публикой, которая читала. Его вездѣ принимали восторженно, съ открытыми объятіями. Первое время поэтъ проводилъ въ Москвѣ, только что отвеселившейся на коронаціи. Въ литературныхъ кружкахъ Пушкинъ былъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ; онъ читалъ въ этихъ кружкахъ свои произведенія, приводилъ ими въ восторгъ молодежь и вызывалъ такой горячій подъемъ воодушевленія, какого до тѣхъ поръ не бывало въ литературѣ.

Однако Пушкину вскорѣ съ горечью пришлось убѣдиться, что свобода его скорѣе призрачная, чѣмъ дѣйствительная. За

нимъ слѣдили, его подстерегали. Шумный его успѣхъ въ московскомъ обществѣ создалъ ему сильнаго врага въ лицѣ могущественнаго гр. Бенкендорфа. Тщетно ждалъ Бенкендорфъ визита отъ поэта, и, не дождавшись его, написалъ ему ядовитое письмо:

«Я ожидалъ пріѣзда вашего», — писалъ ему Бенкендорфъ: — «чтобы объявить вамъ Высочайшую волю по просьбѣ вашей, но, отправляясь теперь въ Петербургъ, и не надѣясь видѣть васъ здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что Государь Императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю... Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ».

Пушкинъ былъ въ восхищеніи отъ этого письма, которое мы привели въ сокращеніи, и не усмо-

трѣлъ въ немъ ядовитыхъ намековъ на то, что поэтъ не сдѣлать ему визита. Но гр. Бенкендорфъ не дремалъ и вскорѣ прислалъ ему новое письмо, адресованное въ с. Михайловское, куда Пушкинъ, «почувъ рѣшмы», уѣхалъ работать и отдыхать отъ московскихъ овацій.

Это письмо было уже гораздо яснѣе и строже. Ссылаясь на свое предыдущее письмо, въ которомъ Бенкендорфъ переписывалъ Пушкину все его сочиненія до напечатанія и распространенія ихъ въ рукописяхъ представлять ему для передачи государю, онъ пишетъ: — «нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ васъ покорнѣе просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ?»

Письмо это произвело на Пушкина тяжелое впечатлѣніе: онъ, наконецъ, почувствовалъ въ тонѣ его угрозу, а въ авторѣ его—своего врага.

Онъ послалъ Бенкендорфу извинительное письмо и сознался, что имѣлъ неосторожность читать въ Москвѣ свою трагедію, но не изъ ослушанія Высочайшей воли, а только потому, что худо повѣялъ эту волю. Онъ приложилъ къ письму и трагедію. Затѣмъ гр. Бенкендорфъ потребовалъ и остальные произведенія, назначенныя къ печати.

У.

Женитьба Пушкина.

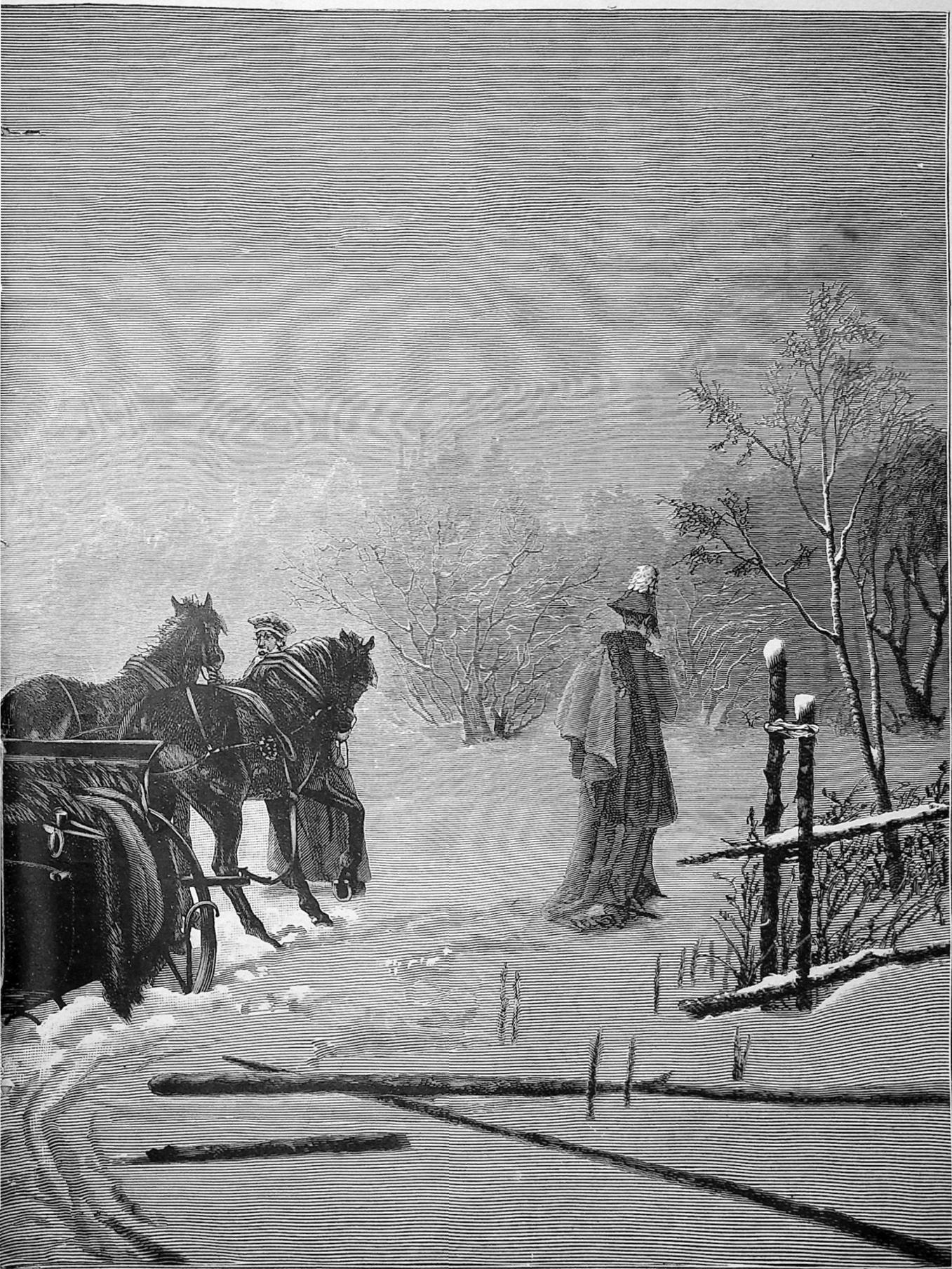
Пушкинъ вздохнулъ полной грудью, вырвавшись изъ Ми-

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккеренъ 27-го января 1837 г.
Съ картины, писанной по словесной передачѣ академикомъ Волковымъ, рис. Коварневъ, грав. Горасимовъ.

Дуэль Пушкина съ Дантесом
Съ картины Наумова. По

Генкеренъ 27-го янв. 1837 г.
фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Въ 1827 г. возгорѣлось дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенья». Стихотвореніе это, написанное въ началѣ 1825 г., было рассмотрѣно цензурой 8-го октября того же года, т. е. за два мѣсяца до 14-го декабря и разрѣшено за исключеніемъ изъ него 44 стиховъ. Именно этотъ отрывокъ въ 44 стиха распространился въ спискахъ по Москвѣ. Дѣло тянулось два года. Пушкина измучили допросами.

Легко представить себѣ душевное состояніе поэта, переживавшаго это тяжелое время. Но творческія силы не покидали его. Въ 1828 г. онъ мѣсяе, чѣмъ въ мѣсяецъ, написалъ, «Полтаву». «Гадкая проза жизни» начинала серьезно тяготить поэта, что онъ и выражаетъ въ письмѣ П. А. Осиповой:—«Нездѣльность и глупость обѣихъ нашихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то, если бы предоставленъ мнѣ былъ выборъ между обоими городами,—я избралъ бы Тригорское, подобно арлекину, который на вопросъ, что онъ предпочитаетъ — быть колесованнымъ или повѣшеннымъ—отвѣчалъ: я предпочитаю мелочный супъ».

Но эти проблески веселости становятся все рѣже и рѣже. Душа поэта изнываетъ; онъ не знаетъ, что съ собою дѣлать: просится въ дѣйствующую армию въ началѣ турецкой войны, просится за границу. Душевная его тоска отражается на его творчествѣ, и скорбной, печальной нотой звучитъ въ его лирическихъ произведеніяхъ этого періода.

Характеръ Пушкина круто мѣняется. Подобно тому, какъ въ немъ произошелъ рѣзкій переломъ въ семилѣтнемъ возрастѣ, такъ и теперь совершается второй переломъ. Когда-то необыкновенно живой и страстный любитель развлеченій, Пушкинъ становится угрюмымъ, цѣлые дни проводитъ лежа на диванѣ, ни съ кѣмъ не говоря, молча кура трубку.

Въ это время Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе Наталіи Николаевнѣ Гончаровой. Въ маѣ 1829 года онъ получилъ отъ нея не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ и съ отчаяніемъ уѣхалъ на Кавказъ, провелъ двѣ недѣли въ Тифлисѣ и отправился къ дѣйствующей арміи, гдѣ находился его братъ Левъ Сергѣевичъ. Изъ этого путешествія Пушкинъ привезъ нѣсколько стихотвореній и «Путешествіе въ Арзерумъ».

Осталось невыясненнымъ, возобновилъ ли Пушкинъ свое сватовство тѣмъ же по возвращеніи съ Кавказа; извѣстно только, что въ это время онъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній Елизаветѣ Николаевнѣ Ушаковой («Вы избалованы природой», «Я васъ узналъ, о, мой оракулъ»). Кромѣ того остался еще цѣлый альбомъ, разрисованный и написанный рукою Пушкина. Двѣ карикатуры изъ этого альбома мы приводимъ здѣсь, какъ образчикъ рисунковъ Пушкина. Е. Н. Ушакова въ томъ же 1829 г. вышла замужъ за Киселева, и альбомъ этотъ принадлежитъ теперь ея сыну.

Съ Наталіей Николаевной Гончаровой Пушкинъ познакомился въ 1828 г., когда ей было всего 15 лѣтъ, на балу, и тогда же сказалъ ей, что участь его будетъ навсегда связана съ ея участью. Въ 1830 году Москва оживилась прибывіемъ туда двора, и молодая Гончарова была дѣятельной участницей всѣхъ баловъ, собраній и празднествъ. Разговоры объ ея успѣхахъ въ свѣтѣ, о ея красотѣ не давали покоя Пушкину. По возвращеніи съ Кавказа, онъ мчится изъ Петербурга въ Москву. Въ самый день Пасхи, 21 апрѣля 1830 г. онъ сдѣлалъ предложеніе, которое и было, наконецъ, принято.

Семейство Гончаровыхъ стояло очень высоко на ступеняхъ общественной лѣстницы, но было почти разорено. Главою семьи считался дѣдъ, промышленное предпріятіе котораго, за немѣнѣемъ паличныхъ денегъ, висѣло на волоскѣ. Хотя предложеніе поэта и было принято и помолвка уже состоялась, тѣмъ не менѣе Пушкина держали въ почтительномъ отдаленіи отъ невѣсты; по его свѣтскія и придворныя связи охотно эксплуатировались будущей тещей, часто дѣлавшей ему непріятности и сцены.

Отъ всѣхъ этихъ передрагъ и душевныхъ волненій, Пушкинъ уѣхалъ въ Болдино. Но желаніе работать, несмотря на тягостныя условія, создавшіяся для этой работы, не покидаетъ его и осенью 1830 г., въ Болдинѣ, которое выдѣлилъ ему, наконецъ, отецъ изъ родового имѣнія. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ создаетъ «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Донъ-Жуана», около 30-ти стихотвореній, пять «Покѣстей

Бѣлкина», «Пиръ во время чумы», «Домикъ въ Коломнѣ» и нѣсколько главъ «Онегина».

По возвращеніи изъ деревни въ декабрѣ, черезъ карантинныя учрежденныя по случаю холеры, Пушкинъ пробрался въ Москву; новый 1831 годъ засталъ его въ хлопотахъ о женитьбѣ, но 14 января онъ былъ глубоко огорченъ извѣстіемъ о смерти Дельвига, стараго одноклассника и друга. Въ среду, 18-го февраля 1831 года, Пушкинъ былъ, наконецъ, объявленъ, въ Москвѣ, въ церкви Старога Вознесенія. Новобрачные остались жптъ въ Москвѣ до весны; послѣ Пасхи они перѣехали въ Царское Село. Въ Царскомъ Селѣ Пушкинъ выступилъ съ знаменитыми стихотвореніями—«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина»; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ здѣсь и свои сказки: «О царѣ Салтанѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ».

Съ дачи Пушкинъ перѣехалъ въ Петербургъ и отдавался работѣ со страстью. Къ этому времени его жизни относится его знакомство и даже сближеніе съ Гоголемъ, входившимъ уже въ славу. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ увѣровалъ въ блестящую будущность автора «Вечеровъ на хуторѣ». Оба писатели видѣлись часто, бесѣдовали о литературныхъ дѣлахъ и читали другъ другу свои произведенія. Это знакомство имѣло огромное вліяніе на Гоголя, по его собственному сознанію. Извѣстно, что сюжеты «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» даны были Гоголю Пушкинымъ. Въ 1833 г. Пушкинъ былъ принятъ въ число членовъ Академіи. Денежныя дѣла его были разстроены. Онъ уплачивалъ еще долги холостой жизни, а домашніе расходы его, по его словамъ, увеличились вдвое, такъ какъ пужно было принимать у себя и выѣзжать въ высшій свѣтъ, гдѣ жена его блистала на балахъ. Къ осени 1833 г. у Пушкина уже были готовы матеріалы для «Исторіи Пугачевского бунта», «Капитанская дочка» и отдѣланы совершенно «Русалка» и «Дубровскій» — эта первая у насъ попытка соціального романа.

Въ концѣ 1833 года Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ, а въ мартѣ 1834 г. ему дано было 20,000 р. на печатаніе «Исторіи Пугачевского бунта». Несмотря на все это, жить въ Петербургѣ ему становится все труднѣе и труднѣе; дѣла его родителей разстраиваются, онъ беретъ ихъ на себя, послѣ чего отецъ и братъ не перестаютъ обращаться къ нему за деньгами, не справляясь о томъ, откуда ему взять денегъ для удовлетворенія ихъ просьбъ.

«Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ», — пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ женѣ, — «съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льститъ моему честолюбію... Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ доброй, честной жены».

Къ этому времени присоединились и другія непріятности.

Въ то время ходила въ обществѣ по рукамъ эниграмма: «Въ академіи наукъ, засѣдаетъ князь Дундукъ»... Новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ встрѣтилъ у Карамзинныхъ Пушкина, которому молва приписывала эту эниграмму.

Министръ сказалъ поэту:

— Вы роняете свой талантъ, позволяя себѣ осмѣивать почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эниграммами.

Пушкинъ вскипѣлъ и отвѣтилъ ему:

— Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи?

— Но все говорить, что ваши! — возразилъ Уваровъ.

— Мало ли что говорить! А я вамъ вотъ что скажу: я на васъ напишу стихи и напечатано ихъ съ моею подписью.

И дѣйствительно, когда векоръ послѣ этого разговора Уваровъ захворалъ, а наслѣдникъ его поторопился опечатать его имущество, въ надеждѣ, что онъ умретъ, между тѣмъ какъ министръ неожиданно выздоровѣлъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла», которое и было напечатано въ *Московскомъ Наблюдателѣ*.

Эта выходка принесла много непріятностей поэту. Въ результатѣ получился вызовъ къ Венкендорфу и объясненіе съ

нимъ, о которомъ разсказывалъ самъ Пушкинъ. Приводимъ этотъ разсказъ въ извлеченіи.

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже со строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтить на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis.

«— Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ неприятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Луккулломъ и переводомъ съ латинскаго... но все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣетъ читать между строкъ...»

«— Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества. Но позвольте узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?»

«— Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ и просилъ обо всемъ доложить государю. И даже то, какъ вы сказали ему, что напишете на него стихи и подпишетесь подъ ними.

«— Сказалъ и теперь не отрираюсь... Только именно эти-то стихи я написалъ не на него.

«— А на кого же?»

«— На васъ.

«Бенкендорфъ, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:

«— Что?! На меня?»

«А я, заранѣе восхищаясь развязкой... три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ:

«— На васъ, на васъ, на васъ!»

«Тутъ ужъ Александръ Христофоровичъ, во всемъ величій власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злости рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ:

«— Однако, послушайте, сочинитель! Что-жъ это такое? Какой-то пройдоха наследникъ... (читаетъ) «Теперь ужъ у вельможъ не стану нянчить ребятшекъ...» Ну, это ничего. (продолжаетъ читать): «Теперь мнѣ честиость—трипъ-трава, жену обманывать не буду!..» Ну, и это ничего, вздоръ!.. но вотъ ужасное, невольничье мѣсто: «И воровать уже забуду казенныя дрова». А, что вы на это скажете?»

«— Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости.

«— Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?»

«— Такъ, стало-быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!

«Бенкендорфъ понялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промывчалъ:

«— Гм! Да!.. Самъ виноватъ...»

«— Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству».

VI.

Кончина поэта.

Положеніе Пушкина было тяжелымъ, и бракъ не принесъ ему успокоенія, котораго онъ такъ жаждалъ, чтобы всецѣло посвятить себя своимъ трудамъ.

Жена его была признанная красавица—la beauté romantique—какъ ее называли въ свѣтѣ. Одна изъ великосвѣтскихъ дамъ-иностранокъ выразилась въ своемъ письмѣ о женѣ Пушкина такъ: «она прекрасное созданіе; по это мезанхолическое и тихое выраженіе, похожее на предчувствіе несчастья!» Конечно эта beauté romantique должна была сильно волновать воображеніе такого поклонника красоты, какимъ былъ Пушкинъ. Увлеченіе его было сначала только увлеченіемъ художника, созерцающаго «чистѣйшей прелестью чистѣйшій образецъ». Онъ искалъ своей невѣсты въ альбомѣ:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подруги.
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ей сияньемъ исчезаетъ.

Куда бы ты ни посѣщалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье,—

Но, встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Но скорѣ горячая человѣческая страсть овладѣла Пушкинымъ. И эта страсть буквально сжигала его.

Любила ли его Наталія Николаевна? На этотъ вопросъ скорѣ можно отвѣчать утвердительно, какъ можно отвѣтить отрицательно на другой вопросъ—понимала ли она его? По крайней мѣрѣ, въ перепискѣ съ женою, Пушкинъ говоритъ обо всемъ, кромѣ того, что составляло весь смыслъ его жизни—о своихъ литературныхъ работахъ и планахъ. Онъ какъ будто конфузится писать и говорить объ этомъ, точно боится довѣрить святыхъ своей души женщинѣ, которая врядъ ли пойметъ его. Такимъ образомъ, высшая сторона жизни, сторона духовная, оставалась у Пушкина неудовлетворенною, и въ своей семейной жизни онъ долженъ былъ чувствовать страшное душевное одиночество.

Кромѣ того несомнѣнно, что ревность должна была мучить его, несмотря на то, что онъ былъ увѣренъ въ женѣ, воспитанной въ принципахъ благочестія и добродѣтели; но онъ зналъ пустоту и ничтожество всѣхъ этихъ свѣтскихъ ухаживателей и донъ-жуановъ. Онъ боялся не измѣны со стороны жены, а скорѣ злословія, сплетенъ, грязныхъ и пошлыхъ намековъ представителей того общества, въ которомъ онъ вращался, и которое, къ тому же, было недоброжелательно къ нему настроено. Онъ былъ правъ, какъ показываетъ исторія его кончины.

Въ его письмахъ къ женѣ звучитъ тревожная нотка:

«Смотри, женка. Того и гляди избадуешься безъ меня, забудешь меня—искокетничашься. Одна надежда на Бога, да на тетку. Авось сохранить тебя отъ искушеній разсѣянности... «Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ *тону*, а къ чему-то уже важнѣйшему... «Вчера получилъ отъ тебя два письма, но я хочу немножко тебя покурить. Ты, кажется, не пугемъ искокетничалась. Смотри, не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало... вотъ тебѣ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свины будутъ*. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобой ухаживаютъ? Не знаешь, на кого нападеешь. Прочти басню А. Измайлова, о Өомѣ и Кузьмѣ. Өома накармилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Өома не далъ, Кузьма и прибилъ Өому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее правоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли! Прошу, чтобы у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпугую жизнь... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московскою барышнейю, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*... «Женка, женка! Я вѣзку по большымъ дорогамъ, живу по три мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ наместной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—для тебя, женка, чтобы ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоей красотой. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнью мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc. etc.».

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, гр. Соллогубъ старается выяснитъ, въ чемъ, именно, заключалось несчастье поэта.

«Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ»,—говоритъ онъ,—«и главное его несчастье заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1880 г. Съ натуры рис. Рейнгардтъ, грав. М. Рашевскій.

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1899 г. По фот. автотипія «Нивы».

безъ чина становится въ официальномъ мѣрѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при развѣздахъ кричали:—Карегу Пушкина!—Какого Пушкина?—Сочинителя! Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось названію».

А денежные затрудненія все продолжались. Онъ очень разсчитывалъ поправить свои дѣла работами по исторіи. Онъ заданъ цѣлью написать исторію Петра I, котораго ставилъ такъ высоко. Плодомъ его историческихъ работъ были: «Дубровский», «Капитанская дочка», «Мѣдный Всадникъ» и «Арапъ Петра Великаго». Но денежные расчеты его не оправдывались, и приходилось прибѣгать къ займамъ, въ особенности послѣ пожалованія поэта въ камеръ-юнкеры, когда ему пришлось бывать при дворѣ и вывозить на придворные балы жену.

Пожалованіе придворнымъ званіемъ причинило ему также не мало неприятностей. Онъ писалъ по этому поводу: «Великій князь намении поздравилъ меня въ театрѣ. «Покорѣйше благодарю ваше высочество: до сихъ поръ все надо мной смѣялись: вы первый меня поздравили».

Самолюбіе поэта страшно страдало, что и видно изъ его замѣтокъ. Въ одной изъ нихъ, въ которой онъ жаловался на свое камеръ-юнкерство, онъ вписалъ слѣдующую фразу: «Баронъ д'Антесъ и маркизъ де Пина, два Шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ронцетъ».

Думалъ ли онъ тогда, что это имя Дантеса сдѣлается роковымъ для него именемъ!

Баронъ Жоржъ д'Антесъ или Дантесъ былъ ирландскаго происхожденія, но—французскій подданный, отецъ котораго получилъ отъ Наполеона I титулъ барона.

Послѣ революціи тридцатаго года Дантесъ эмигрировалъ въ Россію, снабженный множествомъ рекомендательныхъ писемъ. Онъ былъ очень красивъ, вкрадчивъ, искателенъ и любезенъ; быстро втерся въ аристократическое общество, въ которомъ нашелъ покровителей, представившихъ его императрицѣ и просившихъ для него ея протекціи. Вступленіе Дантеса въ русскую службу произошло довольно оригинально. Живописецъ Ладюрнеръ, имѣвшій мастерскую въ Эрмитажѣ, часто принималъ у себя государя. Познакомившись съ Дантесомъ, Ладюрнеръ рѣшилъ сдѣлать ему карьеру. Онъ нарисовалъ карикатурный портретъ Людовика Филиппа, котораго государь очень не любилъ, и поставилъ его на видномъ мѣстѣ въ мастерской, посоветовавъ Дантесу не отлучаться изъ нея. При первомъ же посѣщеніи государя, на вопросъ его, кто авторъ карикатуры, живописецъ представилъ ему молодого эмигранта, и Дантесъ тутъ же смѣло попросилъ императора принять его на русскую службу. Государь, который былъ очень въ духѣ, немедленно согласился. Дантесъ умѣлъ обвораживать людей. Такъ, напр., неизвѣстно почему, нидерландскій посланникъ, баронъ Гекерель усыновилъ его, далъ ему свою фамилію и сдѣлалъ его своимъ наследникомъ; объясняли это тѣмъ, что Дантесъ былъ его незаконнымъ сыномъ; говорили еще, что старый баронъ сдѣлалъ это изъ ненависти къ своему семейству. Старикъ Гекерель не отличался нравственностью и былъ крайне несправедливымъ человѣкомъ, пользовавшимся всеми средствами, часто недозволенными, для намѣченныхъ цѣлей; онъ былъ извѣстенъ сплетнями, перессорившими многихъ въ Петербургѣ. Его пріемный сынъ былъ тѣмъ, что тогда называлось блестящимъ офицеромъ, обворожительнымъ красавцемъ и побѣдителемъ дамскихъ сердець. Онъ умѣлъ скаламбурить,

отпустить воп-потъ, удачно сострить; очень любилъ прихвастнуть, въ особенности успѣхомъ у женщинъ, но былъ совершенно необразованъ и даже не развитъ.

Дантесъ и Пушкинъ познакомились въ ресторанѣ Дюма, гдѣ часто обѣдали за табльдотомъ. Они сблизились, постоянно встрѣчаясь въ одномъ и томъ же петербургскомъ обществѣ.

Между тѣмъ Пушкинъ продолжалъ свои работы и усердно посѣщалъ традиціонныя субботы Жуковскаго, на которыхъ встрѣчался съ Крыловымъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ, Глинкой и Гоголемъ. Но Пушкинъ былъ уже не тотъ; характеръ его сталъ желчнымъ и подозрительнымъ. На окружающихъ онъ смотрѣлъ косо, въ каждомъ словѣ старался видѣть намекъ на свои семейныя отношенія или оскорбленіе. Теперь онъ легко поддавался сплетнямъ, и по всему видно было, что въ немъ начался уже душевный разладъ. Одинъ изъ его біографовъ, г-жа Венкстернъ, допускаетъ мысль, что онъ дѣйствовалъ, какъ будто «руководимый смутной надеждой встрѣтить пулю, которая разомъ разрѣшила бы его запутанные счеты съ жизнью».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душу его закралось какое-то темное

предчувствіе, и въ разговорѣ съ сестрой, пріѣхавшей на похороны ихъ матери, Пушкинъ сказалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ:— Si vous saviez, ma chère sœur, combien l'existence m'est à charge! J'espère qu'elle ne durera pas longtemps... et je vous dirai mieux: je le sens!—И онъ покупаетъ въ Святогорскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилой матери, мѣсто для будущей своей могилы.

Жена его продолжала выѣзжать. Вскорѣ въ свѣтъ разнесся слухъ о назойливомъ ухаживаніи за нею Дантеса. Сплетня, все разрастаясь и увеличиваясь, какъ снѣж-

ный комъ, конечно, достигла ушей Пушкина, до котораго услужливые «друзья» успѣли довести этотъ слухъ. Это было послѣдней каплей, сдѣлавшей невозможнымъ компромиссъ и вынудившей несчастнаго поэта выступить на активную защиту своей чести. Все, что онъ пережилъ за эти годы семейной жизни, вся горечь обидъ, все мелочныя оскорбленія, все пережитое имъ и удерживаемое на днѣ гордой и оскорбленной души взволновалось и заклокотало въ немъ. Ненависть къ пошлому обществу, страстная, неутолимая жажда мести овладѣла имъ. Въ лицѣ Дантеса онъ точно бросалъ вызовъ всему петербургскому обществу.

Вдохновеніе покинуло его въ эти скорбныя минуты его жизни. Будто чувствуя, что для него все уже и навсегда кончено, онъ написалъ еще одно стихотвореніе «Памятникъ»—могучій и гордый эпитогъ къ закончившейся литературной дѣятельности. Безъ ложной скромности, безъ скромной фальши, онъ самъ даетъ оцѣнку своему гению:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тѣбѣя убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исаіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

Извѣщеніе о смерти Пушкина.

Велѣнью Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца...

Такимъ языкомъ, сильнымъ, гордымъ и мощнымъ, могъ говорить только гений. И это поэтическое завѣщаніе, эта лебедина пѣсня поэта, достойно завершила его поэтическую дѣятельность. Онъ уже не имѣлъ правственныхъ силъ обойти клевету презрительнымъ молчаніемъ и вступилъ въ споръ, въ смертельный, послѣдній споръ съ «глупцами жестокаго вѣка». И онъ погибъ въ этой неравной борьбѣ, погибъ, потому что стоялъ одинокомъ среди легионовъ пошляковъ, среди моря клеветы, которое поглотило его своими нечистыми волнами.

Въ октябрѣ, въ Петербургѣ, на лицейскомъ праздникѣ удрученный, душевно-разбитый поэтъ, хотѣлъ прочесть собраннмъ лицеистамъ стихотвореніе, написанное имъ къ этому торжеству; но только онъ произнесъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

какъ голосъ его оборвался, и слезы полились изъ его глазъ. Онъ опустился на диванъ, въ безсильіи, въ изнеможеніи.

Это было его прощаніе съ товарищами, съ поэзіей, съ жизнью. Затѣмъ взвилась завѣсь надъ послѣднимъ, короткимъ актомъ его жизненной трагедіи.

Изъ письма Пушкина къ графу Бенкендорфу мы увидимъ, какъ начался этотъ послѣдній актъ.

«Графъ, — писалъ поэтъ 21 ноября: — считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4 ноября, я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, чловѣка высшего круга,

двойнымъ конвертомъ. Большая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность, не переслали его ко мнѣ. Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду, но повторяя, что поведеніе моей жены безусловно, говорили, что поводомъ такой гнусности послужило настойчивое ухаживанье за нею г. д'Антеса. — Не мнѣ было допустить,

чтобы въ данномъ случаѣ имя моей жены связано было съ чѣмъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Гекернъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти-дневной отсрочки. — Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ преслѣдовать ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршиака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несо-

стоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безыменное письмо было отъ г. Гекерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества. — Будучи единственнымъ судьей и блюстителемъ моей и жены чести, а потому и не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательство того, что утверждаю. Во всякомъ случаѣ падысь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей.»

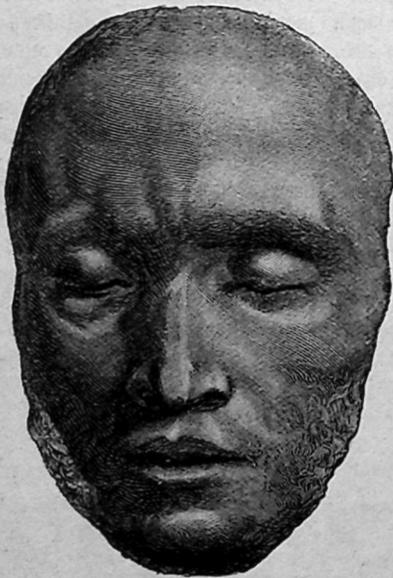
Одновременно онъ написалъ крайне рѣзкое письмо и къ старику Гекерну:

«Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ ней говорить и того менѣе ухаживать за нею и отпустить ей казарменные каламбуры, разыгрывая иѣжно-преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ ни что иное какъ негодяй и мерзавецъ. Итакъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить все эти продѣлки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступаю.»

Письмо это не было отправлено по назначенію именно свѣдѣ-

Пушкинъ въ гробу. Рисунокъ Бореля, грав. Терике.

Маска Пушкина, снятая съ него на Другой день послѣ кончины. Грав. Терике.

га, дипломата. *) Я сталъ разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, потъ

*) Бар. Гекернъ, старика.

Портретъ Пушкина, рисованный съ маски Э. Жуковской. Грав. Терике.

ствіе изъявленнаго Дантесомъ намѣренія жениться на Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой. Пушкинъ тѣмъ же не менѣе отказался отъ всякихъ сношеній съ Дантесомъ, даже послѣ состоявшейся въ 1837 г. свадьбы своего врага съ его свояченицей. Онъ даже не пришелъ свадебнаго визита молодыхъ.

Ихъ старались мирить, заставляли встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ: старикъ Гекеренъ продолжалъ говорить съ женой Пушкина о страсти къ ней своего пріемнаго сына, а она передавала этотъ разговоръ своему мужу. Пушкинъ выходилъ изъ себя, и его мрачное, тяжелое настроеніе духа стало замѣтно всѣмъ окружающимъ, кромѣ его жены. Но наконецъ и она замѣтила, что съ нимъ творится что-то нелад-

Пушкинъ отвѣтилъ:

— *Ça m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite.* (Мнѣ все равно, но нельзя-ли все это сдѣлать поскорѣй).

Секунданты отыбрали шаги, отыбрали барберы шинелями и стали заряжать пистолеты. Пушкинъ не могъ сдержать своего петербійца.

— *Eh bien! est-ce fini?* (Ну, готово-ли?)—обратился онъ къ Данзасу.

Когда все было готово, Данзасъ махнулъ шляпой.

Пушкинъ первымъ подошелъ къ барберу и остановился, наводя пистолетъ. Но Дантесъ, не дойдя до барбера одного

Святогорскій монастырь, гдѣ покоится прахъ Пушкина. Рис. В. Полякова, автотипія Ангерера и Гёшли.

ное, и предложила ему уѣхать на время изъ Петербурга. Но это предложеніе явилось запоздалымъ. Пушкинъ рѣшилъ уже кончить дѣло иначе. У него сохранилось письмо, о которомъ мы говорили выше. Онъ его переписалъ, кое-что измѣнивъ въ немъ, и отправилъ Гекерену.

Послѣдовалъ вызовъ Дантеса.

Въ 4 часа пополудни 27-го января 1837 г. за Черной рѣчкой, близъ комендантской дачи, состоялась дуэль. Противники пріѣхали одновременно: Пушкинъ съ подполковникомъ К. К. Данзасомъ, Дантесъ съ виконтомъ д'Аршіакомъ. Въ саженьяхъ полутора отъ дачи выбрали площадку, окруженную густымъ кустарникомъ, скрывавшимъ присутствовавшихъ отъ постороннихъ глазъ. Утоптали ногами снѣгъ, выровняли мѣсто и вызвали противниковъ.

Было очень холодно—свыше 15 градусовъ и, кромѣ того, дулъ рѣзкій вѣтеръ. Пушкинъ былъ закутанъ въ медвѣжью шубу, все время молчалъ, былъ спокоенъ, но иногда выражалъ признаки петербійца.

Данзасъ спросилъ его:

— Находишь ли удобнымъ выбранное нами мѣсто?

шага, выстрѣлилъ.

Пушкинъ упалъ.

— *Je crois que j'ai la cuis'e fracassée.* (Кажется, у меня раздроблено бедро),—сказалъ онъ.

Секунданты кинулись къ нему, но Пушкинъ удержалъ Данзаса словами:

— *Attendez! Je me sens assez de force pour tirer mon coup.* (Подожди! У меня хватитъ силъ, чтобы стрѣлять).

Дантесъ ждалъ у барбера, прикрывъ грудь правой рукой. Падая на снѣгъ, Пушкинъ выронилъ изъ рукъ пистолетъ, и Данзасъ подаль ему другой.

Кн. П. А. Вяземскій такъ рассказываетъ о послѣдовавшей сценѣ:

«Опираясь лѣвой рукой въ землю, Пушкинъ сталъ прицѣливаться въ Дантеса и твердою рукою выстрѣлилъ. Пушкинъ кинулъ вверхъ свой пистолетъ и вскрикнулъ: браво! Послѣ, когда оба противника лежали каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ д'Аршіака:

«— *Est-il tué?* (Убитъ-ли онъ?)

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ, работы академика М. М. Опекушина. По рис. В. Шлака грав. Пуцъ.

«— Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine. (Нѣтъ, но онъ раненъ въ руку и грудь).

«— C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; mais je sens que non. (Странно, я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе убить его; но теперь вижу, что—нѣтъ).

«Д'Аршиакъ хотѣлъ сказать нѣсколько мировыхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продолжать.

«— Au reste, c'est égal; si nous nous retablissons tous les deux, ce sera à recommencer». (Впрочемъ, все равно; если мы оба поправимся, то придется начать снова).

Раца Дантеса была не опасна, но Пушкинъ былъ раненъ въ животъ. Барета Дантеса привезла Пушкина въ его квартиру на Мойкѣ, въ домъ князя Волконскаго. Было уже около 6 ч. вечера.

— Грустно тебѣ меня нести? — спросилъ Пушкинъ у камердинера.

Его внесли въ кабинетъ. Онъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье, раздѣлся и легъ. Жена его хотѣла войти, но онъ закричалъ:

— N'entrez pas; il y a du monde chez moi. (Не входи; я не одинъ).

Потомъ, когда она вошла, онъ сказалъ ей:

— Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна! Ты не виновата; я знаю, что ты не виновата...

Между тѣмъ прибылъ докторъ Шольцъ, котораго Пушкинъ, оставивъ наединѣ, просилъ сказать правду.

— Не могу отъ васъ скрыть — вы въ опасности, — отвѣтилъ тотъ.

— Скажите лучше, умираю.

— Считаю долгомъ не скрывать и того.

— Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi. Il faut que j'arrange ma maison. (Благодарю васъ, вы поступили, какъ честный человекъ. Я долженъ устроить свои дѣла).

Пріѣхавшій докторъ Арендтъ, осмотрѣвъ его и уѣзжая, сказали, что отправляется къ государю.

— Скажите ему, что умираю, — проговорилъ Пушкинъ: — и прошу у него прощенья за себя и за Данзаса.

Между тѣмъ къ Пушкину собрались друзья, между которыми былъ и Жуковскій.

Ночью пріѣхалъ Арендтъ и привезъ Пушкину собственноручную записку государя, написанную карандашомъ: «Если Богъ не приведетъ насъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощенье и послѣдній совѣтъ: умереть христіанно. О женѣ и дѣтяхъ не беспокойся: я ихъ беру на свои руки».

— Скажите государю, — отвѣтилъ тронутый Пушкинъ: — что жалю о потери жизни, потому что не могу изъяснить ему благодарности, что я былъ бы весь его.

Священникъ причастилъ его. Пушкинъ не хотѣлъ выдавать своихъ страданій при женѣ и крѣпился, а когда она выходила, стоналъ отъ боли и повторялъ: — «Вѣднѣя жена! Вѣднѣя жена!»

Страданія поэта длились два дня. Мученія его были ужасны, и терпѣніе его замѣчательно. Арендтъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Ночь на 28-е января была мучительна. Жуковскій пріѣхалъ съ новыми словами утѣшенія отъ государя. Пушкинъ поднялъ руки и сказалъ:

— Вотъ какъ я утѣшенъ! Скажи Государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастья въ его сынѣ, что я желаю ему счастья въ его Россіи.

У подѣзда Пушкина была положительная давка. Вебъ хотѣли его видѣть, но къ нему допускали лишь самыхъ близкихъ знакомыхъ. Умирающій спрашивалъ, кто былъ у него въ домѣ, и говорилъ:

— Мнѣ было бы пріятно видѣть ихъ всѣхъ, но у меня нѣтъ силы говорить съ ними.

Онъ постоянно щупалъ свой пульсъ и говорилъ:

— Вотъ смерть идетъ!

Данзасъ спросилъ его, не поручить ли онъ что-либо передать Гекерену, въ случаѣ смерти. И Пушкинъ отвѣтилъ ему:

— Требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіанно...

Въ два часа пополудни 29-го января Пушкину стало вдругъ хуже. Пришла жена, опустилась на колѣни у изголовья, прижалась лицомъ къ его лицу. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и проговорилъ: — «Ну, ну, ничего! Слава Богу, все хорошо, поди».

Вотъ какъ Жуковскій описываетъ его послѣднія минуты.

«Онъ подалъ руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ: — «ну подымай же меня, пойдѣмъ, да выше, выше... ну пойдѣмъ!» Но, очнувшись, онъ сказалъ: — «мнѣ-было пригрѣзилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! выскок!.. и голова закружилась». Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать левую руку и, потянувъ ее, сказалъ: — «ну, пойдѣмъ же, пожалуйста, да выѣстѣ». Даль, но просьбѣ его, взявъ его подъ мышки и приподнявъ повыше... Лицо Пушкина прояснилось, и онъ сказалъ: — «кончена жизнь!» Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ: — «да, конечно, мы тебя поворотили». — «Жизни

кончена!» — повторилъ умирающій внятно и положительно. — «Тяжело дышать, давить!».

Это были его послѣднія слова. Въ три четверти третьяго часа пополудни, 29-го января 1837 года, Пушкина не стало.

Съ умершаго поэта были сняты портреты («Пушкинъ въ гробу») и маски, снимки съ которыхъ читатели найдутъ на этихъ страницахъ.

Праха поэта былъ перенесенъ изъ его квартиры въ придворно-кошопенную церковь; 1-го февраля было отиѣваніе, а ночью въ тотъ же день тѣло Пушкина было отправлено въ Псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь, гдѣ великій поэтъ нашель себѣ вѣчный покой. Могила его находится за церковью Успенія Божіей Матери, на краю крутого обрыва. Надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», окруженный лавровымъ вѣнкомъ, возвышается теперь надъ его могилой.

Смерть величайшаго русскаго поэта какъ будто разбудила дремавшее общественное мнѣніе. Только съ того момента, когда глаза его открылись навѣкъ, общество поняло, что оно потеряло въ его лицѣ и кого оно хоронило.

Лермонтовъ написалъ страстные, проникнутые глубокой печалью и горячимъ негодованіемъ къ убійцамъ Пушкина, стихи.

Угасъ, какъ свѣточъ, дивный гений,
Увиль торжественный вѣнокъ.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ, работы Ж. А. Полонской.
По фот. автотипія «Нивы».

Его убійца хладнокровно
Навель ударь!.. Спасенья нѣтъ!
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земля чужой законъ и нравы:
Не могъ шадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!..

Стихи эти разошлись въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ въ рукописныхъ спискахъ и были у всѣхъ на устахъ.

Произведенія Пушкина.

1814.

Пушкинъ началъ писать стихи еще въ дѣтствѣ, а будучи въ лицей, онъ сталъ ихъ уже печатать. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ, относящихся къ лицейскому періоду, чувствуется, конечно, подражательность классическимъ образцамъ. Но и въ этихъ первыхъ, юношескихъ опытахъ уже поражаетъ простота и звучность стиха, какъ напримѣръ въ данномъ антологическомъ стихотвореніи «Блаженство» (рис. на стр. 31), относящемся къ 1814 году.

Въ роцѣ сумрачной, тѣнистой, Ночью, на простой свирѣли
Гдѣ журча въ травѣ душистой, Пѣлъ влюбленный пастушокъ.
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,

Пастушокъ тоскуетъ о пастушкѣ Хлоѣ, измѣнившей ему.
Сатиръ учитъ его:

Слушай, юноша любезный, Такъ поди-жъ теперь, съ похмѣльемъ,
Милъ гъ блаженства вѣкъъ лови: Съ Купидономъ помирись;
Помни дружбы наставленья: Позабудь его обиды,
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья, И въ объятіяхъ Дориды
Нѣтъ и счастья безъ любви; Снова счастьемъ насладись!

Къ тому же 1814 г. относится и поэма «Осгаръ» (подражаніе Парни). Парни былъ французскимъ поэтомъ, членомъ академіи (1753—1814). Громкая его извѣстность была вызвана похвалой Вольтера, провозгласившаго его французскимъ Тибулломъ. У Пушкина есть много переводовъ и подражаній Парни, не только въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ, но и въ стихотвореніяхъ до 1824 г. Онъ упоминаетъ о Парни даже въ «Евгеніи Онегинѣ», а, желая похвалить Батюшкова, называетъ его «россійскимъ Парни».

Нашъ рисунокъ (на стр. 31) изображаетъ главную сцену изъ поэмы «Осгаръ».

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталую ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ; его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тѣмѣ густой.

Онъ встрѣчаетъ стараго барда, который, указывая путнику на одну изъ могилъ, рассказываетъ ему исторію Осгара:

Во цвѣтъ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину;
Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь, упавшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли.
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!..
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Мальвина измѣнила юношѣ. Однажды онъ входитъ въ слѣдъ хижину и видитъ въ объятіяхъ своей возлюбленной Звигнела:

И ярость дикая во взорахъ закипѣла,
Нѣмѣть и дрожитъ любовникъ молодой;
Онъ грозный мечъ извлекъ—и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщала Осгаръ;
«Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньи,
Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
Исчезло сладкое навѣкъ очарованье!

Осгаръ провелъ длинный годъ въ молчаливой пустынѣ, потомъ палъ сраженный въ бою Фингаломъ, сыномъ Одена.

1820.

Поэму «Русланъ и Людмила» Пушкинъ задумалъ еще въ лицей, начавъ работать надъ ней въ 1817 году и продолжалъ отдѣлывать и писать ее въ 1818 и 1819 году. Онъ окон-

Въ 1880 году Москва съ необыкновеннымъ торжествомъ праздновала открытіе памятника безсмертному поэту, тому, кто самъ себя воздвигъ перукотворный памятникъ въ сердцѣ каждого русскаго человека. Къ стыду нашей столицы, нужно сказать, что въ Петербургѣ, въ которомъ такъ много пережилъ и въ которомъ умеръ мученической смертью Пушкинъ, ему нѣтъ памятника, если не считать памятникомъ жалкую статуэтку, на Пушкинской улицѣ.

чиль ее весной 1820 г. Происхождение ея еще не совсѣмъ изслѣдовано; содержаніе ея очень сложно; многое слышанное, вычитанное и пережитое, многое, что произвело на юнаго поэта неотразимое впечатлѣніе, легло въ содержаніе этого перваго крупнаго его произведенія. Имя героя и нѣкоторые эпизоды (напр. съ Головой) взяты изъ сказки «Русланъ Лазаревичъ», которую Пушкинъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ няни Арины Родионовны. Пиръ Владиміра, взятые имъ изъ сборника Кириши Данилова, Баянъ—«изъ Слова о Полку Игоревѣ»; битва Руслана съ Черноморомъ—изъ Аріоста, кое-что даже изъ Жуковского. Добродушный и умный юморъ, смѣлое соединеніе фантазіи съ реальностью, жизнерадостное настроеніе—все это было такимъ «новымъ словомъ» въ искусствѣ того времени, такимъ далекимъ отъ шаблонности, напускнаго пафоса и формализма, что поэма произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на публику и вызвала недоумѣніе у критики. Уже въ 1824 г. Русланъ попалъ на сцену (Волшебная трилогія кн. А. А. Шаховскаго—«Финнъ» и большой балетъ Дидло).

Кому не извѣстна эта поэма? Мы не будемъ рассказывать здѣсь ея содержанія, а только приведемъ тѣ мѣста изъ нея, которыя иллюстрированы нашими рисунками (стр. 32, 33 и 34).

Людмила, похищенная со свадебнаго пира, очутилась въ замкѣ колдуна Черномора. Ее стараются развлекать, дарятъ ей наряды и дорогія украшенія.

Три дѣвы красоты чудесной Дѣвѣ пожки, чудо изъ чудесъ.
Въ одеждѣ легкой и прелестной Княжнѣ послѣдняя дѣвица
И поклонились до земли. Жемчужный поясъ подаетъ
Тогда неслышными шагами Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Одна поближе подошла, Веселы пѣсни ей поетъ.
Княжнѣ воздушными перстами Увы, ни камни ожерелья,
Златую кошу заплела, Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Съ искусствомъ, въ наши дни не Ея души не веселятъ;

И обвила вѣяномъ перловымъ Напраено зеркало рисуетъ
Окружность блѣднаго чела. Ея красы, ей нарядъ,—
За нею, скромно взоръ склоняя, Потупя неподвижный взглядъ,
Потомъ приблизилась другая— Она молчитъ, она тоскуетъ.
Лазурный, пышный сарафанъ Тѣ, кои правду возлюбя,
Одѣлъ Людмилы стройный станъ; На темномъ сердца днѣ читали,
Покрылись кудри золотыя Конечно, знаютъ про себя,
И грудь, и плечи молодыя Что если женщина въ печали,
Фатой прозрачной, какъ туманъ, Сквозь слезъ, украдкой, какъ-
Покровъ завистливый лобзаетъ нибудь.
Красы, достойныя небесъ, На зло привычекъ и разсудку,
И обувь легкая сжпмаетъ Забудеть въ зеркало взглянуть—
То грустно ей ужъ ве на шутку, То грустно ей ужъ ве на шутку,

Является волшебникъ Черноморъ:

Раздался шумъ; озарена Княжна съ постели соскочила,
Мгновеннымъ блескомъ тѣма Сѣдою карлу за колакъ
И почная. Руюю бстрой ухватила,
Мгновенно дверь отворена; Дрожащій занесла кулакъ,
Безмолвно, гордо выступая, И въ страхѣ завизжала такъ,
Нагими саблями сверкая, Что всѣхъ араповъ оглушила.
Араповъ длинный рядъ идетъ Треница, скорчился бѣднякъ,
Попарно, чинно, сколь возможно, Княжны испуганной блѣднѣе:
И на подушкахъ осторожно Зажавши уши поскорѣе,
Сѣдую бороду несетъ; Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
И входитъ съ важностью за нею, Запутался, упалъ и бьется;
Поднявъ величественно шею, Встаеъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Горбатымъ карликъ изъ дверей: Араповъ черный рой мятется;
Его-то голову обритой, Шумяте, толкаются, бѣгутъ;
Высокимъ колакомъ покрытой, Хватаютъ колдуна въ охапку
Принадлежала борода. И вонъ распутывать несутъ,
Ужъ онъ приблизился; тогда Оставя у Людмилы шапку.

Между тѣмъ Русланъ спѣшитъ къ пѣвѣтѣ на выручку и вступается по дорогѣ въ бой съ Рогдаемъ, «кровавыхъ битвъ искателемъ» и мрачнымъ обожателемъ Людмилы.

„Блаженство“. Рис. С. С. Соломко.
Автогипия «Нивы».

При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ конья брошены далеко.
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровью покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски
разбиты...
Они схватились на коняхъ:
Взрывая къ небу черный прахъ.
Подъ ними кони борзы бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ бы къ сѣду привожжены;
Ихъ члены злобой сведены,

Переплелись и костенѣють;
По жиламъ быстрый огонь бѣжить;
На вражьей груди грудь
дрожить—
И вотъ колеблются, слабѣють—
Кому-то пасть... Вдругъ витязь
мой,
Вскрипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣда наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ
собой—
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни!» грозно восклицаетъ;
«Умри, завистникъ злобный
мой!»

Далѣе, Русланъ встрѣчается съ Головою:

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ
румяный,
Надъ усыпленную землей
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—
слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто
дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ
духомъ;
Но, шевели пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной
луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый
князь—
И чудо видитъ предъ собою.

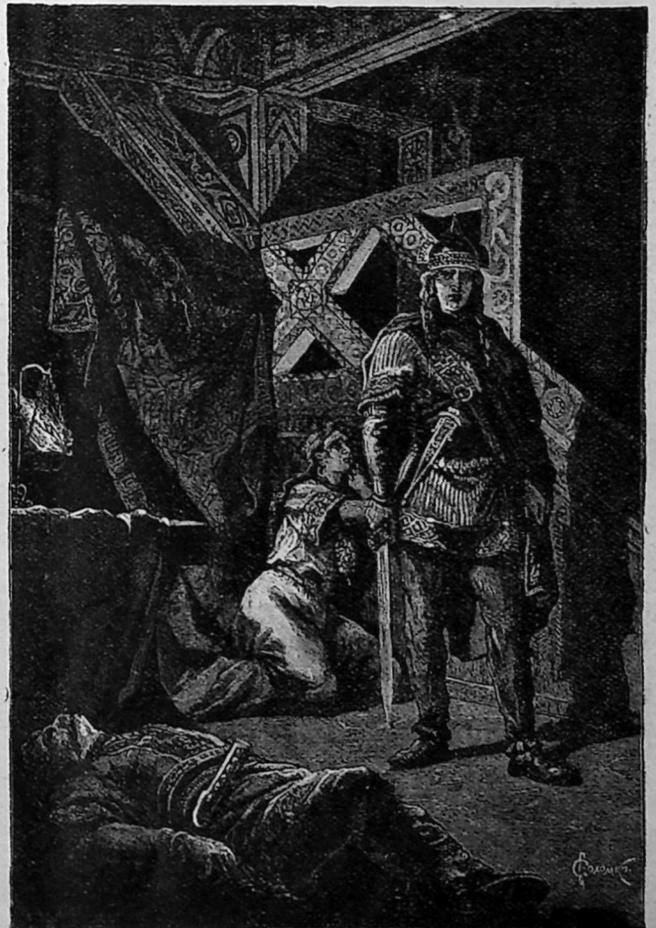
Найду ли краски и слова?—
Предъ нимъ живая голова,
Огромны очи сномя объаты,
Храпитъ, качая племъ
пернатый,
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью
возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безыманной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Обѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ
молчаливо,
Щекотитъ ноздри коніемъ.
И, сморщась, голова звѣнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь
дрогула,
Взвилась пыль; съ рѣсницъ, съ
усовъ

Съ бровей слѣбля стая совь;
Проснулись роши молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ
шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ пахлая пролочу!»
Русланъ съ презрѣниемъ
оглянулся,
Брадами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ
услѣхнулся:
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурилась, голова вскричала:
«Вотъ, гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью
сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу
мало!
Я ѣдъ, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»
Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Наѣвшись, губы задрожали;
Изъ усть, ушей поднялся паръ;

И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть...
Напрасно конь, зажмуриа очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ
ночи
Невѣрный продолжаетъ путь,
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь,
изнеможенный,
Далече въ поле отдохнуть.
Вновь обратится витязь
хочеть—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вслѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «ай, витязь! ай, горой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня.»
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ крѣпъ,
Грозитъ ей молча коніемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побжала выгъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости линась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.—

Русланъ поражаетъ голову и видитъ на опустѣвшемъ мѣстѣ богатырскій мечъ.

Другой обожатель Людмилы, «младой Ратмиръ», похващій тоже отыскивать похищенную красавицу, подѣзжая къ волшебному замку, слышитъ звуки пѣсни, которую поетъ на стѣнѣ замка дѣва.

„Осгаръ“. Рис. С. С. Соломко.
Автогипия «Нивы».

„Русланъ и Людмила“. Людмила передъ зеркаломъ. Ориг. рис. С. С. Соломко. Грав. Ю. Мультановскій.

„Русланъ и Людмила“. Людмила въ замкъ Черномора. Ориг. рис. И. Панова, грав. Шмидтъ.

„Русланъ и Людмила“. Бой Руслана съ Рогдаемъ.
Ориг. рис. Винцмана, автотипія «Нивы».

«Ложится въ полѣ мракъ
ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ
хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!—
Укройся въ теремъ нашъ
отрадный!
«Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ, и пированье,
Приди на дружное призванье,
Приди, о, путникъ молодой!
Она манитъ, она поетъ—
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не
сводятъ
Онѣ пѣвнителей очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованья латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный
шитъ;
Одежда нѣга замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Восторгомъ витязъ упоенный
Уже забылъ Людмилы пѣвнкой
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ,
Бродящій взоръ его блеститъ...

Ратмиръ увлекся дѣвами и остался въ замкѣ наслажденій.
Между тѣмъ Русланъ, «мечью пламенья, достигъ обитали
злѣдья» и вступаетъ съ нимъ въ жестокой бой.

Ужъ витязъ подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И сибѣ копытомъ мощнымъ
роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ поддемлетъ смутный
взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ поднятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Шитомъ покрывшись, онъ
нагнулся,
Мечомъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ—и свѣсока,
Шумя, летитъ на князя снова.
Проворный витязъ отлетѣлъ,—
И въ сибѣ съ размаха рокового
Колдунъ упалъ, да тамъ и сибѣ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Едва дышу, нѣтъ мочи болѣ;
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, крихтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ
улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными дѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злѣдья
Упорной держится рукой...
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ;
Русланъ ей не выпускаетъ
И шиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носить,
На третей онъ пощады проситъ;
«О, рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу, нѣтъ мочи болѣ;

Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я
волк; И, бороду схвативъ другою,
Скажи—спущусь, куда велишь... —Знай нашихъ.—молвилъ онъ
—Теперь ты нашъ; ага, жестоко,—
дрожишь! Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Смирись, покорствуй русской Идѣ сила?—и на шлемъ высокой
силѣ! Сѣдые вяжетъ волоса;
Неси меня къ моей Людмилѣ. Свистя, зоветъ коня лихого;
Смиренно внемлетъ Веселый конь летитъ и ржетъ;
Черноморъ; Нашъ витязъ карлу чуть живого
Домой онъ съ витяземъ спустился; Въ котомку за сѣдо кладетъ,
Летитъ—и мигомъ очутился А самъ, боясь мгновенныя траты,
Среди своихъ ужасныхъ горъ. Спѣшитъ на верхъ горы крутой;
Тогда Русланъ одной рукою Достигъ—и съ радостной душой
Взялъ мечъ сраженной головы, Летитъ въ волшебныя палаты.

1821.

«Кавказскій пѣвникъ» имѣлъ еще большій успѣхъ, чѣмъ «Русланъ и Людмила». Пушкинъ окончилъ его въ Каменкѣ въ 1821 г., и уже въ слѣдующемъ году поэма вышла въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ изданіи Н. И. Губдича. Въ поэмѣ двѣ части—описательно-этнографическая и романтически-психологическая. По мнѣнію самого Пушкина, первая часть удалась ему лучше, а во второй онъ хотѣлъ изобразить «это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка». Въ основу поэмы положенъ разсказъ нѣкоего Нѣмцова, о томъ, какъ его будто бы освободила изъ плѣна влюбившаяся въ него черкешенка. Успѣхъ поэмы въ публикѣ былъ неслыханный. И если «Русланъ» далъ поэту *известность*, то «Пѣвникъ» создалъ ему настоящую *славу*. Нѣкоторые изъ стиховъ поэмы тотчасъ же стали поговорками, а она сама сдѣлалась родоначальницею всей нашей обширной и важной кавказской художественной литературы. Въ 20-хъ годахъ «Пѣвникъ» вызвалъ много посредственныхъ подражаній и на другой годъ по выходѣ въ свѣтъ былъ переделанъ въ балетъ, ставшій очень популярнымъ и долго не сходящимъ со сцены. Фабула поэмы не сложна, и вся прелесть ея заключается въ ея тонѣ, настроеніи и вѣвнцей отдѣлкѣ стиха; русскій офицеръ попадаетъ въ плѣвъ къ горцамъ; въ него влюбляется черкешенка и помогаетъ бѣжать (рис. на стр. 36).

Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались

„Русланъ и Людмила“. Русланъ и живая голова.
Ориг. рис. И. Панова, автотипія «Нивы».

„Русланъ и Людмила“. Ратмиръ въ волшебномъ замкѣ.
Ориг. рис. Р. Штейна, автотипия «Нивы».

Громады свѣтлосѣжныхъ горъ,
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Плѣнникъ хотѣлъ бѣжать, но онъ былъ закованъ въ цѣпи.
Мечтаетъ русскій о побѣдѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь
унула;

Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ шила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ
ратный.

На плѣнника возведи взоръ,
«Бѣги! сказала дѣва горь:
Нигдѣ черкесь тебя не встрѣтить.
Слѣши, не трать ночныхъ часовъ;

Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ».

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ ея ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой.
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ!—дѣва говоритъ—
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
«О, другъ мой! русскій возопилъ:
Я твой навѣкъ, я твой до гроба!—
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...—Нѣтъ, русскій,
нѣтъ!

Она исчезла, жизни сладость—
Я знала все, и знала радость,
И все прошло, пропала и слѣдъ.
Возможно-ль? ты любилъ другую...
Найди ее, люби ее!

О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?..
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній
разъ.—»

Въ біографическомъ очеркѣ мы уже говорили о происхожденіи поэмы изъ русской жизни «Братья-Разбойники» (рис. на стр. 37); Пушкинъ остался очень недоволенъ ею и ежегъ набросокъ; но одинъ изъ отрывковъ сохранился, и поэтъ, отдѣлавъ его, послалъ въ печать. Поэма написана была въ 1821 г., а появилась въ «Полярной Звѣздѣ» лишь въ 1825 г. Въ ней есть очень сильныя, поэтически-красивыя мѣста, попадаются исконно-русскія выраженія и обороты. Такъ, напр.,

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей...

Разбойники собрались, за Волгою, вокругъ огней, и слушаютъ рассказы поваго пришельца:

«Насъ было двое: братъ и я. Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Росли мы вмѣстѣ; нашу Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
младость Два стража издали плывутъ.
Вскормила чуждая семья. Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ Оковы камнемъ разбиваемъ,
радость... Другъ съ друга рвемъ клочки
Мы жили въ горѣ, средь одеждъ,
заботъ... Отягощенные водою...
Наскучила намъ эта доля, Погоню видимъ за собою,
И согласились межъ собой Но смѣло, полные надеждъ,
Мы жребій испытать иной; Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ
Въ товарищи себѣ мы взяли тонеть,
Булатный ножъ да темну ночь; То захлебнется, то застонеть—
Забыли робость и печали, И, какъ свинецъ, пошелъ ко дну.
А совѣтъ отогнали прочь. Другой проплылъ ужъ глубину;
«И что-жь? попались молодымъ; Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ
Недолго братья пировали: въ бродъ упрямо,
Поймали насъ—и кузнецы Не внемля крику моему,
Насъ другъ ко другу приковали... Идетъ, но въ голову ему
«По улицамъ однажды мы, Два камня полетѣли прямо—
Въ цѣпяхъ, для городской И хлынула на волны кровь;
тюрмы Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
Сбирали вмѣстѣ подаанье, Мы береговъ достичь успѣли
И согласились въ тишинѣ И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный
Исполнить давнее желанье. братъ...
Рѣка шумѣла въ сторонѣ, И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Мы къ ней—и съ береговъ Недавнихъ силъ его лишили:
высокихъ Опять недугъ его сломилъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ И злыя грезы посѣтили.
глубокихъ, Умолкъ и буйной головою
Цѣпями общими гремимъ, Разбойникъ въ горести поникъ,
Бьемъ волны дружными ногами, И слезъ горячюю рѣкою
Песчаный видимъ островокъ, Свирѣпый оросился ликъ.»
И, разѣкая быстрый токъ,

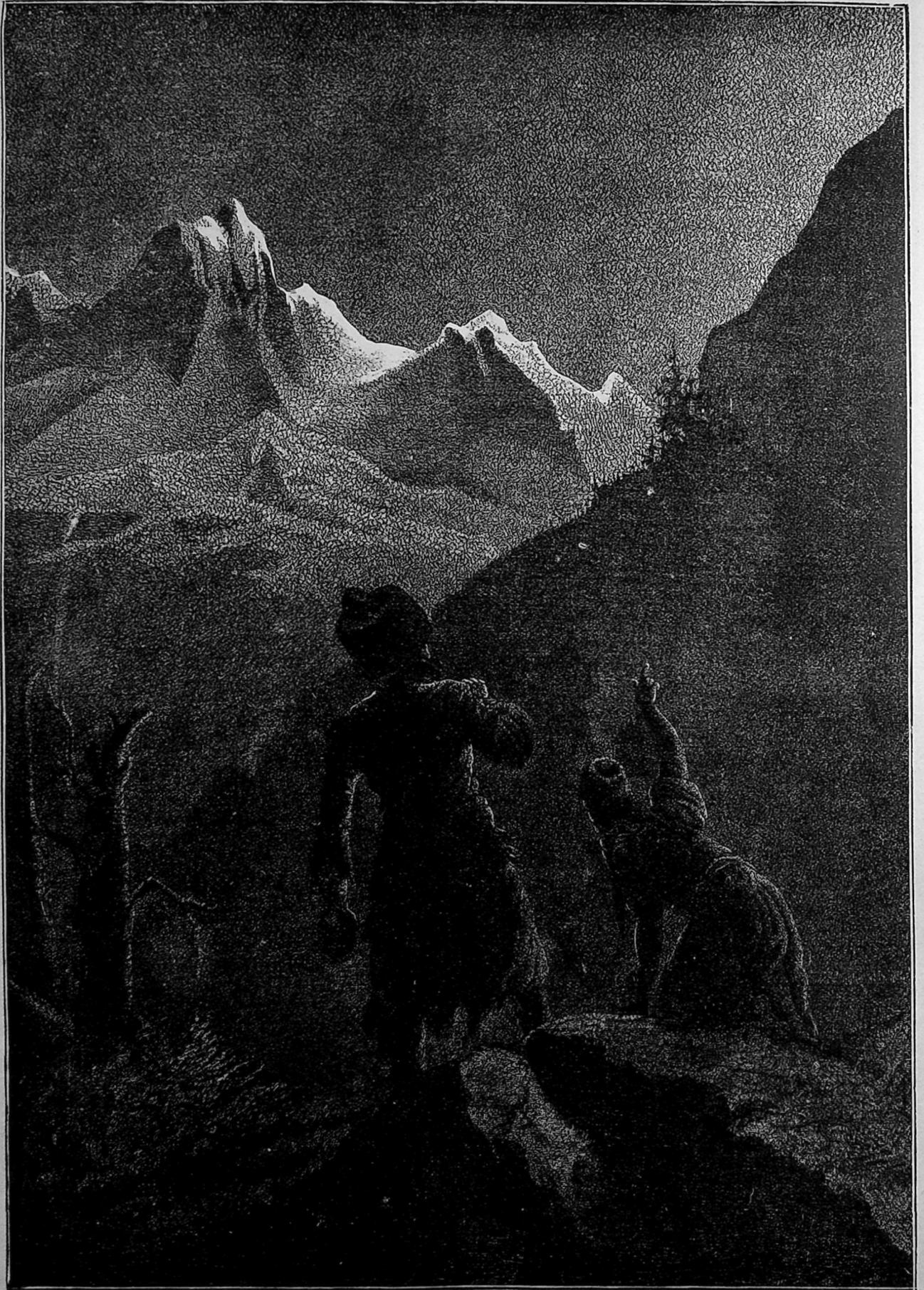
1822.

Живя въ изгнаніи, въ Кишиневѣ, Пушкинъ работалъ надъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», три иллюстраціи къ которому читатели найдутъ на страницахъ 38, 39 и 40.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ; Безмолвно раболѣпный дворъ
Янтарь въ устахъ его дымился; Вокругъ хана грознаго тѣнился.

„Русланъ и Людмила“. Русланъ и Черноморь.
Ориг. рис. А. Кившенко, автотипия «Нивы».

„Кавказскій плѣнникъ“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгодль.

Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣдъ, все читали

Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.

Въ основу «Бахчисарайскаго фонтана» легъ рассказъ Е. П. Раевской о княжѣ Потоцкой, бывшей женою хана Керимъ-Гирея.

За описаніемъ двора хана слѣдуетъ изображеніе его гарема:

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ пльницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы...

... Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли...

И вдругъ, среди этихъ пльницъ и рабынь, появилась красавица Марія; еще «недавно милою красой она цвѣла въ странѣ родной; съдой отецъ гордился ею, и звалъ отрадою своею».

Давно-ль? И что же? Тьмы
татаръ

На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ той ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною
Цвѣтущій край опустѣлъ...

...И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица.
... Отецъ въ могилѣ, дочь — въ
пльну.

Скупой наслѣдникъ въ замокъ
править
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

1822.

Иллюстрація наша къ балладѣ Пушкина «Пѣснь о Вѣщемъ Олгѣ» (на стр. 41) даетъ два момента изъ этого произведенія.

Съ дружиной своею, въ царградской
бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ
конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій
весь вѣкъ.

И къ мудрому старцу подѣхалъ
Олегу.

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Чтобудетъ въ жизни со мною?

«И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И сильго моря обманчивый валъ

Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавыи княжалъ
Щадять побѣдителя годы...

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,—
Незримый хранитель могущему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;

Онъ, чужа господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчитъ по бранному полю;

И холодъ, и сѣча ему ничего:—
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегу усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачился думой.

Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;

И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить, и треплеть по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время;

Теперь отдыхай,—ужъ не ступитъ нога
Въ твоё позадащенное стремя.

Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Проходятъ годы.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегу со двора,
Съ нимъ Игорьъ и старыи гости,
И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежатъ благородныи кости;

Ихъ моютъ дожди, засыпаютъ ихъ пылъ,
И вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «си, другъ одинокій!

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:

На тризнь, уже недалекой,
Не ты подъ свѣтлой ковыль обагришь—
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:

Мнѣ смертию кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ, выползала;

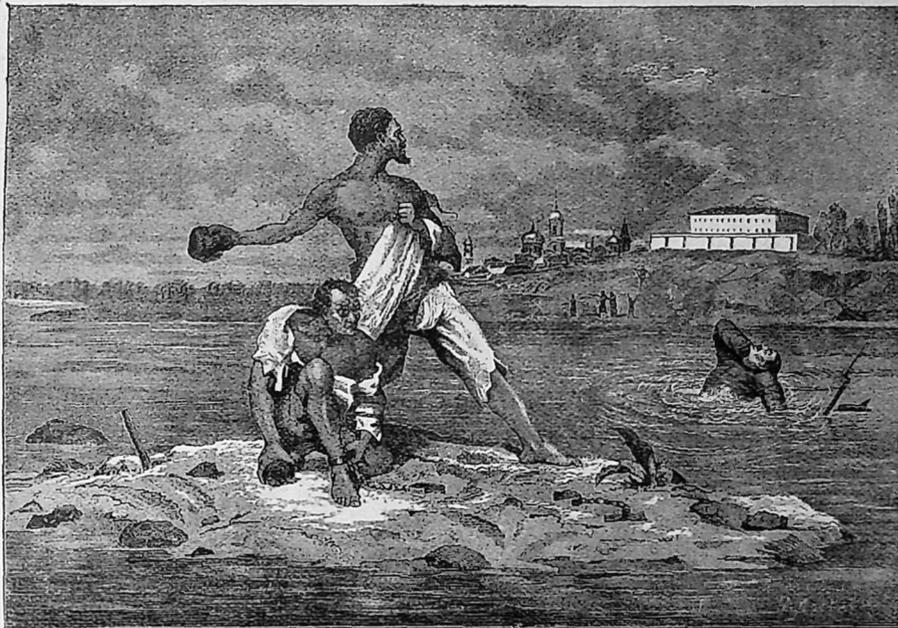
Какъ черная лента, вкругъ погъ обвилась,—
И вскрикнулъ внезапно ужасенный князь...

Ковши круговые, заплѣясь, шипятъ
На тризнь плачевной Олега:
Князь Игорьъ и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у берега;

Бойцы помнятъ минувшіи дни
И битвы, гдѣ влѣтъ рубились они.

1824.

По пути изъ Кишинева въ Одессу Пушкинъ присталъ къ

«Братья-разбойники». Ориг. рис. Н. Лосева, автотипія «Нивы».

одному цыганскому табору и нѣкоторое время кочевалъ съ нимъ.

Результатомъ этой поэтической фантазій явилась знаменитая поэма «Цыгане» (рис. на стр. 42).

Цыгане шумною толпой
По Бессарабию кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ но-
чуютъ.

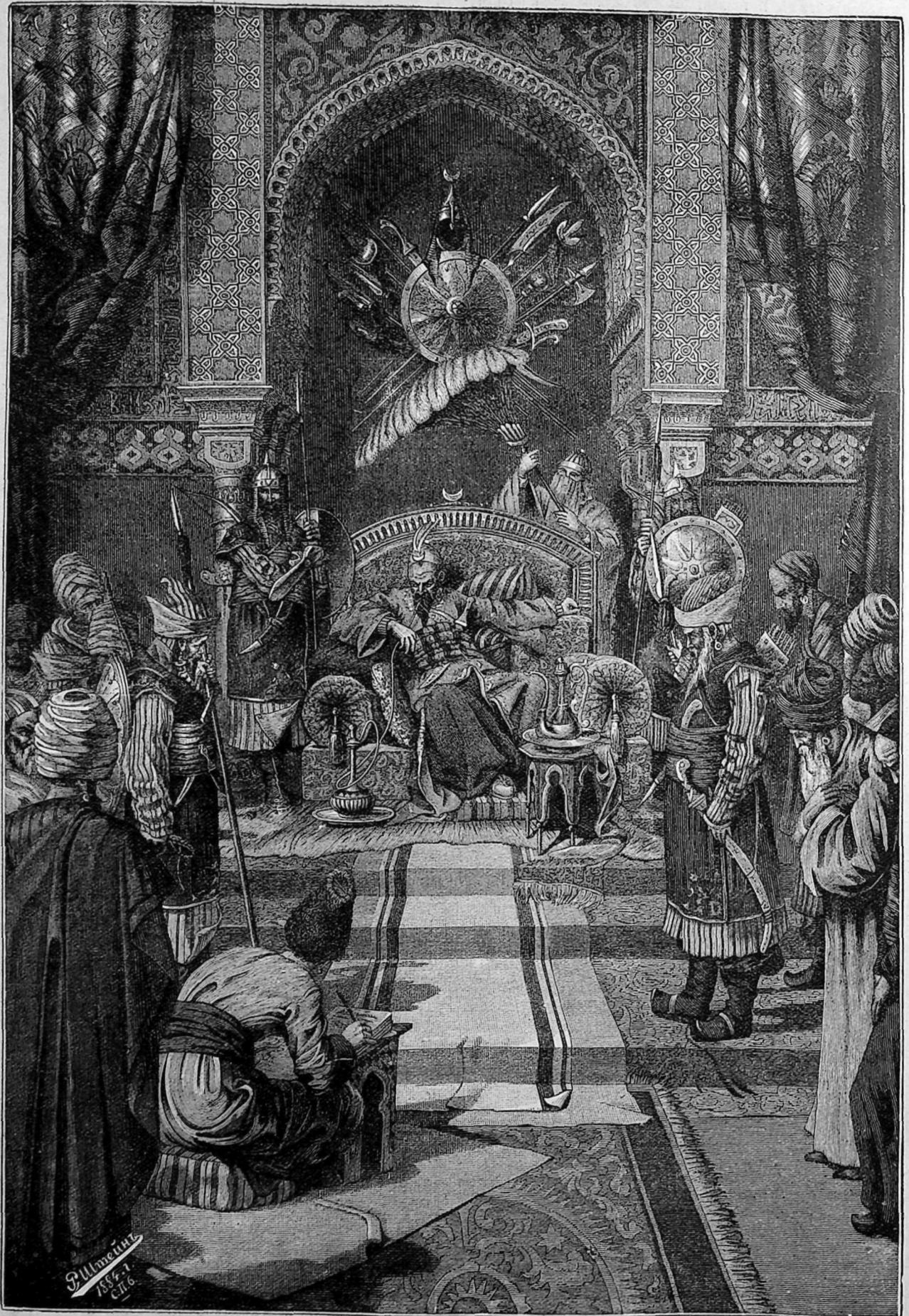
Какъ вольность, веселье ихъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣги,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на возѣ.

Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь
недалній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной,
Лишь лай собакъ, да конной ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

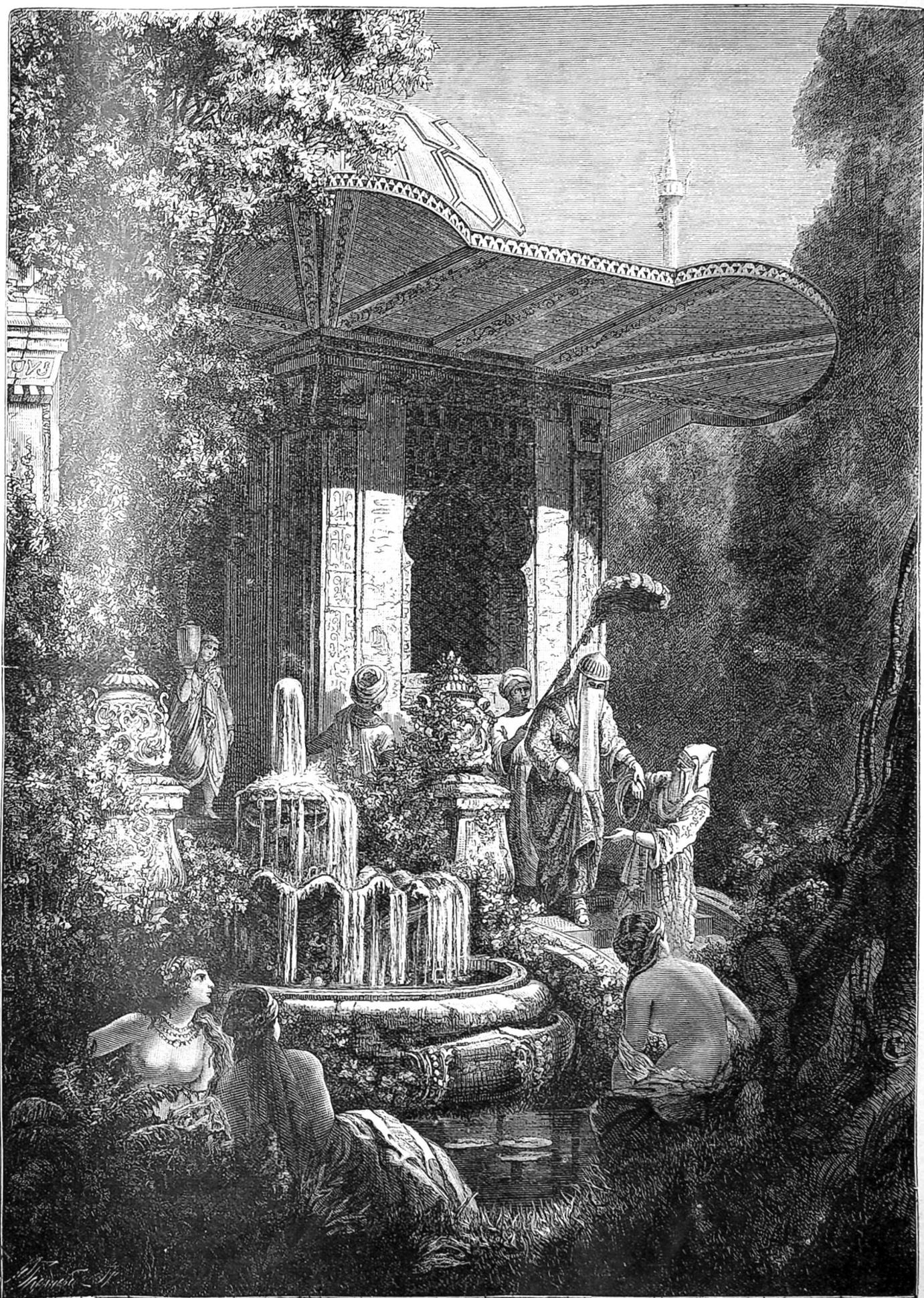
Типъ главнаго героя поэмы Алеко пѣвѣтъ не мало чертъ, связующихъ его съ героями «Братьевъ-разбойниковъ» съ одной стороны, и съ «Евгеніемъ Онегиннымъ» — съ другой.

1825.

Во время подневольнаго своего житія въ с. Михайловскомъ, производительность Пушкина была громадна. Одинокій, въ глухой деревнѣ, сидѣлъ онъ цѣлыми днями въ своемъ кабинетѣ и неустанно писалъ. Самымъ значительнымъ и выдающимся произведеніемъ михайловскаго періода является трагедія «Ворисъ Годуновъ», или, какъ самъ Пушкинъ озаглавилъ ее: «Комедія о настоящей бѣдѣ московскому государству, о царѣ Ворисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Онъ началъ ее въ 1824 г., а окончилъ въ августѣ 1825 г. Онъ много подготавливался къ ней чтеніемъ. «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей, — пишетъ онъ, — дало мнѣ мысль оживить

„Бахчисарайскій фонтанъ“. Ханъ Гирей въ своемъ дворцѣ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

„Бахчисарайскій фонтанъ“, Гаремъ хана. Орх. рис. Р. Штейча, грав. Барановскій

„Бахчисарайскій фонтанъ“. Похищеніє Маріи татарами. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Дзедзиць.

„Пѣснь о вѣщѣмъ Олегѣ“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

„Цыгане“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Рашевский.

„Борисъ Годуновъ“. Въ кельѣ Пимена. Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

въ драматической формѣ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи. Шекспиру я подражалъ въ его вольномъ и широкимъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался я угадать языкъ тогдашняго времени, — источники богатые; успѣлъ ли я ими воспользоваться — не знаю». Во всякомъ случаѣ онъ сознательно устранилъ изъ драмы все узко-романтическое и все сентиментальное, желая возвыситься до настоящей національной драмы. Надъ второстепенными лицами этого произведенія онъ работалъ съ такимъ же усердіемъ, какъ и надъ главными. Онъ заботился о мелочахъ, но не упускалъ изъ виду всей драмы и хлопоталъ о томъ, чтобы не нарушить впечатлѣнія цѣлаго. Онъ самъ остался очень доволенъ «Борисомъ Годуновымъ». О дальнѣйшей судьбѣ этого произведенія мы говорили уже въ біографическомъ очеркѣ.

Наша ризунки (на этой и на слѣдующихъ двухъ страницахъ) изображаютъ нѣсколько сценъ изъ этой трагедіи.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ. Отецъ Пименъ пишетъ передъ лампадой:

На старости я сызнова живу:	Григорій.
Минувшее проходитъ предо мною...	Ты все писалъ и сномъ не по-забылся,
Давно-ль оно неслось событій полно,	А мой покой бѣсовское мечтанье
Волнуясь, какъ море-окіянь?	Тревожило, и врагъ меня мучилъ:
Теперь оно безмолвно и спокойно:	Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Немного лицъ мнѣ память сохранила,	Меня вела на башню; съ высоты
Немного словъ доходить до меня,	Мнѣ видѣлась Москва, что муравейники:
А прочее погнбло невозвратно!..	Внизу народъ на площади кипѣтъ;
Но близокъ день, лампада догораетъ—	И на меня указывалъ со смѣхомъ;
Еще одно, послѣднее сказанье.	И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
(Пишетъ.)	И падалъ стремглавъ, я пробу-ждался...
Пименъ.	И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Проснулся, братъ.	Григорій.
Григорій.	Не чудно ли?
Благослови меня,	Пименъ.
Честный отецъ.	Младая кровь играетъ;
Пименъ.	Смирная себя молитвой и постомъ,
Благослови Господь	И сны твои видѣній легкихъ
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.	Исполнены... будутъ

Другой ризунокъ изображаетъ корчму на литовской границѣ. Въ корчмѣ сидятъ Мисаилъ и Варлаамъ, бродяги въ видѣ чернецовъ, Григорій Отрепьевъ, одѣтый уже миряниномъ, и хозяйка. Входитъ приставъ.

Первый приставъ. Алеха! при тебѣ ли царскій указъ?

Второй. При мнѣ.
Первый. Подай-ко сюда.
Мисаилъ. Что ты на меня такъ пристально смотришь?
Первый приставъ. А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?
Мисаилъ. Не слыхалъ.
Приставъ. Не слыхалъ? Ладно. А того бѣлаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?
Мисаилъ. Не знаю.
Приставъ (Варлааму). Умѣешь ли ты читать?
Варлаамъ. Смолodu зналъ, да разучился.
Приставъ (Мисаилу). А ты?
Мисаилъ. Не умудрилъ Господь.
Приставъ. Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.
Мисаилъ. На что мнѣ его?
Приставъ. Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ—ты.
Мисаилъ. Я? Помилуй! Что ты!

Приставъ. Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

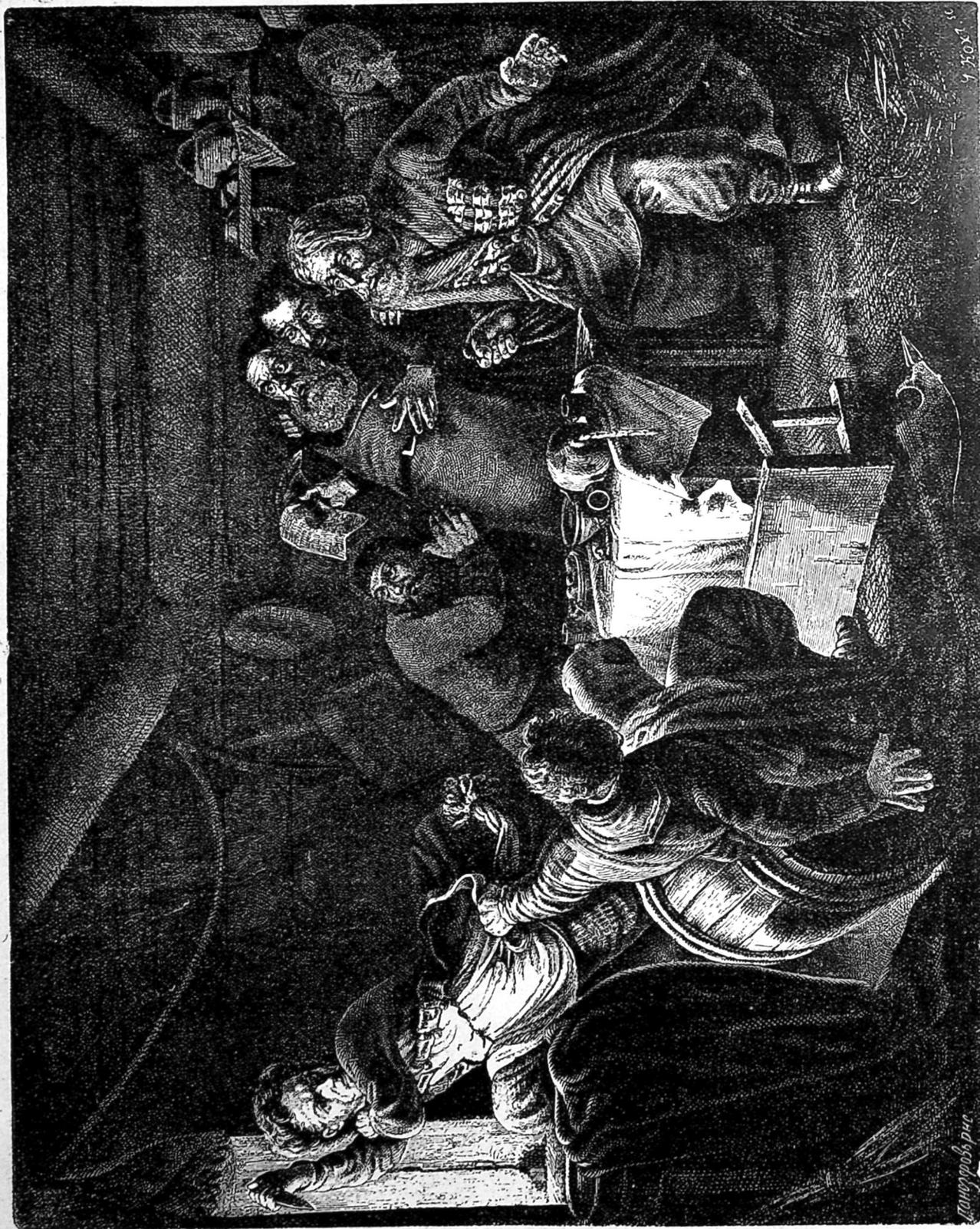
Хозяйка. Ахъ, оиц, окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ. Кто здѣсь грамотный?

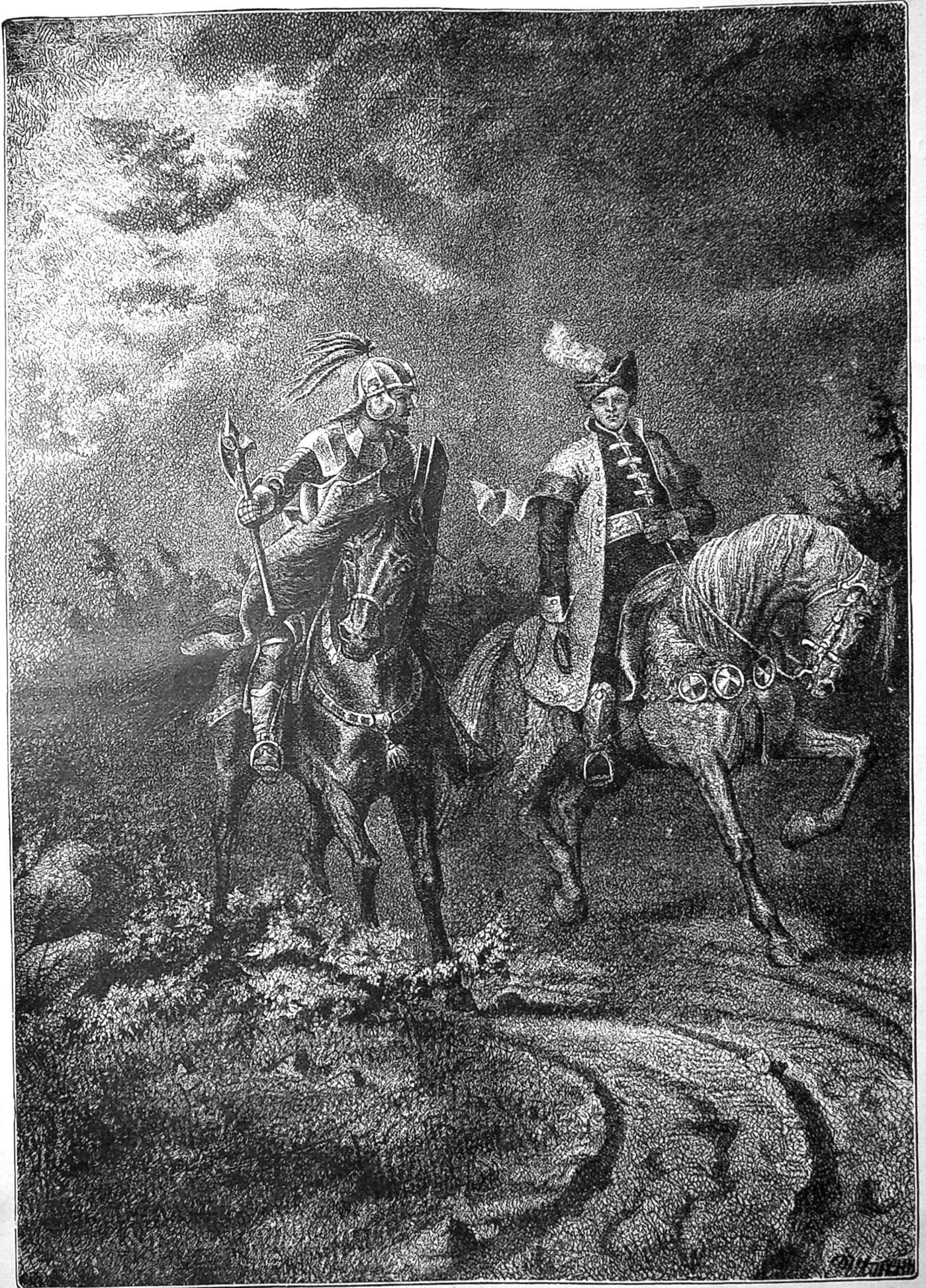
Григорій (выступаетъ впередъ). Я грамотный!

„Борисъ Годуновъ“. Борисъ и юридивыи. Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

„Борисъ Годуновъ“. Корчма на литовской границѣ. Съ картины Масодева рис. Понсерювъ, грав. Кохъ.

„Борись Годуновъ“. Самозванецъ на русской границѣ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флогель.

и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру.

— Лиза!—сказалъ онъ одной изъ нихъ:—помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя крадь у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.

Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяйнѣ не могъ подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

1828.

«Утопленникъ» — баллада, написанная Пушкинымъ въ 1828 г. въ селѣ Михайловскомъ. Какъ въ формѣ стиха, такъ и въ содержаніи баллады, Пушкинъ, очевидно, соперничалъ съ Жуковскимъ, и въ смыслѣ народности одерживалъ надъ своимъ учителемъ блестящую побѣду. Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскаго человѣка. На нашемъ рисункѣ (стр. 49) изображены три момента изъ баллады:

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второныхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, обсеянты,
Запорчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будеть вамъ уже мертвецы!
Судъ найдеть, отвѣчай-ка;
Съ нимъ и вѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поллетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя,
а вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Али ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—
Мужику какое дѣло?
Озаряясь, онъ свѣшилъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащилъ,
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводилъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будеть вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то поколочу».
Въ почъ погода зашумѣла,

Возвновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатахъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
«Кто тамъ?»—Эй, впусти,
хозяинъ!—
«Ну, какал тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Кантъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возишься мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣвивою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изь-за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черныя впились.
И мужикъ окно захопнулъ,
Гостя голого узнавъ,—
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты
лопнулъ!»
Прошталъ онъ, задрожавъ,
Страшно мысли въ немъ
мѣшались,
Трясся ночь онъ напрозель,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный.
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаеетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

*

Въ октябрѣ 1828 г. Пушкинъ началъ «Полтаву» и окончилъ ее въ три недѣли. Первая мысль о поэмѣ изъ жизни Мазепы возникла у него при чтеніи «Войнаровскаго», Рыльева; изъ нея онъ узналъ, что Мазена обольститъ дочь Кочубея; «я изумился,—говоритъ Пушкинъ,—какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства». Пушкину пришла идея изобразить любовную исторію старца гетмана. Съ этой цѣлью онъ сталъ читать «Исторію Малой Россіи», Баттышъ-Каменскаго и множество другихъ историковъ. Во время этого чтенія, въ головѣ Пушкина создавался планъ поэмы.

Рамки ея раздвигались, и романтической элементъ тѣсно связывался съ историческимъ. Съ этой поэмы началось увлеченіе Пушкина Петромъ Великимъ, которое красной нитью проходитъ черезъ всю его будущую творческую дѣятельность. Поэма вышла въ 1829 г. и не имѣла успѣха. Только немногіе горячіе поклонники Пушкина оцѣнили «Полтаву», котораго, опозитивировавъ природу Малороссіи и ея своеобразный бытъ, направила Гоголя на тотъ же путь («Тарасъ Бульба»). Наши рисунки (на стр. 51—54) даютъ важнѣйшія сцены изъ поэмы:

Вотъ Кочубей въ темницѣ за доносомъ на Мазепу. Петръ I не повѣрилъ доносу и выдалъ доносчика гетману.

Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ. Своей дремоты превозмочь Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Мой вождь подъ знаменемъ краснаго орлика, Грѣховъ могучій разрѣшитель, Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа, Его святую кровь и тѣло Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь, Да приступлю ко смерти смѣло И жизни вѣчной приобщусь!.. Но не отшельника святаго, Онъ гостя узнаетъ иного— Свирѣпый Орликъ передъ нимъ. И, отвращеніемъ томимъ, Страдалецъ горько вопрошаетъ: Ты здѣсь, жестокой человѣкъ? Зачѣмъ послѣдній мой ночлегище Еще Мазена возмущаетъ? Орликъ. Гдѣ сираталъ деняги? укажи! Не хочешь?—Деньги гдѣ? скажи, Иль выйдешь слѣдствие плохое. Подумай, мѣсто намъ назначь. Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачи! Палачъ вошелъ... О, ночь мученій!

Въ глубокомъ, тѣлкомъ размысленнѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ И мрачно на небо глядитъ.
Завтра казни. Но безъ боязни Онъ мыслить объ ужасной казни; О жизни не жалѣетъ онъ. Что смерть ему? желанный сонъ. Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый..

Но ключъ въ заржавомъ замкѣ гремитъ—и пробужденъ, Несчастный думаетъ: вотъ онъ! Вотъ на пути моемъ кровавомъ

Скоро Петръ Великій убѣдился, что доносъ Кочубея былъ вѣренъ, и что Мазена дѣйствительно измѣнникъ. Полтавскій бой рѣшилъ побѣду русскихъ; Петръ самъ велъ войска въ сраженіе:

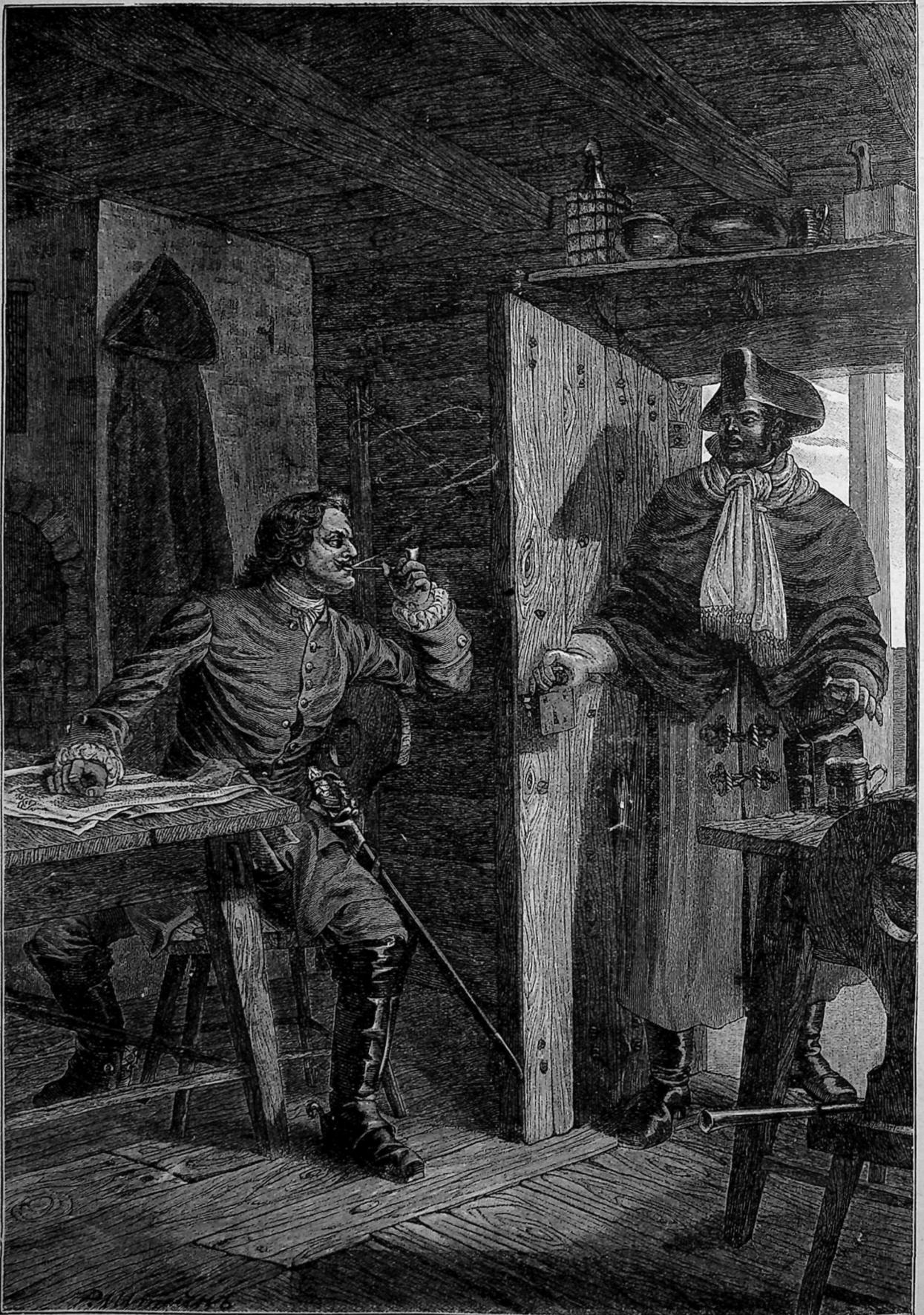
Полки увидѣли Петра. И онъ промчался предъ полками, Могучъ и радостенъ, какъ бой. Онъ поле пожиралъ очами. За нимъ вослѣдъ неслись толпой Сія птенцы гнѣзда Петрова— Въ прѣмьнахъ счастья земного, Въ трудахъ державства и войны Его товарищи, сыны: И Шереметевъ благородный, И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ, И, счастья баловень безродный, Поддержавный властелинъ.

И передъ синими рядами Своихъ воинственныхъ дружинъ, Несомый вѣрными слугами, Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ, Страдая раной, Карлъ явился. Вожди героя шли за нимъ. Онъ въ думу тихо погрузился. Смущенный взоръ изобразилъ Необычайное волненіе: Казалось, Карла приводилъ Желанный бой въ недоумѣнье... Вдругъ слабымъ маніемъ руки На русскихъ двинулъ онъ полки. И съ ними царскія дружины Сошлись въ дыму среди равнины— И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.

И грянулъ бой, полтавскій бой! Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ, Стѣной живою отраженнымъ, Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей Отряды конницы летучей, Браздами, саблями звуча, Шибаются, рубятся съ плеча. Бросая груды тѣлъ на груды, Шары чугунныя повсюду Межъ ними прыгаютъ, рязать, Прахъ роютъ и въ крови шипятъ. Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ; Бой барабанный, клики, скрежетъ; Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ, И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ... Средн-тревоги и волненья На битву взоромъ вдохновенья Вожди спокойные глядятъ, Движенія ратныя слѣдятъ, Предвидя гибель и побѣду И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.

Послѣ битвы подъ Полтавой, пораженіе шведовъ оказалось полное, и Карлъ XII принужденъ былъ спастись бѣгствомъ; съ нимъ бѣжалъ и Мазена. Перейдя на сторону шведовъ, онъ выдалъ планы русскаго царя королю шведскому. По дорогѣ онъ встрѣтилъ обольщенную имъ дочь Кочубея, Марію, которая, при извѣстіи о казни отца, убѣжала отъ гетмана и сошла съ ума; безумная, она бродила вокругъ опустѣвшаго дома Кочубея.

Верхомъ, въ глуши степей пагихъ, Даруютъ силу королю, Король и гетманъ мчатся оба. Онъ рану тяжкую свою Забылъ. Поникнувъ головою,

„Арапъ Петра Великаго“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

„Утопленникъ“. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Онъ скачетъ, русскими гонимъ, Мазепа будто испугался?
И слуги вѣрные толпою .. Предъ нимъ съ развитыми вла-
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ. сами,
... Съ нимъ старый гетманъ ска- Сверкала впалями глазами,
четь рядомъ. Все въ рубинѣ, худа, блѣдна,
Предъ ними хуторъ... Что же Стоять, душой освѣщена...
вдругъ «Иль это сонъ?... Марія... ты-ли?»

Марія не узнала своего стараго крестнаго и возлюбленнаго; она съ ужасомъ убѣгаетъ отъ него, а онъ съ глубокой горестью прощается «съ роднымъ рубежомъ». Имя его предали анаемѣ; память о Мазепѣ угасла, и напрасно бы какой-нибудь чужестранецъ сталъ въ Малороссіи искать его могилы. Могила же Кочубея и до сихъ поръ существуетъ.

1830.

«Какая глубокая и поучительная трагедія!» — восклицалъ Бѣлинскій, разбирая «Моцартъ и Сальери» Пушкина, — «по намъ предстоитъ переходить отъ одного чуда искусства къ другому», — продолжаетъ онъ въ той же статьѣ, — «и тяжесть взятой нами на себя обязанности смущаетъ насъ своей несообразностью съ нашими силами. Ничего нѣтъ легче, какъ говорить о слабомъ произведеніи или открывать слабыя стороны хорошаго; ничего нѣтъ труднѣе, какъ говорить о произведеніи, которое велико и въ цѣломъ, и въ частяхъ!.. Къ такимъ принадлежатъ: «Скупой Рыцарь», «Русалка» и «Каменный Гость».

Бѣлинскій называетъ «Каменнаго Гостя» перломъ созданій Пушкина, богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ его поэтическомъ вѣнцѣ. «Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, для того «Каменный Гость» не можетъ не казаться безъ всякаго сравненія лучшимъ и высшимъ въ художественномъ отношеніи созданіемъ Пушкина... Какая дивная гармонія между идей и формой! Какой стихъ, прозрачный, мягкій и упругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная, какая антично-благородная простота стили! Какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!..»

На нашемъ рисункѣ (стр. 54) изображена сцена приглашенія Донъ-Жуаномъ статуи командора въ гости:

Донъ-Жуанъ: Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ—
Нѣтъ, не ко мнѣ, а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.
Лепорелло: Статуя въ гости звать! Зачѣмъ?
Донъ-Жуанъ: Ужь, вѣрно,
Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Приди попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.
Лепорелло: Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!
Донъ-Жуанъ: Ступай же!
Лепорелло: Но...
Донъ-Жуанъ: Ступай!
Лепорелло: Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать... Ей Богу, не могу;
Мнѣ страшно.
Донъ-Жуанъ: Трусъ! вотъ я тебя!..
Лепорелло: Позвольте.
Мой баринъ Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Приди попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...

(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія.)

Ай!

Донъ-Жуанъ: Что тамъ?
Лепорелло: Ай, ай!..
Ай, ай!.. умру!
Донъ-Жуанъ: Что сдѣлалось съ тобою?
Лепорелло (живая головой): Статуя... ай!
Донъ-Жуанъ: Ты кланяешься?
Лепорелло: Нѣтъ,
Не я—она!
Донъ-Жуанъ: Какой ты вздоръ несешь!
Лепорелло: Подите сами.
Донъ-Жуанъ: Ну, смотри-жь, бездѣльщикъ!
(Статуя.) Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что? будешь?
(Статуя киваетъ опять.)
О, Боже!
Лепорелло: Что? я говорилъ...
Донъ-Жуанъ: Уйдемъ.

Въ томъ же 1830 году Пушкинъ написалъ маленькую трагедію «Скупой рыцарь». «Идея ясна сама по себѣ и по названію поэмы, — говоритъ Бѣлинскій. — Скупость страсть не новая, но гѣнй умѣть и старое сдѣлать новымъ. Скупецъ Пушкина ужасенъ—это лицо трагическое». Любуясь своимъ золотомъ, старый баронъ говоритъ:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго выпянуть.
Немного, кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,—
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озираться
И доль, покрытый бѣлыми шапками,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блестящія груди.

(Зажигаетъ свѣчи и оттираетъ сундуки одинъ за другимъ.)

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Приметъ власть надъ нею? Мой наследникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирныя, вѣные своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ,
Украсть ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отпереть—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласныя, дырявыя карманы.
О, если-бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. о, если-бъ изъ могилы
Приди я могъ сторожевою тѣнью,
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

Изъ маленькихъ стихотвореній, въ этотъ же періодъ, написано Пушкинымъ граціозное стихотвореніе «Предъ испанкой благородной», которое мы приводимъ цѣликомъ (рис. на стр. 56).

Предъ испанкой благородной Двое рыцарей стоятъ; Оба смѣло и свободно Въ очи прямо ей глядятъ. Влещуть оба красотою, Оба сердцемъ горячи, Оба мощною рукою Оперлися на мечи.	Жизни имъ она дороже И, какъ слава, имъ мила. Но одинъ ей милъ. Кого же Дѣва сердцемъ избрала? «Кто, рѣши, любимъ тобою?» Оба дѣвъ говорятъ И съ надеждой молодою Въ очи прямо ей глядятъ.
--	---

Пушкинъ цѣнилъ романы В. Скотта. Приглядываясь къ ходу европейской литературы, онъ какъ бы предугадалъ скорое торжество правописательной повѣсти и романа и рѣшилъ испытать свои силы на этомъ поприщѣ. Въ своихъ прозаическихъ повѣстяхъ онъ оставался реалистомъ, убѣжденнымъ противникомъ романтическихъ повѣстей-поэмъ, въ стилѣ Бестужева-Марлинскаго. Онъ очень дорожилъ успѣхомъ своихъ «повѣстей», но, боясь нападомъ критики, скрылъ свое имя. Критика встрѣтила ихъ крайне враждебно, но онъ раскупался публикой и читался съ удовольствіемъ; и Пушкинъ, больше довѣрившій публикѣ, чѣмъ критикѣ, счелъ свой опытъ удавшимся. «Станціонный смотритель» — одна изъ маленькихъ его повѣстей, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Повѣсти Бѣлкина», напечатана была въ 1830 г. Трогательная исторія бѣднаго станціоннаго смотрителя, въ простомъ поэтичномъ изложеніи Пушкина, хорошо извѣстна всей читающей публикѣ. На рисункѣ (стр. 56) изображенъ тотъ трогательный моментъ, когда дочь смотрителя, Дуся, послѣ бѣгства ея съ проѣзжимъ гусаромъ изъ отчого дома, вернулась на родину повидаться съ отцомъ, и нашла только его могилу съ простымъ деревяннымъ крестомъ.

„Полтава“. Кочубей в темницѣ.
Ориг. рис. Н. Лоренца, по гравюрѣ Шюблера автотипія «Нивы».

Какъ будто тяжкій совершилъ я
долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлбный мнѣ
отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ,
эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, слѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Моцартъ. Когда бы всё такъ
чувствовали силу
Гармоніи! Но вѣтъ: тогда-бъ не могъ
И міръ существовать; никто-бъ не
сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой
жизни—
Всѣ предались бы вольному искус-
ству!
Насъ мало избранныхъ, счастли-
цевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной
пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда-ль? Но я нынче нездо-
ровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

Сальери. До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ!.. Но ужель онъ
правъ,
И я—не геній? Геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несомвѣстныя. Неправда:

А Бонаротти?.. Или это сказка
Тупой, безмысленной толпы—и не былъ
Убийцею создатель Ватикана?

«Пушкинъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, поражаетъ знаніемъ че-
ловѣческаго сердца; только великіе поэты, какъ Шекспиръ,
умѣютъ находить въ тайникахъ человѣческой природы такіе
странныя, повидимому, противорѣчія, и изображать ихъ такъ,
что они становятся намъ понятными безъ объясненія.

Въ концѣ августа 1830 г., Пушкинъ отправился въ имѣ-
ніе Болдино, по своимъ дѣламъ, и оставался тамъ три мѣсяца,
воспользовавшись этимъ временемъ для литературныхъ работъ;
полное уединеніе вызвало у него такой приливъ вдохновенія,
какого давно не было. Между прочими вещами онъ написалъ
тамъ «Моцартъ и Сальери», небольшую трагедію, которую
первоначально называлъ «Завистью» и которая воплощаетъ идею
о сущности взаимныхъ отношеній генія и обыкновеннаго,
зауряднаго таланта. Моцартъ—геній, неоспоримый, признанный
таковымъ еще при жизни современниками. Сальери—ничто
въ сравненіи съ нимъ, талантъ, какихъ много, но умный и
благородный; зависть не скоро побѣждаетъ его, да и зависть
эта особаго рода: его раздражаетъ простота Моцарта, то, что
тотъ не умѣетъ цѣнить себя, свой геній, а потому и искус-
ство. Сальери—жрецъ искусства, и ради этого искусства рѣ-
шается отравить Моцарта, потому что считаетъ это нужнымъ.
За обѣдомъ, въ трактирѣ, онъ всыпаетъ въ стаканъ друга-
генія ядъ.

Моцартъ.

... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бонаротти кого-то отравилъ?

Сальери.

Не думаю, онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

Моцартъ.

Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несомвѣстныя. Не правда-ль?

Сальери.

Ты думаешь?
(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта).

Ну пей-же.

Моцартъ.

За твое

Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ).

Сальери.

Постой, постой!.. Ты выпилъ!.. безъ меня?

Моцартъ

(бросаетъ салфетку на столъ).
Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепiano).

Слушай-же, Сальери,

Мой Requiem. (Играетъ).

Ты плачешь?

Сальери.

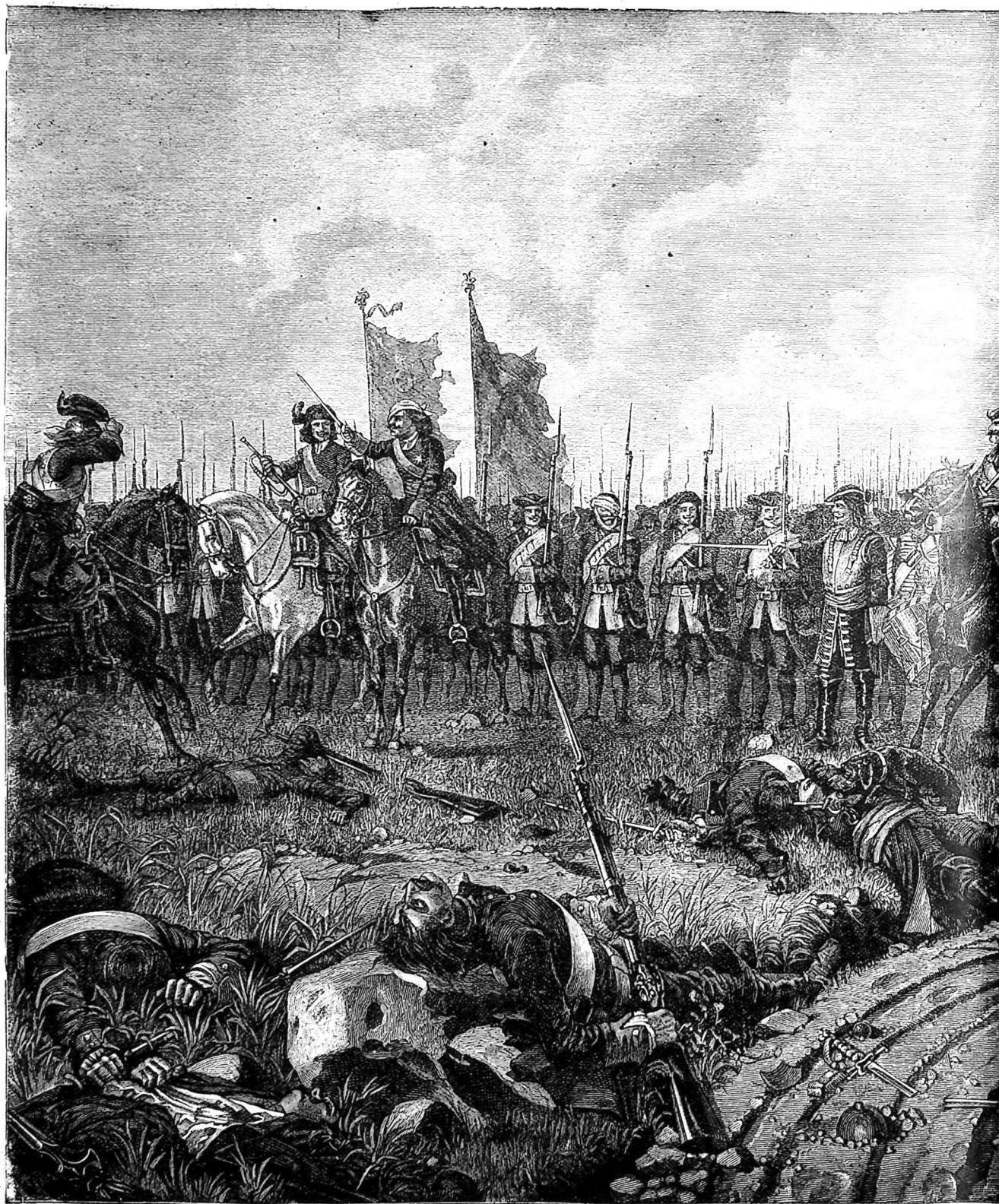
Эти слезы

Епервые лью: и больно, и пріятно,

„Полтава“. Допросъ Кочубея.

Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Барановскаго автотипія «Нивы».

„Полтава“. Петръ I передъ би

Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Голевинскій.

1831.

«Евгений Онегин» начать был еще в Кишиневе, в 1823 г. «Что касается до моих занятий», — пишет Пушкин кн. П. А. Вяземскому в 1823 г., — «я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница! В роду Дон-Жуана». В этом романе он «забалывается до нелзя», «захлебывается желчью», не надбегает провести роман через нашу «своеправную цензуру», а потому и пишет «спустя рукава». Но начиная со 2 главы, он увлекается, раздвигает план работы и приходит к твердому убеждению, что это будет лучшее его произведение. «Онегина» Пушкин писал долго, вплоть до 1831 года. Герой романа — Онегин — барин великорусского дворянского быта, учившийся, как все тогда — «чему-нибудь и как-нибудь»; как большинство в то время щеголявший разочарованностью, романтической усталостью и байропизмом — «москвич в Гаральдовом плаще» и совершенно несостоятельный при встрече с действительным жизненным романом, героиней которого является поэтичная, мечтательная, но чистая, здоровая нравственно девушка-провинциалка. Евгений Онегин — гениальное воспроизведение жизни нашего полукультурного дворянства той эпохи. Мы даем здесь три сцены из романа, в талантливой композиции Е. П. Самокиш-Судковской (стр. 58—61).

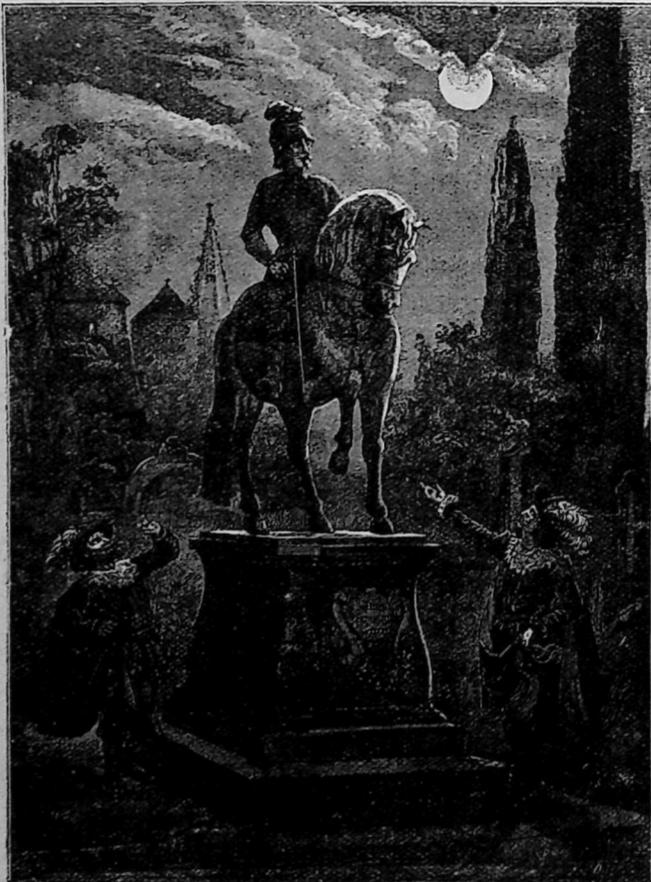
„Полтава“. Бѣгство Карла XII и Мазепы.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Раиевскаго автогипія «Нивы».

Вот блестящая характеристика героя романа:

XXIII. И для ногтей, и для зубов.
Изобразу ль въ картинѣ вѣр- Руссо [замѣчу мимоходомъ]
ной Не могъ понять, какъ важный
Гриммъ
Уединенный кабинетъ, Слѣзъ чистить ногти передъ нимъ,
Гдѣ модъ воспитаникъ при- Краснорѣчивымъ сумасбродомъ:
мѣрный
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ? Защитникъ вольности и правъ
Все, чѣмъ для прихоти обильной Въ семь случаевъ совѣтъ не правъ.
Торгуетъ Лондонъ шепетильный
И по балтическимъ волнамъ Быть можно дѣльнымъ чело-
За лѣсъ и сало возить намъ; вѣкомъ
Есе, что въ Парижѣ вкусъ го- И думать о красѣ ногтей:
лодный, Къ чему безплодно спорить съ
вѣкомъ?
Полезный промыселъ избравъ, Обычай — деспотъ межъ людей
Изобрѣтаешь для забавъ, Второй Каверинъ, мой Евгений,
Для роскоши, для шѣги модной, — Боле ревнивыхъ осуждений,
Все украшало кабинетъ Въ своей одеждѣ былъ педантъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ. И то, что мы назвали франтъ.
XXIV. Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Ягтарь на трубахъ Цареграда, Предъ зеркалами проводилъ,
Фарфоръ и бронза на столѣ, И изъ уборной выходилъ
И чувствъ изнѣженныхъ отрада, Подобный вѣтреной Венерѣ,
Духи въ граненомъ хрусталѣ; Когда, надѣвъ мужской парадъ
Гребенки, пилочки стальные, Вогиня ѣдетъ въ маскарадъ.
Прямья ножница, кривья, И щетки тридцати родовъ —

Второй рисунокъ изображаетъ слѣдующую сцену:

XVI. Хранила въ памяти не мало
Тоска любви Татьяну гонить. Старинныхъ былей, небывлицъ;
И въ садъ идетъ она грустить, Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
И вдругъ недвижны очи клонить, А нынѣ все мнѣ темно, Таша:
И лѣнь ей далѣ ступить: Что знала, то забыла. Да,
Приподнялася грудь, ланиты Пришла худая череда!
Мгновеннымъ пламенемъ по- Зашибло... — «Разскажи мнѣ, няня,
крыты, Про ваши старые года:
Дыханье замерло въ устахъ, Была ты влюблена тогда?»
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ ХVIII.
очахъ... — И, полно, Таша! въ эти лѣта
Настанетъ ночь; луна обходитъ Мы не слыхали про любовь;
Дозоромъ дальній сводъ небесъ, А то бы согнала со свѣта
И соловей во мглѣ древесъ Меня покойница спекровъ. —
Нашѣвы звучные заводить. «Да какъ же ты вѣчалась, няня?»
Татьяна въ темнотѣ не спитъ — Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой
И тихо съ няней говорить: Ваня
XVII. Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
«Не спится, няня: здѣсь такъ А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
душно! Недѣли двѣ ходила сваха
Открыю окно да слѣдь ко мнѣ». Къ моей роднѣ, и наконецъ
— Что, Таша, что съ тобой? — Влагословилъ меня отецъ.
«Мнѣ скучно; Я горько плакала со страха;
Поговоримъ о старинѣ. Мнѣ съ плачемъ кося расплели
— О чемъ же, Таша? Я, бывало, И съ ифнемъ въ церковь повели.

„Каменный гость“. Ориг. рис. А. Земцова, автогипія «Нивы».

„Скупой рыцарь“. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгель.

„Предъ испанкой благородной“.

Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Мультаповскаго автотипий «Нивы».

XIX. Чего ты хочешь, попроси...
 И вот ввели въ семью чужую... Дай окроплю святой водою,
 Да ты не слушаешь меня...— Ты вся горяишь...— «Я не больна;
 «Ахъ, няня, няня, я тоскую, Я... знаешь, няня... влюблена.»
 Мнѣ тошно, милая моя: — Дитя мое, Господь съ тобою!
 Я плакать, я рыдать готова!..» И няня дѣвучку съ мольбой
 — Дитя мое, ты нездорова; Крестила дряхлую рукой.
 Господь помилуй и спаси!

На третьемъ рисункѣ читатель видитъ одну изъ капиталь-
 ныхъ сценъ романа—объясненіе Овѣгина съ Татьяной, въ саду.

XI. Себя на судъ вамъ отдаю.
 Но, получивъ посланье Таши, XIII.
 Овѣгинъ живо тронуть быль: «Когда-бы жизнь домашнимъ
 Языкъ дѣвическихъ мечтаній кругомъ
 Въ немъ думы родемъ возмутилъ; Я ограничить захотѣлъ;
 И вспомнилъ онъ Татьяны милой Когда-бъ мнѣ быть отцомъ,
 И блѣдный цвѣтъ, и видъ уны- супругомъ
 лый— Приятный жребій повелѣлъ;
 И въ сладостный, безгрѣшный Когда-бъ семейственной кар-
 сонъ тинной
 Душою погрузился онъ. Плънился я хоть мигъ единый—
 Быть- можетъ, чувствій пылъ То вѣрно-бъ кромѣ васъ одной
 старинный Невѣсты не искалъ иной.
 Имъ на минуту овладѣлъ; Скажу безъ блеснокъ мадриаль-
 Но обмануть онъ не хотѣлъ ныхъ;
 Довѣрчивость души невинной. Нашедъ мой прежній идеаль,
 Теперь мы въ садъ перелетимъ, Я вѣрно-бъ васъ одну избралъ
 Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ. Въ подруги дней моихъ печалъ-
 ныхъ;

XII. Всего прекраснаго въ залогъ,
 Минуты двѣ они молчали, Я былъ бы счастливъ... сколько
 Но къ ней Овѣгинъ подошелъ могли!
 И молилъ: «Вы ко мнѣ писали,
 Не отпирайтесь. Я прочелъ
 Души довѣрчивой признанья,
 Любви невинной излиянья;
 Мнѣ ваша искренность мила;
 Она въ волненьи привела
 Давно умолкнувшій чувства;
 Но васъ хвалить я не хочу;
 Я за нее вамъ отплачу
 Признаньемъ также безъ искус-
 ства; Супружество намъ будетъ мукой.
 Примите исповѣдь мою,— Я, сколько ни любилъ бы васъ,
 Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;

XIV.
 «Но я не созданъ для бла-
 женства:
 Ему чужда душа моя;
 Напрасны ваши совершенство—
 Ихъ вовсе недостойнъ я.
 Повѣрьте (совѣсть въ томъ по-
 рукой),
 Супружество намъ будетъ мукой.
 Я, сколько ни любилъ бы васъ,
 Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;

Начнете плакать—ваши слезы Онъ подаль руку ей. Печально
 Не тронуть сердца моего, (Какъ говорится, машинально)
 А будутъ лишь бѣсить его. Татьяна молча оперлася;
 Судите-жъ вы, какія розы Головкой томною склоняся.
 Намъ заготовить Гименей Пошла домой вокругъ огорода;
 И, можетъ-быть, на много дней!» Явились вмѣстѣ, и никто
 XV. Не вздумалъ имъ пенять на то:

Такъ проповѣдовалъ Евгений. Имѣть сельская свобода
 Свѣозъ слезъ не вида ничего, Свои счастливыя права,
 Едва дыша, безъ возраженій— Какъ и надменная Москва.
 Татьяна слушала его.

Въ этомъ же году Пушкинымъ написана и повѣсть «Ба-
 рышня-крестьянка».

Повѣсть представляетъ помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія.

Молоденькая дочь помѣщика Муромскаго, Лиза, или Бетси, какъ зоветъ ее отецъ-англомакъ, случайно встрѣчается въ лѣсу съ сосѣдомъ-помѣщикомъ, Алексѣемъ Берестовымъ. Она его мило дурачитъ, представляясь деревенской дѣвучкой Акулиной. Они встрѣчаются въ лѣсу—она съ кузовочкомъ въ рукахъ и въ крестьянскомъ платьѣ; онъ—съ ружьемъ за плечами (рис. на стр. 63); тутъ завязывается между ними знакомство, которое переходитъ затѣмъ въ любовь, и все кончается свадьбой.

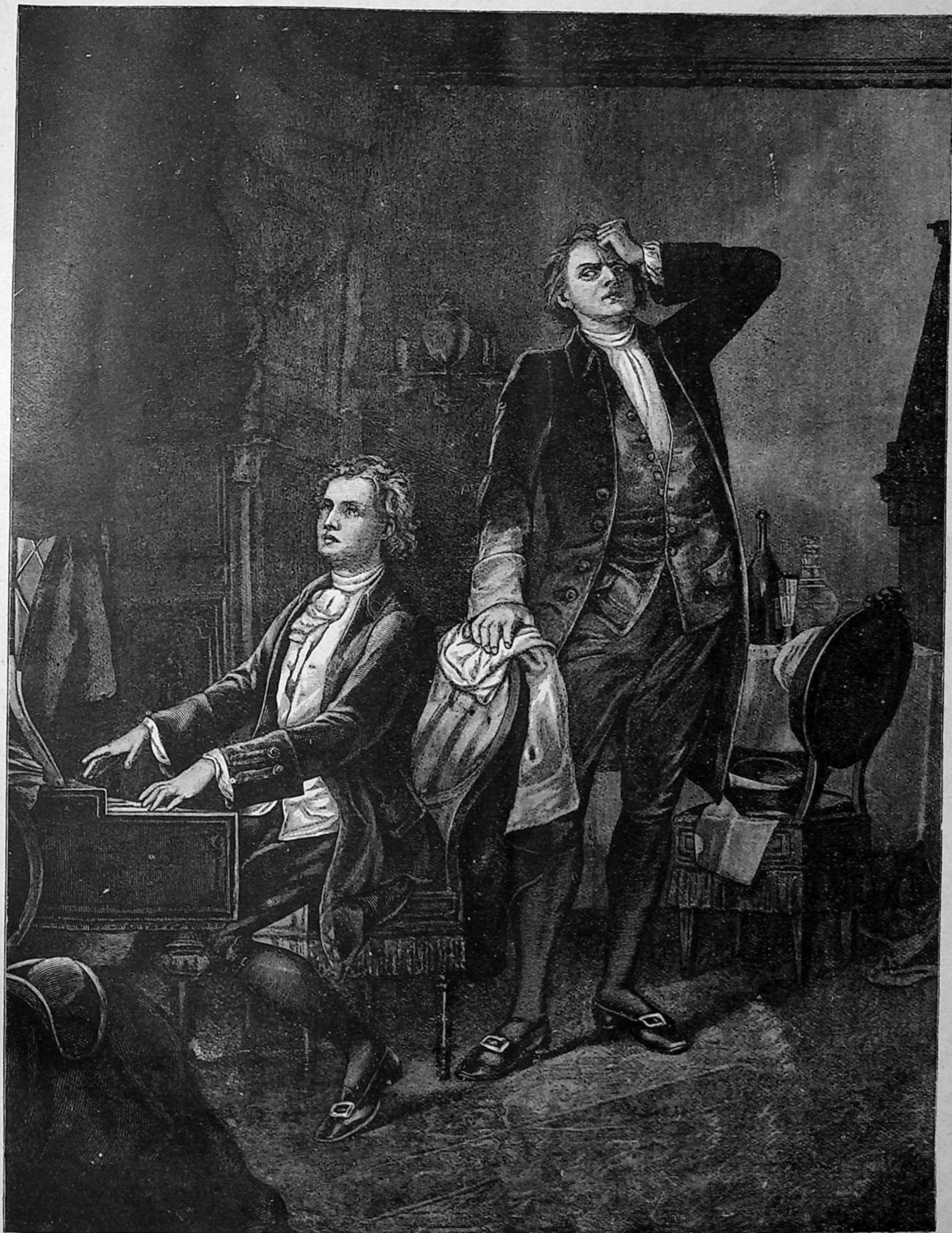
Видался, почти ежедневно, съ Жуковскимъ въ 1831 г., Пушкинъ вступилъ съ нимъ, нѣкоторымъ образомъ, въ соперничество на поприщѣ обработки русскихъ народныхъ сказокъ, и въ 1831 г. написалъ сказку «О царѣ Салтанѣ», сюжетъ которой занималъ его гораздо раньше, въ Кишиневѣ, и на этотъ разъ онъ побѣдилъ своего учителя яркостью и жизненностью своихъ образовъ (рис. на стр. 63 и 64).

«Мы обѣхали весь свѣтъ— Море вздуется бурливо,
 За моремъ житье не худо; Закипитъ, подыметъ вой,
 Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо: Хлынетъ на берегъ пустой,
 Островъ на морѣ лежитъ, Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
 Градъ на островѣ стоитъ, И останутся на бреѣ
 Каждый день идти тамъ диво: Тридцать три богатыря,

„Станціонный смотритель“.

Ориг. рис. Р. Штеина, по грав. Ольшевскаго автотипий «Нивы».

„Моцартъ и Салъери“. Съ картины В. Крюкова грав. Голвинскій.

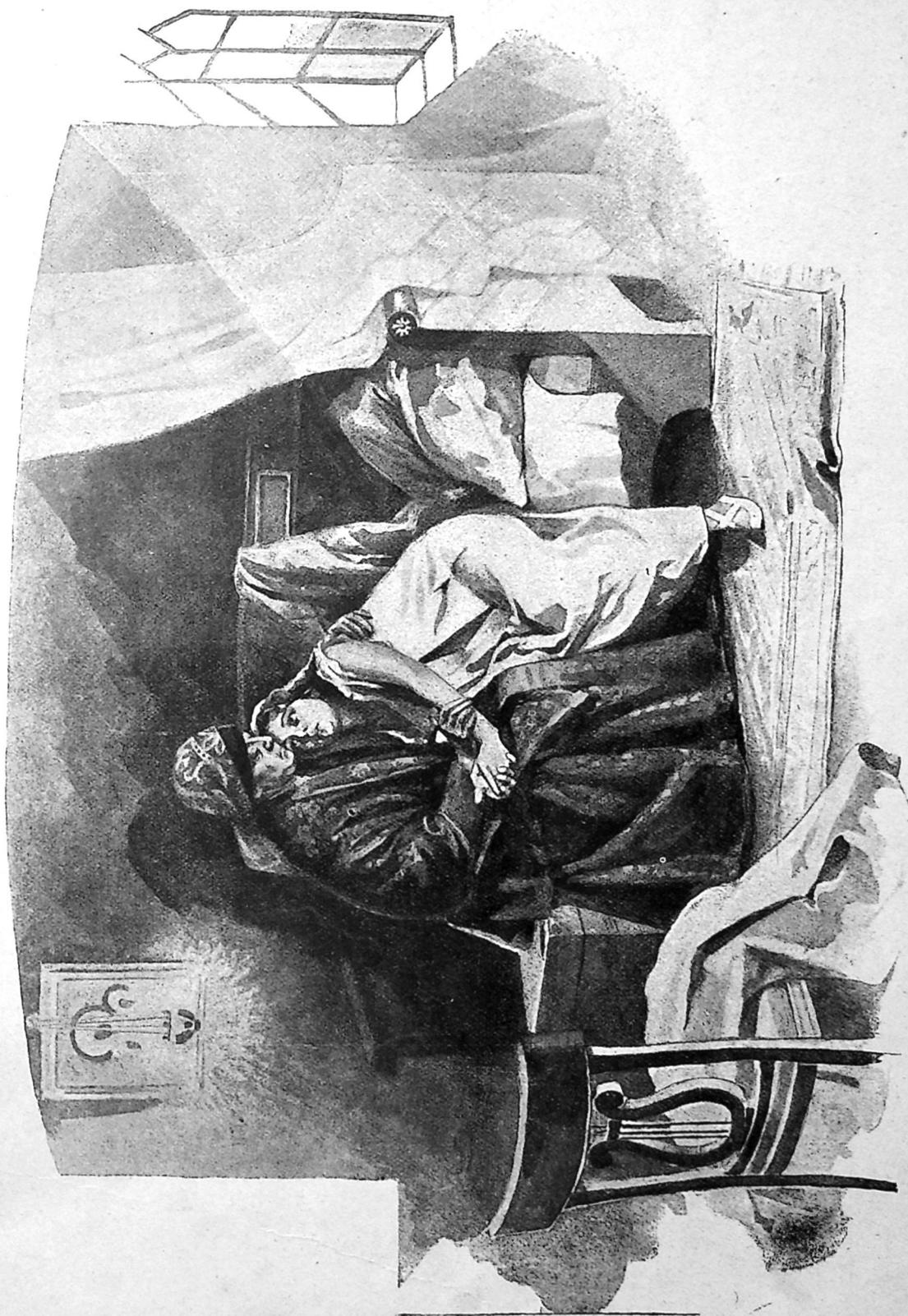
„Евгеній Онѣгинъ“. Онѣгинъ за туалетомъ. Ориг. рис. Е. П. Самокишъ-Судковской, автотипія «Нивы».

Въ чешуѣ златой горя,
 Всѣ—красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны, какъ на подборѣ;
 Старый дядька Черноморъ
 Съ ними изъ моря выходитъ

И попарно ихъ выводить,
 Чтобы островъ тотъ хранить
 И дозоромъ обходить:
 И той стражи нѣтъ надежнѣй,
 Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
 А сидитъ тамъ князь Гвидонъ:

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.»
 Царь Салтанъ дивится чуду:
 «Если живъ я только буду,
 Чудный островъ навѣщу
 И у князя погощу.»
 Повариха и ткачиха

Ни-гугу—но Бабариха,
 Усмѣхнувшись, говоритъ:
 «Кто насъ этимъ удивитъ?
 Люди изъ моря выходятъ
 И себѣ дозоромъ бродятъ!
 Правду-ль баюютъ или лгутъ.»

„Евгеній Онѣгинъ“. Татьяна и няня. Ориг. рис. Е. П. Самонишь-Судковской, авторгипса «Нивы».

Дива я не вижу тутъ.
 Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
 Вотъ идетъ молва правдива:
 За моремъ царевна есть,
 Что не можно глазъ отвесть—
 Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
 Ночью землю освѣщаетъ.

Мѣсяцъ подь косою блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 А сама-то величава,
 Выплываетъ, будто пава;
 А какъ рѣчь-то говорить,
 Словно рѣченька журчитъ.
 Молвить можно справедливо,

Это диво, такъ ужъ диво.»
 Гости умно молчатъ:
 Спорить съ бабой не хотять.
 Чуду царь Салтанъ дивится.
 А царевичъ хоть и злится,
 Но жалѣетъ онъ очей
 Старой бабушки своей.

Онъ надъ ней жужжитъ,
 кружится—
 Прямо на носъ къ ней садится,
 Носъ ужалилъ богатырь,—
 На носу вскочилъ волдырь.
 И опять пошла тревога:
 «Помогите, ради Бога!

Е. С. Соловьевъ. Боровскан

„Евгеній Онѣгинъ“. Татьяна и Онѣгинъ. О

рис. Е. П. Самокишъ-Судновской, автогипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Караул! лови, лови,
Да дави его, дави..
Вот уж! пожди немножко.
Погоди!.. А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣль
Через море полетѣлъ.

Князь у сина моря ходитъ,
Съ сина моря глазъ не сводитъ:
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой
прекрасный!

Что-жъ ты тихъ, какъ день
ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ—

Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу.»
«А кого же на примѣтъ
Ты имѣешь?»—«Да на свѣтъ.
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть;

„Бѣсы“: Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Пудъ.

Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, точно пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченка журчитъ.
Только, полно, правда-ль это?»
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена—не рукавица:

Съ бѣлой ручки не страхнешь,
Да за поясъ не затянешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяйся-бъ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться.
Хоть за тридѣять земель,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель.

„Барышня-крестьянка“. Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Флюгелс автотипия «Нивы».

Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко, Мѣсяцъ подъ косою блещитъ.
Молвила: «зачѣмъ далеко? А во лбу звѣзда горитъ,
Знай, близка судьба твоя, А сама-то величава,
Вѣдь царевна эта—я.» Выступаетъ, будто пава;
Тутъ она, взмахнувъ крылами, А какъ рѣчь-то говоритъ,
Полетѣла надъ волнами, Словно рѣченка журчитъ.
И на берегъ съ высоты Князь царевну обвиняетъ,
Опустилася въ кусты, Къ бѣлой груди прижимаетъ,
Встрепенулася, отряхнула И ведетъ ее скорѣй
И царевной обернулась: Къ милой матушкѣ своей.

*

«Никто изъ русскихъ поэтовъ,—говоритъ Бѣлинскій,—не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ сыскивать живой водой своей творческой фантазій матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ, какъ Пушкинъ. Прочтите его «Бѣсовъ» (стр. 62), и вы увидите, какой очаровательный мѣръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ...»

Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна
Невидимкою луна Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Освѣщаетъ снѣгъ летучій; Мутно небо, ночь мутна.
Мутно небо, ночь мутна. Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Бѣду, бѣду въ чистомъ полѣ; Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Колокольчикъ день-день-день... Кони стали...—Что тамъ въ
Страшно, страшно поневолѣ полѣ?—
Средь невѣдомыхъ равнинъ! «Кто ихъ знаетъ: пеня, вѣдь волкъ?»
— Эй, пошелъ, ямщикъ!...— Вьюга злится, вьюга плачетъ;
«Нѣтъ мочи: Кони чуткѣ храпятъ;
«Нѣтъ мочи: Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Копьямъ, баринъ, тяжело; Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Вьюга мнѣ слипаєтъ очи; Вонъ снова понеслися;
Всѣ дороги занесло; Колокольчикъ день-день-динь...
Хоть убей, слѣда не видно; Вижу—духи собралися
Сбились мы. Что дѣлать намъ? Средь бѣгущихъ равнинъ.
Въ полѣ бѣсы насъ водить, видно, Безконечны, безобразны,
Да кружить по сторонамъ. Въ мутной мѣсяца игрѣ
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ, Закружились бѣсы разны,
Дуетъ, шлепаетъ на меня; Будто листья въ ноябрь...
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаєтъ Одичалаго коня;
Одичалаго коня; Тамъ верстою небывалой
Тамъ торчалъ передо мной; Домового ли хоронять,
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой Вѣдмунъ-ль замужъ выдають?
И пропалъ во тьмѣ пустой.» Мчатся тучи, вьются тучи;
Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна

Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роємъ

Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воємъ
Надрывая сердце мнѣ.

1832.

Лѣтомъ 1832 г. Пушкинъ, будучи въ Москвѣ, услышалъ отъ Нащокина разсказъ о ибкомѣ Островскомъ, который, вслѣдствіе притѣсеній своего богатаго помѣщика-сосѣда, лишился имѣнія и сдѣлался «врагомъ общества»; поэту сейчасъ же пришла идея сдѣлать изъ этого разсказа романъ, которымъ, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ и занялся съ увлеченіемъ. Черезъ три съ половиною мѣсяца романъ былъ оконченъ; приближаясь къ развязкѣ, Пушкинъ почувствовалъ недовольство своимъ произведеніемъ, и, заключивъ его наскоро набросанными, двумя эффектными сценами, оставилъ въ рукописи, даже не переписаннымъ. «Пушкинъ былъ правъ и въ своемъ увлеченіи, и въ своемъ разочарованіи,—говоритъ проф. Кирпичниковъ:—«по замыслу, «Дубровскій» одно изъ величайшихъ его произведеній, начинающее новую эпоху въ литературѣ; по формѣ, въ какую отлилась идея—это разбойничій романъ. То обстоятельство, что этотъ романъ, съ поглощающимъ интересомъ читается еще и теперь, несмотря на свои недостатки, показываетъ, что Пушкинъ былъ истиннымъ художникомъ и въ слабыхъ своихъ наброскахъ».

Вотъ сцена дикой помѣщичьей забавы добраго стараго времени.

«Проголодавшася медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно повичка къ дверямъ этой комнаты, печально вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустыннокомъ. Вѣдмый гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять, прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился

„Сказна о царѣ Салтанѣ“. Превращеніе лебедя въ царевну. Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Шюллера автотипія «Нивы».

„Сказка о царь Салтанѣ“, Черноморъ и богатыри. Ориг. рис. А. Чикина. грав. Шюблеръ.

Вась навѣститъ. Утѣшься, не крушися.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходъ.) Ухъ, конечно! Душъ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. (Уходитъ. Она остается неподвижною.)

Мельникъ (входитъ): Не угодно-ль будетъ
Пожаловать на мель... Да гдѣ же онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какал
Повязка! Вся въ камняхъ дорогахъ!
Такъ и горитъ! И бусы!.. Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!
А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги-ль?
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашель?

Дочь: Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила...
Или онъ звѣрь. Иль сердце у него
Косматое?

Мельникъ: О комъ ты говоришь?
Дочь: Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

Мельникъ: Что съ тобою?
Дочь: Родимый, онъ уѣхал! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по-локотъ; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

Днѣпровское дно.

Теремъ русалокъ. Русалки прыдутъ около своей царичи.

Старшая русалка: Оставьте прыжу, сестры. Солнце сѣло,
Столбомъ луна блесгитъ надъ нами. Полно!
Плавите вверхъ, подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разказами о рыбакахъ.

(Входитъ русалочка.)

Гдѣ ты была?

Дочь: На землю выходила
Я къ дѣду. Онъ вечеръ меня просилъ
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала:
А что такое деньги—я не знаю.
Однакоже я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка: Безумный скряга!
Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ:
Онъ—твой отецъ.

Дочь: Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

Русалка: Онъ самъ. Къ нему нѣжище приласкайся
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рождение, также
И про меня. И если спроситъ онъ:
Забыла-ль я его иль нѣтъ—скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь: О! поняла.
Русалка: Ступай же. (Одна.) Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинахъ Днѣпра рѣки очулась
Русалкою холодною и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ-долгихъ лѣтъ:
Я каждый день о мщеніи помышляю—
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

Настоящимъ героемъ поэмы «Мѣднѣй всадникъ», является
не Евгений, а Петербургъ. Начинается она грандіозной кар-
тиной, изображающей Петра, задумавшаго основать новую
столицу, и продолжается описаніемъ этой столицы въ совре-
менномъ Пушкинѣ состояніи.

Красуей, градъ Петровъ, и Да умирится же съ тобой
Неколебимо, какъ Россія! стой И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣвъ старинный свой

Пусть волны финскія забудутъ. Объ ней свѣжо воспоминанье...
И тиетной злобою не будутъ. Объ ней, друзья мои, для васъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра! Начну свое повѣствованье.
Была ужасная пора: Печалень будетъ мой разсказъ...

Эти полные «высокой и мощной поэзіи» стихи служатъ
введеніемъ къ разсказу, основанному на истинномъ происше-
ствіи и дающему описаніе страшнаго наводненія, постигнаго
Петербургу въ 1824 г. (рис. на стр. 70). Съ исторіей наводне-
нія Пушкинъ тѣсно слилъ исторію любви. «Картина наводне-
нія,—говоритъ Бѣлинскій,—написана у Пушкина красками,
которыя цѣною жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго
вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму
«Потопъ». Тутъ не знаешь, чему больше дивиться,—громдой
ли грандіозности описанія, или его почти прозаической просто-
тѣ, что вмѣстѣ взятое доходитъ до высочайшей поэзіи.»

Погода пуще свирѣѣла: Садки подъ мокрой пеленой,
Нева вздувалась и ревѣла, Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Котломъ клокоча и клубясь,— Товаръ запасливой торговли,
И вдругъ, какъ звѣрь остервенился, Пожитки блѣдной шипеты,
На городъ кинулась. Предъ нею Грозой снесенные мосты,
Все побѣжало, все вокругъ Гроба съ размытаго кладбища
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ Плавутъ по улицамъ!
Втекли въ подземные подвалы; Народъ
Къ рѣшеткамъ хлынули кана- Зрѣть Божій гнѣвъ и казни ждети.
лы,— Увы! все гибнетъ: кровь и пища.

И всплылъ Петрополь, какъ Гдѣ будетъ жить?
Тритонъ, Въ тотъ грозный годъ
По поясъ въ воду погруженъ. Покойный царь еще Россіей
Со славою правилъ. На балконъ
Осада! приступъ! Злая волна, И печалень, смутень вышель онъ
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой; Царямъ не совладать»...

*

Кто не знаетъ прелестной сказки «О мертвой царевнѣ и
семи богатыряхъ»? Повѣсть о томъ, какъ злая мачиха, во
что бы то ни стало, хотѣла избавиться отъ своей красавицы-
падчерицы, и, изводя ее всеми способами, прислала ей, нако-
нецъ, отравленное яблоко. Женихъ царевны, Елисей, находитъ
свою невѣсту мертвой въ стеклянномъ гробѣ и своимъ поцѣ-
луемъ оживляетъ ее (рис. на стр. 71):

Вотъ идетъ: и поднялась Изумленными глазами,
Передъ нимъ гора крутая; И, качаясь надъ цѣпями,
Вкругъ нея страна пустая; Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ же долго я спала!»
Передъ горою темный входъ. И встаетъ она изъ гроба...
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной, «Ахъ!..» и зарыдали оба.
Гробъ качается хрустальный, Въ руки онъ ее беретъ
И въ хрустальномъ гробѣ томъ И, на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
Спитъ царевна мертвымъ сномъ. И, бесѣдуя приятно,
И о гробѣ невѣсты милой, Въ путь пускается обратно,
Онъ ударился всей силой. И трубитъ уже молва:
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ Дочка царская жива!
Ожила. Глядитъ вокругъ

*

Въ основу своей сказки о «Золотомъ пѣтушкѣ» Пушкинъ
взялъ извѣстную народную сказку, опозитивировавъ ее своимъ
стихомъ и колоритомъ (рис. на стр. 73 и 74).

Годъ, другой проходитъ мирно, Безъ шоломовъ и безъ латы
Пѣтушекъ сидитъ все смирно. Оба мертвые лежатъ.
Вотъ однажды царь Додонъ Мечъ вознивши другъ во друга.
Страшнымъ шумомъ пробужденъ: Вродятъ кони ихъ средь луга
«Царь ты нашъ! отецъ народа! По притоптанной травѣ,
Возглашаетъ воевода: По кровавой муравѣ...
Государь! проснись! бѣда!» Царь завывъ: «охъ, дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! поцаленъ въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла.
Вѣвъ завывли за Додономъ:
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долины, и сердце горь
Потряслось. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица.

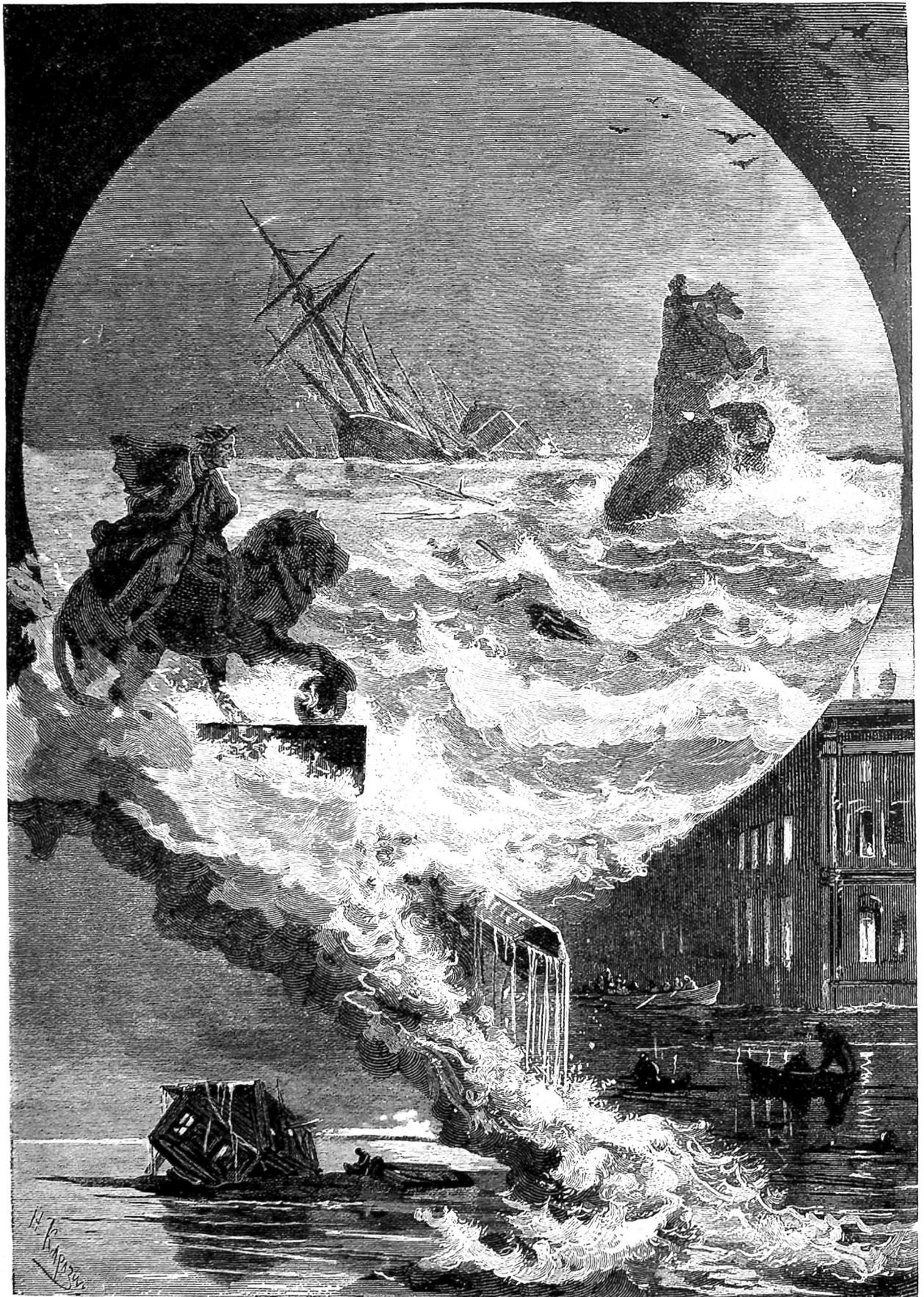
Войско въ горы царь приводитъ, Шамаханская царица.
И промежъ высокихъ горъ, Вся сия, какъ заря,
Видитъ шелковый шатеръ. Тихо встрѣтила царя.
Все въ безмолвіи чудесномъ. Какъ предъ солнцемъ птица почив.
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣс- Царь умолокъ, ей гляди въ очу.
номъ И забылъ онъ предъ ней
Рать побитая лежитъ. Смерть обоихъ сыновей.
Царь Додонъ къ шатру спѣ- И она передъ Додономъ
нитъ... Улыбнулась,—и съ поклономъ
Что за страшная картина! Его за руку взяла
Передъ нимъ его два сына И въ шатеръ свой увела.

„Русалка“. Свиданіе князя съ дочерью мельника. Ориг. рис. В. Васнецова, грав. Куренковъ.

„Русалка“. Днѣпровское дно. Русалка и ея дочь. Ориг. рис. И. Волкова, грав. Флогель.

„Мѣдный всадникъ“. Ориг. рис. Н. Н. Карзина, грав. Рашевскій.

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“. Встрѣча царя Додона съ колдуномъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флогель.

„Сказка о золотом петушке“. Царь Додонь и Шамаханская царица.
Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Шюблера авт. «Нивы».

нихъ былъ старый чухачъ, другой — русскій крестьянинъ, сильный в здоровый малый лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, и сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставившій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: «Воры и бунтовщики». Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлка долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу» (рис. на стр. 76—77).

2) Гриневъ у Пугачева.

Пугачевъ сѣдѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочасъ. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его сотоварищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляда. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла.

— А, ваше благородіе! — сказалъ онъ мнѣ съ живостью: — какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ привнесъ?

Я отиѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу и что люди его меня остановили.

— А по какому дѣлу? — спросилъ онъ меня.

Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Все послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста.

— Говори смѣло при нихъ, — сказалъ мнѣ Пугачевъ: — отъ нихъ я ничего не таю.

Я взглянулъ наискось на паперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичокъ съ сѣдою борокою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста,

породистъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ поздрей и красноватая пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе невзяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый каираль Бѣлобородовъ; второй — Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ (рис. на стр. 78).

3) Марья Ивановна и Екатерина II.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устранила ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сѣдѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно объяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой:

— Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, ушла къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и подѣловала. Государыня разговорилась съ нею. (Рис. на стр. 78).

— Знаю, что вы не богаты, — сказала она: — но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.

Обласкавъ бѣдную споту, — государыня ее отпустила.

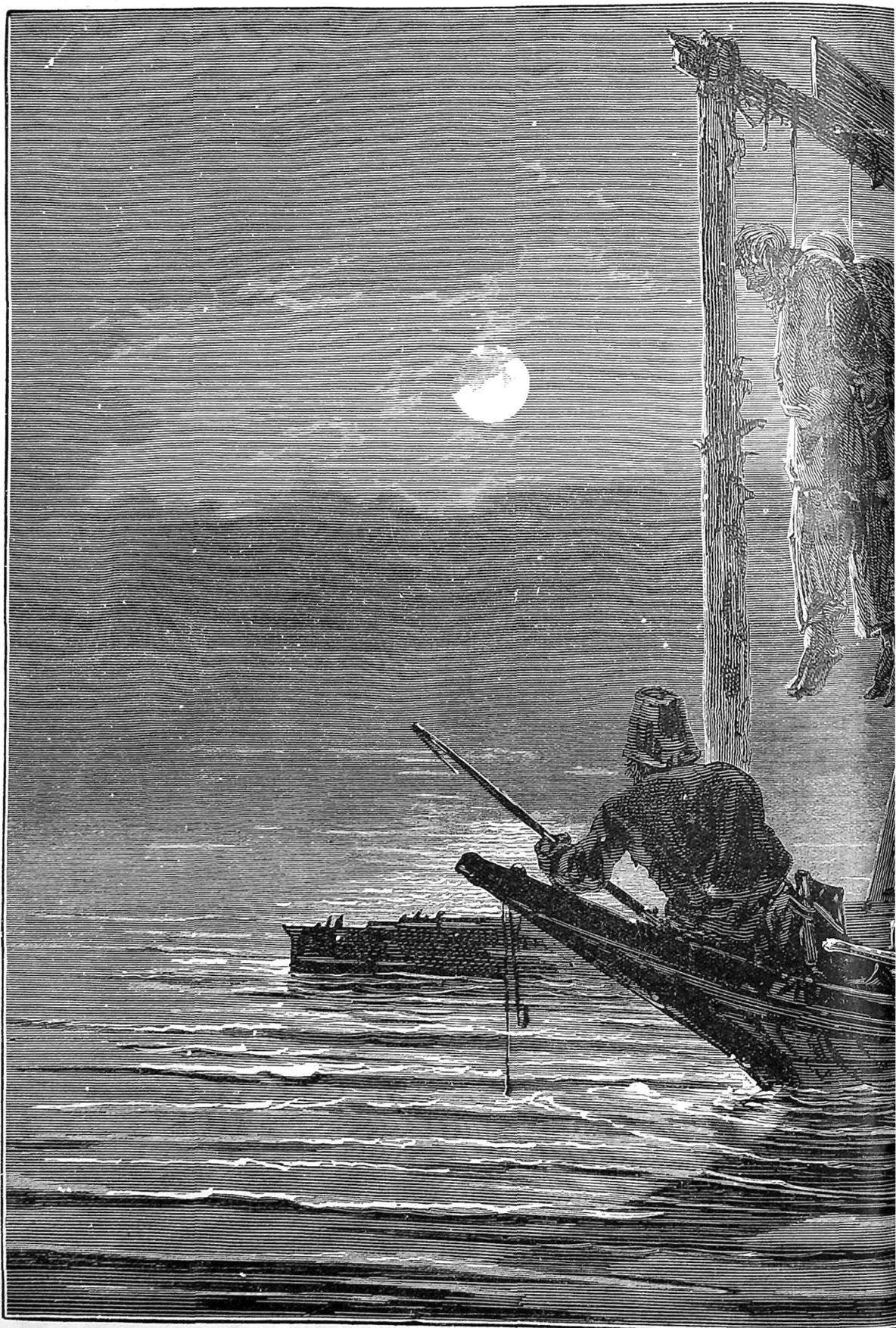
Вспомнивъ жизнь Пушкина и давъ обзоръ его произведеній, мы въ слѣдующей, заключительной статьѣ постараемся высказать общее его значеніе.

„Анджело“. Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Ольшевскаго автотипія «Нивы».

„Египетскія ночи“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

„Капитанская дочка“. Гриневъ встрѣчаетъ на Волгѣ

плоть съ вистлицей. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Рашевскій.

«Капитанская дочка». Встрѣча Гринева съ Пугачевымъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Барановскаго автогипса «Нивы».

Значеніе Пушкина.

Три писателя, изъ которыхъ каждый составляетъ гордость и славу русской литературы, старались опредѣлить значеніе Пушкина.

Одинъ изъ нихъ, Гоголь, сказалъ: «Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое самъ поэтъ, и ничего больше,— что такое поэтъ, взятый не подъ влияніемъ какого-нибудь времени или обстоятельствъ, и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего». Другой писатель, Тургеневъ, заявилъ: «Пушкинъ былъ центральнѣйшій художникъ, человѣкъ, близко стоящій къ самому средоточію русской жизни». Наконецъ третій, Достоевскій, провозгласилъ, что въ появленіи Пушкина «заключается для всѣхъ насъ, русскихъ, нечто безспорно пророческое». Пушкинъ рисовался Достоевскому, какъ великій «русскій скиталецъ», которому необходимо всемірное счастье, чтобы успокоиться, который первый отразилъ въ себѣ одну изъ главныхъ нашихъ національныхъ чертъ—стремленіе быть всечеловѣкомъ, жить общою жизнью всего міра, внести примиреніе въ европейскія противорѣчія, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ.

Вотъ три оцѣнки значенія Пушкина.

Пушкинъ былъ «поэтъ и больше ничего». Можно ли высказать большую похвалу? Вѣдь быть поэтомъ въ истинномъ значеніи этого слова значитъ олицетворять собою высшую правду, достижимую человѣку, мыслителю, гражданину, значить забыть о себѣ и жить только для этой правды, т.-е. стремиться къ красотѣ и истинѣ.

Пушкинъ былъ человѣкъ, близко стоящій къ самому «средоточію русской жизни». Это простое на видъ слово составляетъ также верхъ похвалы, которую можно сказать о писателѣ. Оно означаетъ, что никто не понималъ такъ глубоко, какъ Пушкинъ, русскую жизнь, ибо о комъ же можно ска-

зать, что онъ близко стоялъ къ самому «средоточію» ея? Русскую жизнь изучали и изучаютъ многіе проникательные и талаптливые люди, но по большей части даже самые выдающіеся изъ нихъ отмѣтили и выяснили только одну или пѣскольку ея сторонъ, а приблизиться къ ея средоточію—никому еще не удалось.

Пушкинъ былъ «всечеловѣкъ». Онъ понималъ высшія проявленія человѣческой души, онъ не только жилъ жизнью своего народа, но въ этой жизни уразумѣлъ общечеловѣческую тоску и предначерталъ тотъ путь, на который вступитъ Россія сама и который она укажетъ остальнымъ народамъ.

Прибавимъ къ этому, что такіе выдающіеся писатели, какъ Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, единодушно признавали Пушкина своимъ руководителемъ, которому они старались только подражать, какъ робкіе ученики подражаютъ великому учителю.

Приведенные нами отзывы и самый фактъ признанія лучшими нашими писателями Пушкина недосягаемымъ образомъ уже вполне устанавливаютъ его громадное значеніе въ жизни и литературѣ. Въ виду этихъ отзывовъ и этого факта можетъ показаться страннымъ и даже непонятнымъ, что были полосы въ нашемъ прошломъ, когда великое значеніе Пушкина меркло, когда не тотъ или другой критикъ, а какъ бы все общество временно забывало о Пушкинѣ. Явленіе это, повторяемъ, могло бы казаться непонятнымъ, если бы мы не знали, что и солнце для насъ иногда меркнетъ, застилаясь густымъ слоємъ тучъ... Но тучи разсѣиваются, въ нихъ образуются просвѣты, и солнце опять торжествуетъ, обдавая землю и все, на ней живущее, потоками свѣта и тепла. Это повторилось и съ Пушкинымъ: мы забывали о немъ, но постоянно къ нему возвращались, и наступившая столѣтняя годовщина его рожденія составляетъ опять въ нашей жизни одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ, радостныхъ, яркихъ солнечныхъ дней, когда всѣ мы, какъ бы различны ни были наши чувства и возрѣнія, сливаемся въ общемъ сознаніи того, чѣмъ былъ для насъ Пушкинъ и чѣмъ онъ для насъ всегда останется...

«Капитанская дочка». Марья Ивановна у императрицы.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Неймана автогипса «Нивы».

Не блестящим метеором пронесся онъ по небосклону русской поэзии. Итъ, его зарождение можно прослѣдить по творениямъ его предшественниковъ. Не будь Каптемира, Ломоносова, Фонвизина, Державина, какъ замѣтилъ еще Бѣликинъ, не было бы и Пушкина. Онъ самъ это понималъ лучше кого бы то ни было и съ страстнымъ вниманіемъ изучалъ произведенія своихъ предшественниковъ, усваивая себѣ то, что было въ нихъ лучшаго. Ни одинъ критикъ не оцѣнилъ ихъ такъ вѣрно, такъ глубоко, такъ всесторонне, какъ Пушкинъ, и не только своими отзывами о нихъ, но и собственными своими произведениями, которыя составляютъ удивительный по красотѣ и силѣ синтезъ всей русской поэзии прошлаго вѣка. Родившись въ концѣ XVIII-го вѣка, онъ усвоилъ себѣ его духъ, его содержаніе, претворилъ ихъ въ свое гениальное умѣ, и на этой исторической почвѣ воздвигъ зданіе собственной поэзии. Никто лучше его не понималъ прошлаго нашей родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ понять самого Пушкина можетъ только тотъ, кто знаетъ ея прошлое, кто вдумчиво къ нему относится, какъ нельзя понять современную русскую жизнь, не вдумавшись въ прошлое нашего отечества. Для оцѣнки значенія Пушкина нельзя брать ту или другую критическую, философскую или эстетическую теорію, все эти, такъ называемыя, послѣднія слова мимолетной науки или философіи, надо занять другую точку зрѣнія, — историческую, потому что самъ Пушкинъ — одно изъ великихъ созданій нашей исторической жизни.

Пушкинская муза глубоко коренится въ прошломъ нашей исторіи и литературы и, только питаясь соками нашей народной жизни, она могла превратиться въ могучее, вѣтвистое, широко раскинувшееся дерево. Отъ ствола этого дерева пошли многочисленныя побѣги, сами превратившіяся постепенно въ мощныя вѣтви, изъ которыхъ каждая по силѣ и величинѣ равняется доброму дереву. Мы все знаемъ эти вѣтви. Это — Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, Полонскій, Майковъ, Фетъ, Толстой. Пушкинъ своими произведениями намѣтилъ тѣ пути, по которымъ пошла вся дальнѣйшая русская литература. Итъ въ ней теченія, которое не было бы ясно указано или намѣчено Пушкинымъ.

Современная русская литература съ самаго начала представляетъ два широкихъ русла, которые можно назвать литературою обличительною и литературою патріотическою: первая съ поразительною глубиною анализа разоблачала несовершенство нашего общества, вторая вдохновенно вѣрила въ могущество и силу Россіи. Это — дѣти одной и той же матери: глубокой любви къ родинѣ. Кантемиръ и Ломоносовъ, Фонвизинъ и Державинъ, — главные представители этихъ двухъ теченій въ прошломъ вѣкѣ. Въ началѣ нынѣшняго они сливаются въ Пушкинъ, въ которомъ патріотическая потоа звучитъ такъ же сильно, какъ и обличительная. Авторъ «Бородина» и «Клеветникамъ Россіи» — въ то же время и авторъ «Евгенія Онегина», и намъ трудно опредѣлить, въ чемъ сила Пушкина проявилась ярче, — въ произведеніяхъ ли, въ которыхъ выражено сознание вѣшняго могущества и внутренней силы Россіи, или въ тѣхъ, въ которыхъ онъ раскрываетъ язвы нашего общества.

Послѣ Пушкина ни одинъ писатель уже не занялъ того центрального положенія въ нашей литературѣ, какое занялъ Пушкинъ. Въ немъ два широкихъ теченія слились; послѣ него они опять разъединились, образуя много рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ. Глубокая вѣра въ могущество и силу Россіи имѣла своихъ глашатаевъ; изученіе русской дѣйствительности со всеми ея несовершенствами также нашло своихъ знаменитыхъ представителей. Патріотическая и обличительная литература приняла новую форму славянофильской и западной, по сущности осталась та же. Если никто не далъ болѣе яркаго, полнаго и художественнаго выраженія чувствамъ, воодушевлявшимъ славянофиловъ, то никто не превзошелъ Пушкина и въ глубинѣ анализа современной ему русской жизни. Кому принадлежатъ стихи:

Сильна ли Русь? — Война и морь,
И бунтъ, и вѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснующе, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она,
А вокругъ нея волненія пали.

А кому принадлежатъ слѣдующіе стихи:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди вѣтвистыхъ нивъ и горъ
Другъ челоуѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца...

У кого вырвался изъ глубины души вѣщій слова:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по маю царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Если Пушкинъ изучилъ прошлое Россіи, если онъ вынесъ изъ этого изученія глубокую вѣру въ ея могущество и силу, то онъ съ другой стороны необычайно ясно видѣлъ ея несовершенство и съ страстнымъ вниманіемъ изучалъ ихъ, оставивъ намъ такую яркую картину внутренней несостоятельности даже самыхъ образованныхъ русскихъ людей, каковыя его «Онегинъ»...

Онегинъ! Сколько мыслей, и чувствъ слились для русскаго челоуѣка въ этомъ названіи. Вѣдь Онегинъ, — тотъ романъ въ стихахъ — первоисточникъ всей современной русской беллетристики — властительница нашихъ думъ въ лицѣ Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Толстого. Пушкинъ своимъ «Онегинымъ» положилъ краеугольный камень тому зданію, которое своею красотой, челоуѣчностью, глубиною анализа, высокою нравственностью изучаетъ теперь весь цивилизованный міръ. Достоевскій говоритъ о «великомъ скитальцѣ» Пушкинѣ, какъ о пророческомъ явленіи нашей общенародной жизни. Русская душа въ своихъ скитаніяхъ ищетъ правды: правды общественной, правды народной, правды обще-челоуѣческой. И это скитаніе русской души выразилось въ Пушкинѣ съ изумительною силою...

И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ.

Это говоритъ Пушкинъ о своемъ «Онегинѣ». Но, Боже мой, какъ на самомъ дѣлѣ онъ ясно уже различалъ сквозь магическій кристаллъ своей фантазіи безконечную даль и ширь русскаго романа! И если онъ, какъ сынъ прошлаго вѣка, умѣлъ объединить въ себѣ самые яркіе лучи ломоносовскаго и державинскаго поэзіи на ряду съ самыми яркими лучами творчества Каптемира и Фонвизина, то онъ съ другой стороны собралъ все эти лучи въ одинъ яркій свѣточъ. Мотивы гениальныхъ произведеній Гоголя были непосредственно задуманы самимъ Пушкинымъ. Кто не усмотритъ въ Адуевыхъ, Обломовѣ, Райскомъ духовныхъ чадъ Онегина и Ленскаго? А тургеневскіе «лишніе люди», а князь Нехлюдовъ или Левинъ величайшаго современнаго русскаго писателя, Толстого? Кто можетъ, хотя бы на минуту, усомниться, что между всеми этими типами и Онегинымъ существуетъ прямая преемственная связь?

А образъ Татьяны? Понялъ ли кто-нибудь глубже русскую женщину, — скромную русскую женщину, душа которой жаждетъ самоотверженія и подвига? Возьмите Лизу или Елену Тургенева, или Вѣру Гончарова и спросите себя, — въ чемъ заключается ихъ нравственная красота, то неотразимое обаяніе, которымъ онѣ для насъ окружены? Развѣ Татьяна не ихъ первообразъ, развѣ въ душѣ Татьяны не кроется уже тотъ нестоимый запасъ добра, которое производитъ такое чарующее и душу возвышающее впечатлѣніе въ образахъ Лизы и Елены или Вѣры?

Русская литература во второй половинѣ текущаго столѣтія сосредоточила лучшія свои силы на общественномъ романѣ. Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой разрабатывали и разрабатываютъ именно этотъ родъ словесности, — а кто указалъ имъ путь, какъ не Пушкинъ, кто понималъ значеніе общественнаго романа глубже, чѣмъ онъ? Критики часто указываютъ на байронизмъ Пушкина. Но можно ли сильнѣе осмѣять именно байроновское направленіе, чѣмъ это сдѣлано Пушкинымъ въ его «Цыганахъ» и особенно въ его «Оне-

гнѣвъ? Алско, этотъ грозный обличитель общественныхъ золь, «для себя лишь хочетъ воли», но представителемъ истиннаго свободолюбія и общественной справедливости является не онъ, а старый цыганъ. Евгений Олѣгичъ предается міровой скорби, хандритъ, скучаетъ, не находитъ себѣ ни удовлетворяющей его умственной пищи, ни настоящаго дѣла. Но не онъ истинный герой романа, а безпритязательная, скромная Татьяна, которая вся отдается чувству нравственнаго долга и совершаетъ незамѣтный, но истинный подвигъ.

Вспомнимъ «Дубровскаго». Что такое этотъ романъ по существу своему, если не первообразъ въ русской литературѣ того безконечнаго ряда романовъ, повѣстей и очерковъ, въ которыхъ бичуется барскій произволъ, взяточничество, невозможность для личности отстоять законнымъ порядкомъ свои права. Скажемъ больше: если устранить форму, то мы въ «Дубровскомъ» видимъ первообразъ всѣхъ русскихъ беллетристическихъ произведеній, въ которыхъ изображается борьба личности съ окружающими ее общественными условіями, т. е. первообразъ соціального романа.

Всѣ остальные роды отечественной словесности также имѣютъ въ Пушкинѣ своего главнаго представителя. Русская поэзія, если бы не имѣла Пушкина, лишилась бы лучшей своей красоты. Мы не будемъ говорить о пушкинскомъ языкѣ. Онъ стоитъ до сихъ поръ такъ высоко, что можетъ считаться образцомъ силы, чистоты и художественности. «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ... Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Это сказалъ Тургеневъ. Но если русскій языкъ служилъ утѣшеніемъ и опорой лучшимъ русскимъ людямъ, если они почерпали въ немъ вѣру въ свѣтлое будущее и въ силу Россіи, то кому они этимъ больше обязаны, чѣмъ Пушкину? Не онъ создалъ русскій языкъ, но онъ уловилъ его духъ такъ, какъ никто, и, какъ никто, онъ далъ намъ почувствовать его силу и красоту. Къ самому Пушкину болѣе, чѣмъ къ кому-либо изъ русскихъ поэтовъ, мы можемъ приписать собственнаго его слова:

Его стиховъ пльнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Струны, звучащія на его лирѣ, такъ многообразны, что не знаемъ, какой стороны русской жизни или какихъ движеній человѣческой души онъ не затрагиваютъ. Его лирика не только достигла необычнаго совершенства по формѣ, — совершенства, остающагося до сихъ поръ недостижимымъ, но по содержанію своему охватила всю русскую жизнь со всѣми ея теченіями. Въ ней воплотились, какъ мы видѣли, и мощь Россіи, и скорбь ея; она раскрыла намъ съ необыкновенною полнотою душу русскаго человѣка, чуждающуюся всего чуждаго, лживаго, туманнаго, преданную общественной правдѣ. Сознаніе государственности звучитъ въ ней могучими аккордами. Пушкинъ, какъ никто, сознавалъ великое историческое значеніе государства для русской жизни; не менѣе вѣрилъ онъ въ силу русскаго народа, сказанія и бытъ котораго онъ изучалъ съ неослабнымъ рвеніемъ и воплотилъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, не только замѣчательно художественныхъ, но и свѣдѣлельствующихъ о томъ, какъ глубоко онъ проникъ въ народную душу. Всякая строчка его стиховъ служитъ доказательствомъ его громадной начитанности, его обширныхъ знаній историческихъ, философскихъ, литературныхъ. Онъ до тонкости изучилъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и конечно, тотъ, кто знакомъ съ произведеніями Пушкина, не нуждался въ изданныхъ недавно «Запискахъ Смирновой», чтобы убѣдиться, что людей съ болѣе широкимъ образованіемъ, чѣмъ Пушкинъ, на Руси не было. Такимъ образомъ въ немъ слились и получили небывалое по художественной красотѣ выраженіе мысли и чувства его предшественниковъ и современниковъ, и смерть его обратила впервые вниманіе всего образованнаго міра на русскую литературу.

При такомъ гениальномъ умѣ, при такой творческой силѣ

(не забудемъ, что Пушкинъ началъ и окончилъ такое грандіозное произведеніе, какъ «Полтава», менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, что онъ 15-ти-лѣтнимъ юношей сочинилъ произведеніе, которое сдѣлалось народною пѣсней, что въ томъ возрастѣ, когда другіе еще учатся, онъ былъ уже крупнымъ писателемъ, извѣстнымъ всей образованной Россіи), — при такомъ широкомъ образованіи, Пушкинъ не могъ не быть и глубокимъ цѣнителемъ чужихъ произведеній. Его критическія замѣтки, его журнальныя статьи обличаютъ въ немъ такого многосторонняго и глубокаго критика, что и въ этомъ отношеніи его слѣдуетъ причислить къ самымъ выдающимся нашимъ писателямъ. Онъ многое подсказалъ лучшему нашему критику и восторженному его поклоннику, Бѣлинскому, и одинъ изъ первыхъ понялъ его значеніе для русской литературы. Задумывая журналъ, Пушкинъ непременно хотѣлъ привлечь его въ сотрудники.

Словомъ, нѣтъ той области, въ которой онъ не проложилъ бы новаго пути или не указалъ бы на него. Лирика, романъ, историческая драма, сатира, критика, — все это имѣло въ Пушкинѣ усерднаго работника и гениальнаго представителя. Какъ писатель, сознающій свой долгъ передъ обществомъ, Пушкинъ стоитъ также неизмѣримо высоко. Никто глубже его не понималъ призванія писателя.

Ты—даръ: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—своей высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣшь ты свой трудъ;
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ тѣ громогныкъ.

Какъ ни тяжела была внѣшняя жизнь Пушкина, онъ ставилъ литературу выше всего, любилъ ее больше всего и никогда не измѣнялъ истинному призванію писателя.

Но если Пушкинъ усвоилъ себѣ все, что было лучшаго въ русской литературѣ прошлаго вѣка, если онъ такъ глубоко понималъ русскую жизнь и душу русскаго человѣка, если творчество его было такъ многосторонне, что одинъ изъ лучшихъ его учениковъ могъ о немъ сказать:

На Руси онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ,

если онъ является родоначальникомъ всей современной русской литературы, если его дѣйствительно можно уподобить могучему дереву, своими корнями далеко ушедшему въ прошлое Россіи и своими сильными вѣтвями поддерживающему все зданіе современной русской литературы, то не правы ли и Гоголь, и Тургеневъ, и Достоевскій въ своей оцѣнкѣ значенія Пушкина? Онъ — поэтъ и больше ничего; онъ приближился къ самому средоточію русской жизни; значеніе его пророческое. Да, онъ — поэтъ, онъ — писатель въ истинномъ значеніи этого слова; никто глубже его не понималъ русской жизни, потому что онъ въ своихъ дивныхъ произведеніяхъ сумѣлъ выразить сокровеннѣйшія ея думы; ни одинъ писатель на Руси не имѣлъ такого пророческаго значенія, потому что вся новѣйшая русская литература вступила на путь, указанный Пушкинскимъ. Въсѣтъ съ тѣмъ, Пушкинъ получаетъ значеніе національнаго поэта. Надо стать на почву исторической жизни нашего народа, проникнуться его стремленіями, его упованіями, чтобы понять и оцѣнить Пушкина: онъ самъ стоялъ такъ близко къ русской жизни, что всякій, кто съ своей стороны къ ней приблизился, тотчасъ же пойметъ Пушкина и полюбитъ его музу, какъ родную, безъ которой и дышать, и жить нельзя. Если «въ нашихъ сомнѣніяхъ и раздумьяхъ о роднѣй поддержкою и опорой намъ служить русскій языкъ», то поддержкою и опорой служить намъ и Пушкинскій стихъ, столь же великій, могучій, правдивый и свободный; если нельзя не вѣрить, что русскій языкъ данъ великому народу, то и нельзя не вѣрить, что только великій народъ могъ дать Пушкина.

Рис. А. Номоде

Гр. С. Смирнов

Лишь лодка, весла и махля,
Плыла по дремлющей реке:

1 женщина — 2 человек в
 оперении на границе
 3 вода
 4 кут поет, Петро на в. в. в. в.

Братъ, вое медъ кар —
 тинка гин Орт. шина —
 кейди искусный и блонд
 карандашъ

Набросокъ карандашомъ сдѣланный А. С. Пушкинымъ для Путь. Оуѣгину.

❖ НА СМЕРТЬ ПОЭТА. ❖

Отмщенье, Государь, отмщенье!
 Паду къ ногамъ твоимъ:
 Будь справедливъ и накажи убійцу.
 Чтобъ казнь его, въ поздвѣише вѣка
 Твой правый судъ потомству возвѣстила.
 Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
 (Из трагедіи).

Погибъ поэтъ—невольникъ чести,
 Паль, оклеветанный молвой,
 Съ свинцомъ въ груди и жаждой мести,
 Поникнувъ гордой головой.
 Не вынесла душа поэта
 Позора мелочныхъ обидъ,
 Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
 Одинъ, какъ прежде—и убить...
 Убить!.. къ чему теперь рыданья,
 Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
 И жалкій лепетъ оправданья?
 Судьбы рѣшилъ приговоръ.
 Не вы-ль сперва такъ долго гнали
 Его свободный, чудный даръ
 И для потѣхи возбуждали
 Чуть затаившійся пожаръ?..
 Чтожъ? Веселитесь: онъ мученій
 Послѣднихъ перенестъ не могъ;
 Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
 Увяль торжественный вѣнокъ.
 Его убійца хладнокровно
 Навель ударъ: спасенья нѣтъ.
 Пустое сердце бьется ровно,—
 Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ...
 И что за диво? Издалека,
 Подобно сотнѣ бѣглецовъ,
 На ловлю счастья и чиновъ
 Зброшенъ къ намъ по волѣ рока;
 Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
 Земли чужой законъ и нравы;
 Не могъ шадить онъ нашей славы;
 Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
 На что онъ руку поднималъ!..
 И онъ погибъ и взять могилой,
 Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый и милый,

Добыча ревности нѣмой,
 Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
 Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
 Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной,
 Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
 Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
 Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
 Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,—
 Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
 И, прежній снявъ вѣнокъ, другой вѣнокъ, терновый,
 Увитый лаврами, надѣли на него;
 Но иглы тайныя сурово
 Язвили славное чело;
 Отравлены его послѣднія мгновенья
 Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
 И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
 Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ!
 Замолкли звуки дивныхъ пѣсень,
 Не раздаваться имъ опять:
 Приютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
 И на устахъ его печать.

*

А вы, надменные потомки
 Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
 Пятою рабскою поправшіе обломки
 Игрою счастья обиженныхъ родовъ!
 Вы, жадною толпой стоящіе у трона
 Свободы, Генія и Славы палачи!
 Таитесь вы подъ сѣнію закона:
 Предъ вами судъ и правда, все молчи!..
 Но есть, есть Божій судъ, наперсники разврата!
 Есть грозный судъ: онъ ждетъ:
 Онъ недоступенъ звону злата,
 И мысли, и дѣла, онъ знаетъ напередъ.
 Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью—
 Оно вамъ не поможетъ вновь,
 И вы не смоете всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь.

М. ЛЕРМАНТОВЪ.

28-го января 1837 г.

ДУЭЛЬ И КОНЧИНА А. С. ПУШКИНА.

Мы отошли уже на полвѣка отъ потери единственнаго своего великаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина.

День его кончины, однако, и теперь исторгаетъ изъ сердца всѣхъ русскихъ, способныхъ цѣнить свое, подлинно великое, тѣ же тяжкіе вздохи, какъ и у свидѣтелей его страдальческой кончины.

Скажемъ болѣе, мы переживаемъ теперь пору возвышенія вновь творческаго образа поэта, одно время, подъ влияніемъ превратныхъ понятій окрасотѣ и творчествѣ, несправедливо принижаемаго.

Въ культурномъ человѣческомъ обществѣ послѣдовательное измѣненіе мнѣній о всемъ, что можетъ возбуждать къ дѣятельности чуткій умъ и отзывчивость сердца, принимается за періоды саморазвитія. Одинъ изъ этихъ періодовъ наступилъ для насъ. И среди него, все что можетъ дать пищу уму и чувству, живѣе воспринимается бодрствующею мыслью. А что можетъ въ наше время сильнѣе затронуть ее, какъ трагическая судьба лучшаго нашего поэта, оставившаго во всѣхъ родахъ творчества русскаго произведенія, полныя глубокой идеи и неподражаемаго изящества формы. Со дня открытія монументовъ Пушкину, въ обѣихъ столицахъ русскаго царства, живѣе сказывается теплота сочувствія къ поэту. Припоминанія подробностей его потери для насъ, въ цвѣтѣ силъ и мощи творческой, въ самый день этого общерусскаго несчастія, да примется соотечественниками за отзывъ на общее желаніе: слышать теперь о Пушкинѣ и обстоятельствахъ, устроившихъ его гибель.

При воспоминаніи же общаго удара для насъ, русскихъ, неодинаково оцѣнивавшихъ величіе Пушкина, по одинаково ощущающихъ скорбное чувство потери его, пусть нѣсколько умѣрится горечь представленіемъ: какъ высоко христіански, простивъ всѣмъ все, умеръ поэтъ. Общее, горячее моленіе за упокой души его—первый и важнѣйшій долгъ припоминанія полувѣковой потери его, а никакъ ни что либо другое, говорящее больше вѣщности.

Мы полагаемъ эти именно чувства—теплой скорби и молитвы—вызвать въ читателяхъ сообщеніемъ страшной катастрофы, вырвавшей изъ общества Пушкина.

Просимъ заранее снисхожденія за безыскусственность изложенія, выкупаемую точностью передачи всѣхъ обстоятельствъ, подготовившихъ гибельную дуэль, при стремленіи Пушкина, во что бы ни было, добиться поединка съ Дантесомъ. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, бывший безотлучно при раненомъ поэтѣ, до самой кончины его, въ извѣстномъ 17-мъ письмѣ своемъ, какъ думаютъ, писанномъ къ А. Я. Булгакову, отъ 9 февраля 1837 года («Русск. Арх.» кн. 6. 1879 г.), касается прямо обстоятельствъ дуэли.

Вотъ подлинныя слова этого вѣрнаго друга нашего незабвеннаго поэта.—«Чье сердце любило русскую славу, поэзію, знало Пушкина не поверхностно, какъ зналъ его равнодушный или недоброжелательный свѣтъ, но умѣло оцѣнить все, что было въ немъ высокаго и добраго, не смотря на слабости и недостатки, свойственные каждому человѣку, кто умѣетъ сострадать несчастію ближняго, можетъ-ли тотъ не содрогнуться отъ участи, постигшей Пушкина, и не оплакивать его горячими, сердечными слезами? Ясно изложить причины, которыя произвели это плачевное послѣдствіе, невозможно, потому что многое остается тайнымъ для насъ самихъ, очевидцевъ. Впрочемъ, и тѣмъ, что знаемъ, можно объяснить случившееся приблизительно

слѣдующимъ образомъ. Анонимныя письма, о коихъ ты вѣрно уже знаешь, лежали горячею отравой на сердцѣ Пушкина. Ему нужно было выбросить этотъ адъ съ своею кровью, или съ кровью того, который былъ причиною, или предложомъ нанесеннаго Пушкину оскорбленія. Въ первую минуту по полученіи этихъ писемъ онъ съ яростью бросился на Геккерена и вызвалъ его драться. Со стороны старика Геккерена ¹⁾ пошли переговоры, и по его просьбѣ, дуэль отсрочена на 15 дней. Въ эти пятнадцать дней неожиданно, не понятно для всѣхъ, уладилась свадьба молодого Геккерена съ сестрою Пушкиной ²⁾. Пушкинъ о томъ ничего не зналъ, узнавъ не вѣрилъ тому и полагалъ, что все это военная или дипломатическая хитрость. Но когда помолвка совершилась, онъ обратно взялъ картель, признавая, вѣроятно, въ душѣ своей эту странную свадьбу (которая наидывала во всякомъ случаѣ не-благопріятную тѣнь на молодого Геккерена) за достаточную для себя сатисфакцію, и съ другой стороны признавая, повидимому, несбыточность дуэли за жену свою съ тѣмъ, который женится на сестрѣ ея. Между тѣмъ, тутъ же объявилъ онъ, что хотя отъ поединка, предложеннаго имъ, и отказывается, но семейныхъ и даже общихъ сношеній знакомства съ семействомъ Геккерена имѣть не будетъ; не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ вступившимъ и поперечнымъ, и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ Геккерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ точности соблюдено.

«Все это,—по мѣткому замѣчанію кн. Вяземскаго,—замазало рану, но не исцѣлило. Женитьба Геккерена мало что измѣнила въ общемъ ихъ положеніи. Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женитьбы. Городскіе толки не умолкали, напротивъ, общее вниманіе недоброжелательнаго, убійственнаго свѣта впилося еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь ужасная и кровавая развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ: ему стало не въ терпежь. Онъ излилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего въ письмѣ къ старика Геккерену, желая, жадная развязки».

Читая это свидѣтельство друга-поэта, положенное на бумагу вслѣдъ за его потерю, когда еще во всемъ такъ живо представлялась каждому нить происшествій, освѣтившихъ умъ и чувства жертвы людской злобы,—что должны чувствовать мы теперь, оплакивающие черезъ полвѣка величіе потери Россіи, въ лицѣ Пушкина?

Мы живо представляемъ такое мучительное положеніе Пушкина, при которомъ всякій человѣкъ чувствующаго бы смерти, какъ конца мученій, не оставляющихъ минуты покоя. Не пустое забячество, но нахождение другихъ важныхъ причинъ непримиримаго гнѣва противъ человѣка, сдѣлавшагося зятемъ, какъ видно не

¹⁾ Голландскаго посланника въ Петербургѣ, усановившаго Дантеса, потому и называемаго кн. Вяземскимъ—молодымъ Геккереномъ.

²⁾ Старшею сестрою Натальи Николаевны, жены поэта, Екатериною Николаевною Гончаровою. Разрѣшеніе вступить Геккерену съ нею въ бракъ выдано было 6-го января 1837 г. изъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій М. В. Д., директоромъ котораго былъ извѣстный своими «записками» Ф. Ф. Вигель, подозрѣваемый въ участіи въ интригѣ, веденной противъ Пушкина, именно ради самой послѣдственности разрѣшенія.

ради того, чтобы дать замолкнуть пересудамъ, — рѣшили Пушкина на безвозвратный шагъ, кончившейся его гибелью. Другаго исхода не было для страдальца — поэта, приведеннаго къ могилѣ расчитанно и вѣрно адекою злобою пѣсколькихъ мерзавцевъ, имена которыхъ и теперь скрываются отъ насъ. Вспоминая черныи ковъ, лишивший Россію Пушкина, не будемъ доискиваться кто его губитель?

А что видимымъ, но далеко произвольнымъ, орудіемъ гибели Пушкина былъ вѣтренникъ Дантесъ, это видно изъ самыхъ словъ близкаго наблюдателя происходившаго съ Пушкинымъ, князя П. А. Вяземскаго. Онъ, въ письмѣ въ Москву отъ 9 февраля 1837 года, приписываетъ неизбежность дуэли письму Пушкина къ посланику Геккерену ¹⁾. «Въ этомъ письмѣ, — говоритъ кн. Вяземскій, — перомъ, омоченнымъ въ желчь, запятналь онъ неизгладимыми поношеніями старика и молодаго, и отправилъ къ нему (т. е. къ старому Геккерену) письмо въ понедѣльникъ, 25 января (1837 г.)». «Съ начала этого дѣла, — писалъ самъ Пушкинъ, на французскомъ языкѣ ²⁾, за часть до поединка съ Геккереномъ, секунданту его, виконту Д'Аршіаку, — я вздохнулъ свободно только тогда, какъ написалъ это письмо!»

«Старикъ показалъ письмо сыну (или не знаю что онъ ему, ибо никто положительно не знаетъ). Разумѣется, дѣлать было нечего тому, какъ драться. Онъ вызвалъ Пушкина.

«Вторникъ (26 января) прошелъ въ переговорахъ. Пушкинъ не хотѣлъ имѣть секунданта, чтобы не компрометтировать никого. Они настаивали, чтобы онъ имѣлъ секунданта.

«Такъ какъ вызовъ послѣдовалъ со стороны г. Геккерена, который оскорбленъ, то онъ можетъ выбрать мнѣ секунданта, если это ему хочется; я впередъ принимаю его, если только не поставитъ онъ своего псаря», — написалъ по-французски ³⁾ Пушкинъ Д'Аршіаку, секунданту своего противника.

«Между тѣмъ, — продолжалъ кн. Вяземскій, — все въ мысли не компрометтировать русскаго, онъ адресовался къ Мегенну, совѣтнику англійскаго посольства, который требовалъ предварительно, до изъявленія согласія, подробнаго изложенія причинъ и обстоятельствъ, вынудившихъ дуэль».

Пушкинъ не принялъ этого условія, высказавъ и причину своего отказа въ томъ же письмѣ къ Д'Аршіаку, по-французски ⁴⁾. — «Я нисколько не желаю этихъ петербургскихъ болтуновъ участниками моихъ семейныхъ дѣлъ и отказываюсь отъ всякихъ переговоровъ съ секундантами (черезъ вторыя руки)».

Вотъ почему оказался секундантомъ у Пушкина Данзасъ, который и самъ не думалъ объ этомъ, но попался случайно и оказался невольнымъ участникомъ въ поединкѣ. Князь Вяземскій, въ письмѣ своемъ 9 февраля 1837 года, объясняетъ очень хорошо эту роковую случайность.

«Въ день дуэли, — говоритъ онъ, — нечаянно напалъ онъ (т. е. Пушкинъ) на улицѣ на стараго товарища лицейскаго, Данзаса, съ которымъ онъ былъ всегда отменно друженъ. Не говоря ему ни слова, посадилъ въ сани и повезъ къ Д'Аршіаку» — это могло быть послѣ полудня, 27 января.

¹⁾ Вся переписка по поводу дуэли напечатана въ концѣ VII тома, п. с. соч. Пушкина, изд. Комарова, письмо къ Геккерену, послу на стр. 436.

²⁾ Depuis le commencement de cette affaire, le seul moment de repit que j'aie eu c'est celui, ou j'ai écrit cette lettre.

³⁾ Comme c'est m-r Heckeren qui me provoque et qui est offensé, il pent m' en choisir un si cela lui convient, je l'accepte d'avance, quand il ne serait que son chasseur.

⁴⁾ Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Petersbourg dans la confidence de mes affaires de famille. Je me refuse donc a tout pour parler entre seconds.

Отъ Д'Аршіака уже прямо поѣхали на мѣсто дуэли. Пишущій эти строки помнить еще очень хорошо мѣсто, гдѣ прибита была дощечка на шестикѣ, вкопанномъ въ землю, съ краю дороги, между молодыми побѣгами акацій и двумя большими березами. На дощечкѣ, окрашенной черною краскою, было бѣлыми буквами написано въ трехъ строкахъ: «мѣсто дуэли Пушкина».

Если, переѣхавъ черезъ мѣсть на Черной рѣчкѣ къ тракту въ Коломяги, своротить отъ конюшенъ, за мостомъ, влѣво, мимо огорода, на дорогу (прежде больше проѣзжую, а теперь почти оставленную, съ которой вѣздъ на ферму Комендантской дачи), то дощечка, помнится, стояла за дорогою къ фермѣ, ближе къ срубленной теперь рошѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ мы эту дощечку уже напрасно искали; она исчезла. Кѣмъ она была здѣсь поставлена, мы тоже не могли добиться.

На пути къ мѣсту дуэли, — князь Вяземскій писалъ вѣроятно со словъ Данзаса, — «Пушкинъ, ѣхавъ туда съ Данзасомъ, былъ спокоенъ, ясенъ и даже веселъ». По нятно, самая рѣшимость, на поединокъ уже сняла съ души тяжелый гнетъ, и острая боль сердца, терзаемаго гнѣвомъ, ревностью и подозрѣніями, на время замолкла въ страдальцѣ, такъ долго и такъ утонченно истязаемомъ невидимыми врагами. По всей вѣроятности, Геккеренъ или раньше нѣсколько или только впереди, ѣхалъ со своимъ секундантомъ. Извѣстно было также, что дуэлисты обманули слѣдившую за ними полицію именно выборомъ этого укромнаго мѣстечка, которое за изгибомъ дороги и опущенными инеемъ деревьями совершенно было со стороны скрыто. Приготовленія къ бою тоже не могли быть продолжительны.

Время близилось къ сумеркамъ. Секунданты условились заранѣе. «Барьеръ назначенъ былъ въ 10 шагахъ и отсчитано еще 5 (шаговъ) каждому: оба подвигались, цѣля другъ въ друга», — говоритъ князь Вяземскій, не сообщая почему вызвавшему на дуэль и первому пришлось стрѣлать? Вѣроятно, брошенъ былъ жребій! Не самовольно же Геккеренъ выстрѣлилъ первый? Пушкинъ упалъ, сказавъ по-французски «я раненъ!» ¹⁾; пуля противника раздробила кость въ боку, разорвала внутренніе сосуды и контузивъ кишку, остановилась у ней. Раненый лежалъ къ снѣгу головою. «Всѣ бросились къ нему, и стрѣлявшій, и секунданты. Нѣсколько секундъ пролетѣло, пока Пушкинъ приподнялся, опершись на лѣвую руку и сказалъ Геккерену по-французски: стойте, у меня еще есть силы выстрѣлить въ свою очередь» ²⁾. Геккеренъ сталъ на свое мѣсто». Опираясь лѣвою рукою въ землю, Пушкинъ сталъ приближаться въ него, — писалъ князь Вяземскій, — и твердою рукою выстрѣлилъ. Геккеренъ пошатнулся и упалъ, Пушкинъ кинулъ вверхъ свой пистолетъ и вскрикнулъ: браво!

Затѣмъ, Пушкинъ лежа опять обратился къ Д'Аршіаку съ вопросомъ, по-французски ³⁾:

— Онъ не убитъ?

— Нѣтъ, — на томъ же языкѣ утвердительно отвѣтилъ секундантъ, — но онъ раненъ въ руку и грудь.

— Вотъ странно, — по-французски самъ себя молвилъ Пушкинъ, — я полагаю, что мнѣ будетъ пріятно его убить, но чувствую, нѣтъ... ⁴⁾.

Это невольно вырвавшееся слово живо представляетъ намъ, какая душа была въ Пушкинѣ и насколько онъ въ самомъ туманѣ страсти былъ чуждъ жадны мщенія, которою, казалось, желалъ насладиться. Не мщенія алкала душа его, но онъ чувствовалъ, что жи-

¹⁾ Je suis blessé.

²⁾ Attendez! Je me sens assés de force pour tirer mon coup.

³⁾ Est-il tué? — Non, mais il est blessé au bras et a la poitrine.

⁴⁾ C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; me je sens que non.

вому ему все же нельзя поставить Дантеса въ нейтральное положеніе.

И вотъ какой смыслъ словъ поэта, обращенныхъ къ Д'Аршіаку: «Впрочемъ, все равно; если мы оба поправимся, то—начнемъ снова!»¹⁾ Онъ не зналъ какого свойства полученная имъ рана въ животъ и, кажется, считалъ въ это время нанесенное Геккерену поврежденіе, важнымъ. Пуля Пушкина, — писалъ князь Вяземскій, — попала въ правую руку Геккерена, которою онъ прикрывалъ грудь свою, пробила мясо, ударила въ пуговицу панталонъ, на которую надѣты были помочи, и уже ослабленная отскочила въ грудь (вторично), отчего сперлось дыханіе въ немъ на нѣсколько секундъ, что, вѣроятно, и было причиною его паденія. Рана Пушкина была безусловно смертельная, каждый изъ докторовъ, — Шольцъ и Задлеръ, — осматривавшихъ раненаго, говорили это ему прямо, по привозѣ домой раненаго.

Привезъ его, уже въ шесть часовъ вечера, въ отчаянномъ положеніи, подполковникъ Данзасъ. Комердинеръ принялъ изъ кареты раненаго на руки и понесъ на лѣстницу.

— Грустно тебѣ нести меня? — спросилъ Пушкинъ. Слезы были нѣмымъ отвѣтомъ слуги.

Поэта внесли въ кабинетъ его. Онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье, раздѣлся и легъ на диванъ.

Когда его укладывали, жена, ничего еще не знавшая, хотѣла войти, но раненый крикнулъ громко по-французски: не входи, у меня посторонніе²⁾.

Онъ ощущая страшную боль, еще сообразилъ, что ее испугаетъ его состояніе почти невозможности повернуться. Кажется, совсѣмъ уложенный, онъ посылалъ сказать женѣ, что она можетъ теперь войти.

Должно быть Данзасъ распорядился послать за докторами. Ближайшій къ мѣсту жительства поэта³⁾ былъ лейбъ-медикъ Арендтъ. Его не застали дома и пригласили жившихъ по сосѣдству же докторовъ-хирурговъ Шольца и Задлера, доктора придворной Конюшенной больницы. Осмотрѣвъ рану, вмѣстѣ съ Шольцомъ, Задлеръ отправился къ себѣ за инструментами. Шольцъ остался при больномъ, вмѣстѣ съ Данзасомъ и прибывшимъ П. А. Плетневымъ.

— Что вы думаете о моемъ положеніи? — спросилъ на единѣ Шольца Пушкинъ. — Скажите откровенно.

— Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности. — отвѣтилъ сдержанный Шольцъ.

— Скажите лучше умираю, — договорилъ Пушкинъ.

— Считаю долгомъ не скрывать и того... Но услышимъ мнѣніе Арендта и Соломона... за ними послано...

— Благодарю васъ, — сказала ему по-французски Пушкинъ: — относительно меня вы поступили какъ честный человѣкъ... нужно мнѣ распорядиться по домашнему⁴⁾, — прибавилъ онъ, потирая лобъ, послѣ короткой паузы.

— Не желаете-ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ? — спросилъ больного Шольцъ.

— Прощайте, друзья! — молвилъ вмѣсто отвѣта Пушкинъ, обративъ глаза къ шкафамъ съ книгами. «Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми-ли друзьями, или съ мертвыми, не знаю», — писалъ Жуковскій, передавая отцу поэта обстоятельства его послѣднихъ дней. Намъ кажется, въ обращеніи къ друзьямъ проскользнула у Пушкина идея о кончинѣ теперь же. Потому что онъ неловкую подслужливость вопроса Шольца — «не желаете-ли видѣть кого изъ ближнихъ?» — объяснилъ себѣ прямо приближеніемъ немедленной кончины.

¹⁾ Au reste, c'est egal; si nous nous rétablissons tous les deux, ce sera a recommencer.

²⁾ N'entrez pas, il y a du monde chez moi.

³⁾ На Мойкѣ, у Конюшеннаго моста.

⁴⁾ Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi... il faut que j'érange ma maison.

Отъ того, немного погодя, онъ и задалъ вопросъ этому доктору, уже по-русски: «Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?»

— О, нѣтъ! — поправился тотъ, — но я полагаю, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого-нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь.

Не слѣдуетъ забыть, что Данзасъ и Плетневъ съ приходомъ врачей, приступившихъ къ осмотру раны, удалились, по приглашенію самаго Пушкина, въ переднюю, передъ кабинетомъ, и что Шольцъ стѣснялся разговоромъ съ больнымъ, одинъ на одинъ, не находя мотива для разговора и истощивъ обычный запасъ избитыхъ фразъ. Когда Шольцъ напомнилъ, что Плетневъ (котораго онъ зналъ, а Данзаса не зналъ) здѣсь и не желаетъ-ли его видѣть больной, Пушкинъ отвѣтилъ: да, но я желалъ бы и... Жуковскаго. Дайте мнѣ воды, тошнитъ.

Шольцъ, тронувъ пульсъ, нашель его слабымъ и скорымъ, а руку — холодною. Вышелъ приказать дать питья и сообщилъ, чтобы послали за Жуковскимъ. Человѣкъ, вѣроятно не надѣясь въ эти часы застать Жуковскаго въ дворцовомъ помѣщеніи, поспѣшилъ къ князю Вяземскому, жившему въ Моховой (домъ № 27). Князь пріѣхалъ должно быть не рано, потому въ письмѣ его въ Москву, отъ 5 февраля 1837 года, рассказъ объ обстоятельствахъ осмотра докторовъ и призыва жены вѣскольکو иначе, чѣмъ въ отчетѣ Жуковскаго отцу поэта, когда собраны и сведены были «пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ» разныя показанія.

Кн. Вяземскій въ свою очередь поправляя сообщенія Тургенева, раньше его написавшаго въ Москву. Тургеневъ, какъ можно догадаться, писалъ объ обстоятельствахъ кончины поэта по слухамъ, вѣрнѣе всего руководясь показаніями дежурившаго при больномъ гр. Вельгорскаго. Но поправляя Тургенева, кн. Вяземскій смѣшалъ, кажется, имъ слышанное лично съ пересказомъ Данзаса о словахъ Шольца.

Кажется, пріѣхавъ не рано къ раненому Пушкину, князь Вяземскій все же былъ свидѣтелемъ свиданія Пушкина съ женою, и до осмотра докторами, какъ извѣстно, видѣвшю мужа. Вѣроятно тогда еще сказала, утѣшая жену, Пушкинъ: «Какъ я счастливъ! Я еще живъ, и ты возлѣ меня! Будь покойна! Ты не виновата, я знаю, что ты не виновата». Это могъ сказать поэтъ страдая, но самъ еще не зная всей опасности своего положенія. Намъ кажется, что слова князя Вяземскаго, въ письмѣ 5-го февраля, что Пушкинъ отъ жены «скрылъ опасность раны своей, которую докторъ откровенно объявилъ ему смертельною», — могутъ относиться до свиданія позднѣйшаго, когда кн. Вяземскій ее видѣлъ, зная уже участь своего друга.

По крайней мѣрѣ, пріѣздъ къ Пушкину князя Вяземскаго совпалъ съ прибытіемъ уже Арендта. А по собственному свидѣтельству Жуковскаго, тотъ поздно пріѣхалъ, — «въ десять часовъ вечера» прибывъ только въ домъ Вяземскаго, гдѣ, — пишетъ онъ отцу поэта 15 февраля 1837 года, — мнѣ сказываютъ, что онъ и княгиня (Вѣра Ѳеодоровна) у Пушкиныхъ. А Валуевъ (зять Вяземскаго), къ которому я зашелъ, — продолжаетъ князь, — встрѣчаетъ меня словами: получили-ли вы записку княгини? За вами давно послали, побѣжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохо; умереть не премѣнно.

Затѣмъ, Жуковскій, въ письмѣ къ Пушкину отцу объясняетъ причину своего повдига появленія къ

больному, приводя обстоятельства, бывшія послѣ заявленнаго имъ желанія видѣть его. «Меня въ это время не было дома, и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ, пріѣхалъ Задлеръ и Соломонъ. Шольцъ оставилъ больнаго, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова». Пишущій эти строки зналъ доктора Копюшенной больницы, Карла Карловича Задлера (ум. 76-ти л. отъ роду, здѣсь, 30 октября 1877 г.). Разговаривая съ нимъ о разныхъ предметахъ, разъ зашла у насъ рѣчь и о его участіи въ осмотрѣ раненаго Пушкина. Онъ мнѣ сообщилъ, что по его мнѣнію, если бы вынули пулю на мѣстѣ поединка, можетъ быть удалось бы ослабить дѣйствіе контузіи кишекъ, изъ которыхъ, по его словамъ, ни одна не была пробита. Но когда онъ привезъ инструменты, воспаленіе было очень сильно, а раненый такъ ослабѣлъ, что вынимать пулю не рѣшились. И тогда Арендтъ подтвердилъ мнѣніе Шольца, что положеніе безнадежное. Только для уменьшенія боли начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье. Это произвело желанное дѣйствіе, больной поуспокоился, передаетъ, какъ очевидецъ, Жуковскій, отцу поэта. Разставаясь съ Пушкинымъ, Арендтъ сказалъ ему, — говоритъ князь Вяземскій: — «Буду къ государю; не прикажите ли что сказать ему?» — «Скажите, — отвѣчалъ Пушкинъ, — что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса». Ночью возвратился Арендтъ отъ государя и привезъ собственноручную записку Его Величества, карандашемъ, почти въ такихъ словахъ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ умереть христианиномъ. О женѣ и дѣтяхъ не беспокойся, я беру ихъ на свои руки». Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку, но государь только велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратитъ. — «Скажите государю, — говорилъ Пушкинъ Арендту, — что жалю о потери жизни, потому что не могу изъявить ему благодарности, что я былъ бы весь его!» Эти слова, — прибавилъ князь Вяземскій, — слышали многіе и вѣзались въ память и сердце мое по чувству, съ коимъ они были произнесены».

Въ эпизодъ съ запискою государя, пересказъ Жуковского даетъ такія подробности, которыя должны въ послѣднихъ минутахъ Пушкина сохраниться какъ свидѣтельство высокихъ чувствъ Николая I, цѣнившаго нашего безсмертнаго поэта, не какъ другіе современники.

Послѣ перваго посѣщенія раненаго, должно быть около 8 часовъ вечера (потому что государь былъ въ это время въ театрѣ), являсь отъ больнаго прямо во дворецъ, лейбъ-медикъ не засталъ Его Величество, передавъ, черезъ камердинера, положеніе Пушкина. Когда этимъ путемъ дошло извѣстіе до Николая I, уже около полуночи отъ государя является къ Арендту фельдъегерь съ повелѣніемъ, немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитать собственноручную записку Е. И. В. и тотчасъ обо всемъ донести.

«Я не лягу, буду ждать», приказывалъ государь сказать Арендту, съ возвращеніемъ записки.

«Какой трогательный, — писалъ Жуковскій къ отцу Пушкина, — конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ. Какъ много прекраснаго, человеческого въ этомъ порывѣ, въ этой послѣдности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Я не лягу, я буду ждать! О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно передъ постелью умираю-

щаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою. Умирающій немедленно исполнилъ уже угаданное желаніе государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Пушкинъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ».

Князь Вяземскій въ письмѣ въ Москву еще живѣе представилъ, какъ очевидецъ, дѣйствіе исповѣди умирающаго не только на него, но даже на принимавшаго исповѣдь. «Священникъ, — пишетъ Вяземскій, — говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ esprit fort, по крайней мѣрѣ не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей. Напротивъ, онъ имѣлъ сильное религиозное чувство, читалъ и любилъ читать Евангеліе, былъ проникнутъ красотой многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ».

Примирившись съ совѣстью, умирающій, оставленный Арендтомъ на попеченіе домашняго доктора, Спасскаго, до пяти часовъ утра 28 января не испытывалъ сильныхъ пароксизмовъ грызущей боли. Но въ пять часовъ утра началась у Пушкина нестерпимая боль въ животѣ и онъ сталъ стонать. Послали за Арендтомъ. Пріѣхалъ онъ и посоветовалъ поставить промывательное. Оно не помогло и боли все усиливались въ продолженіи двухъ часовъ.

«Я увѣренъ, — пишетъ Жуковскій, — что расудокъ бѣдной жены не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она въ совершенномъ изнуреніи лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, которыя отъ нея отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею. И этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновалъ въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стenanіе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ говорилъ онъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобы ее не пугать». Къ семи часамъ утихла боль, но Пушкинъ ослабѣлъ еще раньше ея. Ночью онъ заставилъ Спасскаго сжечь какую-то бумагу, и продиктовалъ Данзасу записку о долгахъ. Но утомленіе, за этимъ послѣдовавшее, сдѣлало невозможнымъ для больнаго продолженіе распоряженій.

Съ окончаніемъ болѣи, Пушкинъ сказалъ Спасскому: «Жену, позовите жену!» Трогательность послѣдовавшей сцены Жуковскій отказался описать.

«Потомъ потребовалъ дѣтей, они спали, ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на cadaго оборачивалъ глаза, молча клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ, движеніемъ руки, отсылалъ прочь». Отпустивъ дѣтей, умиравшій прощался съ Жуковскимъ, Вяземскимъ и Вельгорскимъ, говоря слабо, отрывисто, но явственно. «Было очевидно, — пишетъ Жуковскій, — что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взглянувъ за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: «смерть идетъ!» Тутъ подошелъ къ нему Тургеневъ. Онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожавъ ему руку; казалось хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: «Карамзину!» За нею послали и она пріѣхала; сѣла. Пушкинъ съ минуту помолчалъ, и когда Катерина Андреевна встала и хотѣла отойти отъ постели, сказалъ ей: «перекрестите меня!» потомъ поцѣловалъ ее руку.

Пріѣхалъ Арендтъ. «Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно», сказалъ, увидѣвъ его, Пушкинъ.

Лейбъ-медику нечего было сказать и за него поспѣшилъ къ государю Жуковскій. Сходя съ крыльца, онъ впрочемъ встрѣтился съ фельдшеремъ, уже посланнымъ за нимъ. «Извини, что я тебя потревожилъ», сказалъ Его Величество, при входѣ Жуковского въ кабинетъ.

— Государь, я самъ спѣшилъ къ Вашему Величеству, въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною...

И рассказалъ все, что говорилъ Пушкинъ.

— Скажи ему отъ меня, молвилъ государь, что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга.

Еще разъ повторилъ при этомъ Николай I увѣреніе, чтобы Пушкинъ не беспокоился о судьбѣ жены и дѣтей. «Они мои!»—заклучилъ монархъ, прибавивъ: «Тебѣ же поручаю, если умереть, запечатать его бумаги, ты послѣ ихъ самъ размотришь».

Воротаясь къ больному, Жуковскій передалъ утѣшительный отвѣтъ Его Величества. Больной поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ.

— Вотъ какъ я утѣшенъ!—сказалъ онъ.—Скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія... Что я желаю ему счастья въ его сыщѣ... Что я желаю ему счастья въ егѣ Россіи.

Въ это время подѣйствовалъ очень благопріятно данный за нѣсколько минутъ пріемъ опиума и пріятно для больного стали дѣйствовать смягчительныя средства, прикладываемыя теперь, вмѣсто холодныхъ примочекъ. Въ этомъ состояніи, нѣкоторой даже бодрости больного, засталъ Пушкина, въ 2 часа пополудни, 28 января, докторъ Вл. Ив. Даль. «Худо мнѣ, братъ»,—сказалъ Пушкинъ, впрочемъ съ улыбкою.

Даль, найдя у больного пульсъ полнѣе и тверже, самъ проникся было надеждою и съ нѣкоторою увѣренностью отвѣтилъ: мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты.

— Нѣтъ,—возразилъ больной,—мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо.

Въ это время сталъ показываться жаръ; поставили пивки и пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говорить Даль, какъ утопленникъ за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ было и себя, и другихъ. Пушкинъ замѣтилъ, что Даль былъ по бодрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: никого тутъ нѣтъ?

— Никого.

— Даль, скажи мнѣ правду, скоро-ли я умру?

— Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся.

— Ну, спасибо,—отвѣчалъ онъ.—На эту минуту, какъ и говорившій, умирающій кажется проникся надеждою, но только на минуту. За тѣмъ онъ уже не утѣшалъ себя.

Даль уже не отходилъ отъ Пушкина до кончины его. Жуковскій, Вяземскій и Вельгорскій сидѣли въ сосѣдней комнатѣ.

Больной самъ бралъ по ложечкѣ воды и по крупинкѣ льда въ ротъ; снималъ стаканъ съ ближней полки и теръ себѣ високъ льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ. Боли онъ чувствовалъ меньше, но тоска начала его мучить, все усиливаясь.

— Ахъ, какая тоска!—восклидалъ онъ, закидывая руки на голову,—сердце изнашивается...

Понятно, началось агонія, которую очень хорошо видѣлъ Даль, потерявшій надежду.

Эта тоска и была борьба жизни съ смертью, что русскіе подразумѣютъ, говоря о предсмертныхъ страданіяхъ больного. «Онъ уже началъ метаться!» Даль, чѣмъ могъ, развлекалъ друга, закидывавшаго его вопросами и просьбами: то поднять его по выше, то поворотить на бокъ, то поправить подушку. Начинали выполнять требованія, и больной говорилъ: оставьте, это хорошо.

Или словами: постой, не надо, потяни меня только за руку,—ну, вотъ и хорошо, и прекрасно!..

Однажды онъ только спросилъ Даля: кто у жены моей?

Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаетъ въ тебѣ участіе. Зала и передняя полны съ утра.

Это было суцная правда. Съ утра 28 января, какъ распространился слухъ о смертельной ранѣ поэта, люди всѣхъ сословій бросились къ его дому; на всѣхъ лицахъ, и стоявшихъ терпѣливо цѣлыя часы на улицѣ, и у входившихъ въ переднюю—выражалась скорбь, трогательное соболѣзнованіе, или непритворная горестъ. Число входившихъ въ переднюю къ концу дня сдѣлалось такъ велико, что друзья умирающаго, замѣтивъ какъ стукъ двери болѣзненно выражается въ чертахъ больного, приперли дверь въ переднюю, отворивъ маленькую дверь съ лѣстницы въ болѣе отдаленный буфетъ. Отгородили и гостиную, гдѣ находилась г-жа Пушкина, ширмами, отъ столовой. Когда сдѣлали это, буфетъ наполнился народомъ, а въ столовую и дальше проходили только знакомые. Многие плакали. Государь въ теченіе 28-го января шесть разъ присылалъ къ Пушкину Арендта, не разъ пріѣзжавшаго и въ послѣднюю ночь. «Великая княгиня Елена Павловна, очень любившая Пушкина,—замѣчаетъ Жуковскій,—написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ ея высочеству, согласно съ ходомъ болѣзни. Такое участіе трогательно, но оно естественно въ государѣ, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была. Естественно и въ націи, которая въ этомъ случаѣ не только за одно съ своимъ государемъ, но этою общою любовью къ отечественной славѣ укореняется между ними нравственная связь».

Другое дѣло—иностранцы. Жуковскій замѣчаетъ, что для него «участіе иноземцевъ было усладительною печальностью. Мы теряли свое, мудрено-ли, что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Что думалъ этотъ почтенный Барантъ (французскій посланникъ въ Спб.) стоя долго въ уныніи посреди прихожей, гдѣ около его шептали съ печальными лицами о томъ, что дѣлалось за дверьми. Отгадать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію—всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинакою братскою любовью».

Пушкинъ, послѣ вопроса, кто у жены?—послалъ Даля ободрить ее надеждою, но самъ уже не имѣлъ ни какой. Предсмертная тоска заставляла его не разъ говорить прерывающимся голосомъ: долго-ли... мнѣ... такъ мучиться?... пожалуйста... поскорѣй!.. Но кромѣ этихъ приступовъ тоски, умирающій былъ удивительно терпѣливъ. Когда боль его одолевала, онъ дѣлалъ движенія рѣзкія или отрывисто кряхтѣлъ; но такъ, что почти не могли слышать. Даль совѣтовалъ ему стонать, потому что это—легче.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ прерывчиво,—нѣтъ... не надо стонать... Жена... услышитъ... смѣшно-же... чтобъ этотъ... вздоръ ме... ня... пересилилъ... не хочу.—Жуковскій ухалъ къ себѣ только въ 5 часовъ утра въ пятницу, 29-го января, а въ семь часовъ воротился, но засталъ совсѣмъ не то положеніе больного, въ которомъ онъ оставилъ его. Арендтъ рѣшительно говорилъ: все кончено... ему не пережить дня!

Пульсъ ослабѣлъ и началъ падать примѣтно; руки начали стыть. Пушкинъ лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ иногда только поднималъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ.

Вотъ ударило два часа пополудни. Пушкинъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Ее принесли. Онъ сказалъ внятно: Позовите жену, пускай она меня покормитъ.—Она пришла. Опустилась на колѣни у изголовья. Поднесла ему ложечку—другую мо-

рошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.

Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную. Она вышла, просіявъ отъ радости.

— Вотъ увидите, — сказала она доктору Спаскому, — онъ будетъ живъ; онъ не умретъ. — А въ эту минуту онъ уже кончался. Жуковскій, по уходѣ жены, сталъ вмѣстѣ съ Вильгорскимъ въ головахъ, у постели; Тургеневъ — съ боку. Даль шепнула Жуковскому: отходить!

Мысли умирающаго были свѣтлы, но ихъ отуманивало полудремотное забытье. Вотъ онъ подаль руку Далю и пожимая ее, проговорилъ: Ну, подымай же меня, пойдемъ, да: выше, выше, ну, пойдемъ!

Тотчасъ очнулся и сказалъ:

— Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ, высоко... и голова закружилась.

Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далю руку и потянувъ ее, сказалъ: Ну, пойдемъ же пожалуйста, да вмѣстѣ. — Даль, по просьбѣ его, взявъ его подъ мышки и приподнявъ по выше. Но, вдругъ, какъ бы проснувшись, Пушкинъ быстро раскрылъ глаза. Лицо его прояснилось и онъ сказалъ: кончена жизнь!

Даль не понялъ, а отвѣтилъ: Да, конечно, мы тебя поворотили. — Жизнь кончена, — повторилъ умирающій внятно и твердо, — тяжело дышать, лавить! — Это были послѣднія слова поэта.

«Я не сводилъ съ него глазъ, — пишетъ Жуковскій, и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывистымъ. Оно скоро прекратилось... Я смотрѣлъ внимательно: ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Минуты черезъ двѣ я сказалъ Далю: Что онъ? — Кончилось! отвѣтилъ докторъ. Это было $\frac{3}{4}$ третьяго часа пополудни, 29 января 1837 г.»

П-овъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА СЪ НОВЫМИ ВАРИАНТАМИ.

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить.
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія; а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь, все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля;
Давно усталый рабъ, замыслилъ я побѣгу
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣтъ.

Въ рукописи стихотвореніе сопровождается слѣдующими замѣчаніями поэта:

Юность не имѣетъ нужды въ at home; зрѣлый возрастъ ужасается своего уединенія. Блаженъ, кто находитъ подругу: тогда удался онъ домой. О, скоро-ли перенесу я мои пенаты въ деревню? Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтические, семья, любовь etc. Религія, смерть.

И берегъ Сороти отлогій,
И полосатые холмы,
И въ роцѣ скрытыя дороги,
И домъ, гдѣ пировали мы, —
Приютъ сіянемъ музъ одѣтый,
Младымъ Языковымъ воспѣтый,
Когда изъ капища наукъ
Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ
И нимфы Сороти прославилъ,
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ.
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
И вѣтру въ даръ на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль.

Здѣсь идетъ рѣчь о селѣ Михайловскомъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Сцена изъ «Евгенія Онѣгина» съ современной гравюры. Этотъ рисунокъ снятъ съ весьма рѣдкой современной гравюры, представляющей художественное воспроизведеніе того самого собственноручнаго рисунка Пушкина, который мы даемъ въ другомъ мѣстѣ.

Пригласительный билетъ на погребеніе Пушкина. Это фотографическое воспроизведеніе одного изъ подлинныхъ билетовъ (величайшая рѣдкость), разосланныхъ женою Пушкина роднымъ и знакомымъ великаго поэта.

Стихотвореніе отца Пушкина. (Подстрочный переводъ съ французскаго). Одиноко на безплодной скалѣ, съ покрываломъ, развѣвающимся и ласкающимъ ея волосы, она стояла, любящая на поверхность водъ, которая постепенно покрывалась пѣнящимися волнами, и на молніи, которыхъ быстрый блескъ повторялся на облачномъ небѣ. Какъ я люблю смотрѣть на сверкающее небо и на волны, которымъ оно придаетъ свою окраску. Боже! какъ хорошо! Но повѣрьте, на этой скалѣ она еще прекраснѣе, чѣмъ все окружающее. На оборотѣ этого стихотворенія приписаны различныя фразы рукою Пушкина и Дельвига.

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Въ 1824 году Пушкинъ былъ отосланъ по повелѣнію императора Александра въ родовое имѣніе его родителей, село Михайловское, Псковской губерніи. Въ исходѣ октября, по отъѣздѣ родителей въ Петербургъ, Пушкинъ остался вдвоемъ со своею нянею Арною Родионовною. Здѣсь Пушкинъ написалъ IV, V и VI главы «Онѣгина», отдѣлалъ «Цыганъ» и написалъ «Бориса Годунова». «Знаешь-ли мои занятія?» — писалъ онъ брату осенью 1824 года. — «До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ; вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго моего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма». Въ Михайловскомъ Пушкина посѣщали Пущинъ (его товарищъ по

лицею), баронъ Дельвигъ и другіе. Нашъ рисунокъ, снятый съ известной картины Ге, изображаетъ великаго поэта читающимъ главы «Евгенія Онѣгина» Пущину, въ одно изъ его посѣщеній. Старушка-няня сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ и также прислушивается къ чтенію.

Жена Пушкина. урожденная Гончарова. Въ 1828 году Пушкинъ впервые встрѣтилъ на балу 16-лѣтнюю красавицу Наталью Николаевну Гончарову. Семейство Гончаровыхъ не принадлежало къ числу новыхъ дворянскихъ родовъ: прахѣдъ Наталья Николаевна была основателемъ писчебумажной фабрики. Наталья Николаевна принадлежала къ типу московскихъ свѣтскихъ барышень. Пушкинъ сдѣлалъ ей предложеніе 6 апрѣля 1830 г., въ первый день Пасхи. Свадьба состоялась 18 февраля 1831 года. Ухаживанье Дантеса за Натальею Николаевною началось въ 1834 году и вскорѣ вызвало въ Петербургѣ самую гнусную сплетню, которымъ Пушкинъ не хотѣлъ вѣрить, говоря: «жена моя ангелъ». Неожиданная вѣсть о ранѣ, полученной Пушкинымъ на дуэли, застала его жену дома.

Отецъ и мать Пушкина. Отецъ Пушкина отставной майоръ Сергій Львовичъ; мать — Надежда Осиповна († 1836 г.), правнучка «арамы Петра Великаго» Абрама Ганнибала. Мы сообщаемъ читателямъ «Звѣзды» стихотвореніе отца Пушкина, свидѣтельствующее о несомнѣнномъ, хотя и не выработанномъ талантѣ.

Автографъ Пушкина. Стихотвореніе: Къ ***. Нашъ снимокъ снятъ фотографически съ подлиннаго автографа Пушкина и замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ большей части автографовъ Пушкина встрѣчаются многочисленныя помарки, которыхъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ стихотвореніе переписано самимъ Пушкинымъ на блѣ.

Собственноручный рисунокъ Пушкина. Этотъ рисунокъ, набросанный карандашемъ, изображаетъ самого Пушкина вмѣстѣ съ

Евген. Онегинъ. Оба смотря на Петропавловскую крѣпость
Афиши: балета «Русланъ и Людмила» и романтической три-
логіи «Керимъ Гирей» (28 сент. 1825 г.). Обѣ эти афиши особенно
замѣчательны по эпохѣ, къ которой онѣ относятся: послѣдняя
лишь на нѣсколько мѣсяцевъ предшествуетъ декабрьской рево-
люціи. Известно, что Пушкинъ лишь случайно не попалъ въ
число лицъ, участвовавшихъ въ декабрьскихъ событіяхъ: позже
онъ самъ говорилъ императору Николаю. Въ 1825 г. Пушкинъ
уже пользовался значительною славой, хотя и встрѣчалъ много-
численныхъ противниковъ какъ въ критикѣ, такъ и въ обществѣ,
еще не привыкшемъ къ его поэзіи, составлявшей противолож-
ность какъ псевдоклассицизму и риторикѣ державинскихъ вре-
менъ, такъ и сентиментальному направлению, введенному въ моду
повѣстями Карамзина.

Памятники А. С. Пушкину, въ Москвѣ и на могилѣ, въ Свято-
горскомъ монастырѣ. Послѣдній замѣнилъ тотъ крестъ, который

водруженъ былъ при погребеніи. Московскій памятникъ выпол-
ненъ скульпторомъ Олѣкушинымъ и архитекторомъ Ив. Степ.
Богомоловымъ (нынѣ уже умершимъ). Памятникъ открытъ въ
іюнѣ 1880 года.

Пушкинъ въ гробу. Нашъ рисунокъ снятъ съ весьма рѣдкаго
современнаго оригинала, отличающагося поразительнымъ сход-
ствомъ съ покойнымъ.

Маска, снятая съ Пушкина, принадлежитъ также къ числу
наиболѣе удачныхъ чертъ великаго поэта.

Царскосельскій александровскій лицей. Въ лицей въ первые же
дни по открытіи его попалъ Пушкинъ, и мѣсто образованія имѣло
важное значеніе на его литературное развитіе. Многие сверст-
ники Пушкина—Илличевскій, Пущинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ
соперничали съ нимъ въ служебнѣхъ музаяхъ. На актѣ 1816 г. Пушкинъ
увидѣлъ старца Державина, уже стоявшаго одною ногою въ гробу,
замѣтившаго въ юности признаки поэтическаго дарованія.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. С. ПУШКИНА

ВЪ СЕМИ ТОМАХЪ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. А. ЕФРЕМОВА. — ИЗДАНИЕ В. В. КОМАРОВА.
ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе это, самое полное, дѣлается по
подпискѣ и выйдетъ въ день пятиде-
сятилѣтней годовщины смерти А. С.
Пушкина, 29 января 1887 года.

Приступая къ новому изданію безсмертныхъ произ-
веденій нашего великаго поэта, издатель имѣлъ въ виду,
что одновременно съ его изданіемъ, по всей вѣроятности,
должно будетъ появиться значительное число другихъ.
Поэтому ему прежде всего надобно было озаботиться,
чтобы предпринимаемое имъ изданіе не погонуло въ
массѣ прочихъ, но обратило бы на себя вниманіе чита-
ющей публики удовлетворительностью и полною акку-
ратностью своего исполненія.

Текстъ всѣхъ произведеній, какъ въ стихахъ,
такъ и въ прозѣ, тщательно свѣренъ съ первоначаль-
нымъ текстомъ, напечатаннымъ при жизни поэта и съ
тѣми, недавно появившимися въ печати указаніями,
которые поясняютъ: что именно въ этомъ первоначаль-
номъ текстѣ было измѣнено, при его печатаніи, помимо
воли автора и въ свое время не могло явиться въ томъ
видѣ, какъ самъ онъ желалъ. Для примѣра мы можемъ
указать на «Бориса Годунова», котораго рукопись была
представлена Пушкинымъ на надлежащее усмотрѣніе
въ 1826 г., возвращена ему для исключеній и перемѣнъ
и вновь представлена имъ въ 1830 г. безъ великихъ ис-
ключеній и перемѣнъ, которые однако и были, наконецъ,
сдѣланы, ибо иначе пьеса не могла бы явиться въ пе-
чати. Эти исключенія и перемѣны, указанные г. Сухом-

линовымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 г., уstra-
нены нами и возстановленъ первоначальный текстъ,
напечатанный г. Сухомлиновымъ, такъ что теперь «Бо-
рисъ Годуновъ» въ первый разъ является въ томъ
видѣ, въ какомъ приготовилъ его къ изданію самъ
Пушкинъ.

Что же касается до произведеній, явившихся въ пе-
чати уже по смерти автора и крайне небрежно, съ про-
пусками, ошибками и произвольными перемѣнами, напе-
чатанныхъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій и не
поправленныхъ г. Анненковымъ, единственнымъ изда-
телемъ, имѣвшимъ доступъ къ рукописямъ Пушкина,
то всѣ онѣ нынѣ являются въ своемъ настоящемъ видѣ,
благодаря прекрасному, въ высшей степени аккуратному,
дѣлательному и добросовѣтному труду В. Е. Якушкина,
надъ слѣченіемъ печатавшагося до нынѣ текста съ
подлинными рукописями, хранящимися въ Московскомъ
Музеѣ. Ни одно изъ указаний г. Якушкина въ его
статьяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», 1884 и
1885 г., не оставлено нами безъ вниманія.

Однимъ словомъ, мы увѣрены, что въ нашемъ изда-
ніи читатель найдетъ всѣ доселѣ напечатанныя произ-
веденія Пушкина; отрывки, наброски и даже мельчай-
шія замѣтки его, и при томъ безъ произвольныхъ из-
мѣненій и сокращеній, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ
они вышли изъ подъ его пера.

При такой полнотѣ и обстоятельности, наше из-
даніе будетъ въ то же время и единственнымъ по де-
шевинѣ.

**ЦѢНА ЗА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА ТРИ РУБ.
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ.**

СОДЕРЖАНІЕ № 4: (Продолженіе) — На смерть поэта. Стихо-
твореніе Лермантова. — Дуэль и кончина А. С. Пушкина. II — о ва. —
Послѣднее стихотвореніе А. С. Пушкина съ новыми вариантами. —
Нѣ рисункамъ. — Объявленіе объ изданіи полнаго собранія сочиненій
А. С. Пушкина.

СОДЕРЖАНІЕ РИСУНКОВЪ: Маска съ А. С. Пушкина. Ри-
сункъ Элеоноры Жуковской. — Сергій Львовичъ Пушкинъ (отецъ
поэта). — Надежда Осиповна Пушкина (мать поэта). — Автографъ
стихотворенія Ольги Пушкиной, сестры поэта. — Автографъ стихотво-
ренія отца Пушкина. — Письмо матери Пушкина (автографъ). — Зданіе
лецей въ Царскомъ селѣ, гдѣ воспитывался А. С. Пушкинъ. — Пабро-

сокъ карандашемъ, сдѣланный А. С. Пушкинымъ къ Евгенію Оне-
гину. — Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Съ картины профессора
Ге. — Любопытное предписаніе с.-петербургскаго оберъ-полицеймей-
стера. — Автографъ Пушкина «Я помню чудное мгновенье». — На-
талья Николаевна Пушкина (жена поэта). — Приглашительный билетъ
на погребеніе Пушкина. — А. С. Пушкинъ. Съ гравюры Уткина 1828. —
А. С. Пушкинъ съ гравюры Рейтмана. — А. С. Пушкинъ. Съ совре-
менной литографіи 1837. — Высочайшее повелѣніе о постановкѣ па-
мятника А. С. Пушкину въ Царскомъ селѣ. — Афиши первыхъ сцени-
ческихъ представленій на программѣ А. С. Пушкина. — Любопытный
указъ правительствующаго сената.

№ 4.

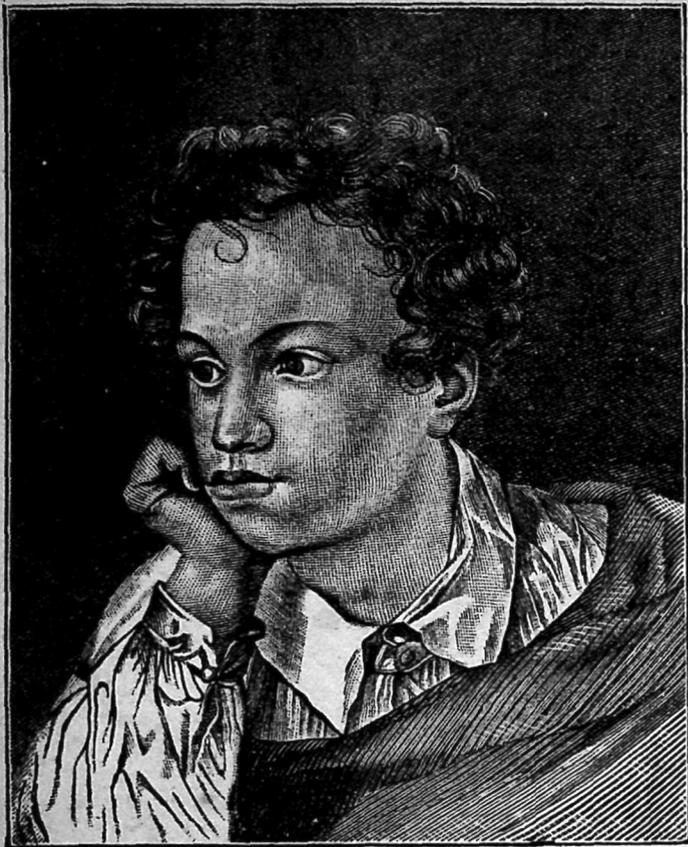
24-го ЯНВАРЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ИПАРКИФ

Элеоноры Жуковской.

А. С. Пушкинъ. Съ гравюры Гейтмана.

А. С. Пушкинъ. Съ гравюры Уткина 1828.

А. С. Пушкинъ. Съ современной литографіи: Пушкину въ Царскомъ селѣ. — Афиши первыхъ сценическихъ представлений на программы А. С. Пушкина. — Любопытный документъ правительства сената.

къ Евгению Онегину картины профессора
 сургучнаго оберъ-полицеймей-
 ства чудное мгновеніе. — На-
 (на поста). — Пригласительный билетъ
 Пушкинъ. Съ гравюры Уткина 1828. —
 Гейтмана. — А. С. Пушкинъ. Съ совре-
 1837. — Высочайшее повелѣніе о постановкѣ па-
 представлений на программы А. С. Пушкина. — Любопытный
 правительства сената.

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

Секретарь

Председатель Квалификации

Заведующий Музыкальным

Вследствие этого гр.
признан вполне достойн квалификациии

199-1

3000р.

- 20.
- 19.
- 18.
- 17.
- 16.
- 15.
- 14.
- 13.
- 12.
- 11.

- 10. Ответственность.
- 9. Камерный ансамбль.
- 8. История музыки.
- 7. Инструментовка.
- 6. Анализ форм.
- 5. Акустика.
- 4. Гармонический анализ (II-й курс гармонии).
- 3. Введение в гармонический анализ (I-й курс гармонии).
- 2. Сопредежно и диатант (одноголосное и двухголосное).
- 1. Введение в теорию музыки.

плана Техникума:

дана все необходимые зачеты по следующим предметам учебного

установленную программу по специальности, а также прослушан и

..... проработал и выполнил

Имея общее образование в объеме школы II ступени,

..... по специальности

..... по под'отделу

..... по

Техникум, окончил его в месяце года

В месяце года в Вологодский Музыкальный

родивш в году месяца, дня, поступил

.....

кумах выдано настоящее свидетельство в том, что гр.

Музыкального Техникума и на основании § 40 постановления о Техн-

Согласно постановления Квалификационной Комиссии Вологодского

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Вологодский
Музыкальный Техникум.
192... г.
№
г. Вологда.

Центр Гелова (ФФ) ~~ИИ~~

Вологодский Губоно
Отдел Профсоюзного Образования.